НМ
51

Проф. П. И. Линицкій.

Философскіе и соціологическіе этюды.

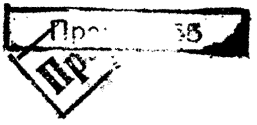
НМ
51

КІЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова, Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.
1907.

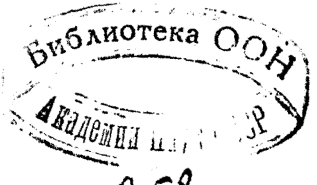
Проф. П. И. Линицкій.

Философскіе и соціологическіе этюды.

КІЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова, Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.
1907.



Оттискъ изъ журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“.



8 58
39

СОДЕРЖАНІЕ.

	стран.
О свободѣ воли	1—48
Христіанская нравственность	49—67
О трудолюбіи	68—120
Объ искусствѣ	121—152
Къ вопросу о законѣ развитія . . .	153—186
Начала общественной жизни	187—236

О свободѣ воли.

Вопросъ о свободѣ воли существуетъ съ незапамятныхъ поръ, съ того времени какъ человѣкъ сталъ размышлять о самомъ себѣ и задумываться надъ тѣмъ, что онъ такое, какова его природа, почему и для чего онъ существуетъ, почему на немъ лежитъ отвѣтственность за его дѣла, и въ самомъ ли дѣлѣ онъ воленъ поступать и такъ и иначе, и хорошо и дурно, дѣлать или то, что считается его обязанностію или же противное тому, слѣдовательно нарушать свою обязанность? Конечно, всякому по опыту извѣстно, что во многихъ случаяхъ мы поступаемъ такъ, какъ сами *хотимъ*, а чего не *хотимъ*, того не дѣлаемъ, но не всегда такъ бываетъ. Иногда мы по принужденію, а не по своей охотѣ, дѣлаемъ одно, не дѣлаемъ другого: обстоятельства и люди вынуждаютъ насъ во многихъ случаяхъ поступать не такъ, какъ бы намъ хотѣлось, а вопреки своему желанію. Да и самая обязанность не есть ли стѣсненіе нашей воли. Вѣдь когда говорятъ человѣку, что онъ обязанъ дѣлать то или иное, то не справляются съ тѣмъ, хочется ли ему дѣлать это, или же вовсе не хотѣлось бы, да и самъ онъ понимаетъ, что въ такихъ случаяхъ нужно отложить въ сторону свое хотѣніе или нехотѣніе: не такъ живи, какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велѣлъ. Итакъ, повидимому, ясно, что человѣкъ одаренъ свободною волею, выраженіемъ которой служитъ то, что онъ можетъ хотѣть или не хотѣть, и во мно-

гихъ случаяхъ поступаетъ сообразно со своимъ хотѣніемъ или нехотѣніемъ, но есть много ограниченій, налагаемыхъ на нашу свободную волю и нашими обязанностями и условіями нашей жизни, которыхъ мы не въ силахъ перемѣнить, а принуждены сообразоваться съ ними, и, наконецъ, разнаго рода случайностями, которыхъ не всегда можно предусмотрѣть, чтобы подчинить своей волѣ. Однако ограниченія свободной воли не уничтожаютъ ее, а только стѣсняютъ. Да, ограниченія эти перестаютъ быть таковыми, коль скоро совпадаютъ съ добровольными нашими хотѣніями; такъ, напр., обязанность не есть уже принужденіе, какъ скоро самъ я хочу того, что велитъ мнѣ моя обязанность. Въ виду этого представляется страннымъ, какъ можно отрицать существованіе въ человѣкѣ свободной воли. Не значитъ ли это не примѣчать слона между букашками, не видѣть того, что яснѣе дня? Какое тутъ можетъ быть сомнѣніе, когда каждый постоянно говоритъ о себѣ: я хочу, я не хочу, и сознаетъ до очевидности, что онъ, пусть и не всегда, воленъ поступать и такъ и иначе, и даже когда дѣлаетъ что-нибудь не по волѣ, а по принужденію, то сознаніе его говоритъ ему ясно, что и въ этомъ случаѣ онъ могъ бы иначе поступить, что всегда онъ сохраняетъ, удерживаетъ въ себѣ способность поступить въ каждомъ данномъ случаѣ иначе, чѣмъ поступаетъ. Величайшіе подвижники, уже утвердившіеся въ дѣланіи добра ни на минуту не забывали, что могутъ легко сдѣлать отступленіе отъ привычнаго для нихъ образа жизни и съ высоты броситься въ бездну порока, стоитъ только сильно этого захотѣть.

И вотъ, однако, вопреки этой очевидности, повидимому, ясной какъ день, вопреки несомнѣнному свидѣтельству нашего сознанія о существованіи въ насъ свободной воли, во всѣ времена, и въ древности, были люди, сомнѣвавшіеся въ существованіи свободной воли, и теперь есть люди, которые прямо отрицаютъ свободную волю въ природѣ человѣка. И должно

сказать, что отрицающихъ свободную волю между образованными и учеными теперь большинство.

Уже давно разбирается серьезно вопросъ, слѣдуетъ ли наказывать преступника за содѣянное имъ зло: по природѣ своей онъ таковъ, что, совершая преступленіе, онъ не могъ иначе поступить. Да и здравый смыслъ, повидимому, подтверждаетъ такой взглядъ на человѣка, что въ сущности онъ не воленъ въ своихъ дѣлахъ; говорится вѣдь: каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилку. Есть при томъ же такъ называемые фаталисты—люди убѣжденные въ томъ, что человѣкъ во всѣхъ дѣлахъ и во всѣхъ случаяхъ своей жизни таковъ, какимъ ему суждено быть нѣкоею невѣдомою силою, именуемою судьбою: да и всѣ мы очень часто выражаемся такъ: видно его такая судьба, противъ судьбы не пойдешь. А какъ же быть съ хотѣніемъ и нехотѣніемъ; вѣдь это же и есть свобода, что я могу сообразоваться въ своихъ дѣлахъ со своимъ хотѣніемъ или нехотѣніемъ. Вотъ въ томъ то и вопросъ, говорятъ: свободны ли наши хотѣнія или нехотѣнія: хотѣть чего-нибудь это значитъ имѣть нѣкоторое влеченіе или склонность, присущую нашей природѣ. Влеченіе можетъ быть врожденное,—есть влеченія свойственныя всѣмъ людямъ по природѣ,—можетъ быть и нажитое влеченіе, однако послѣднее также несвободно, какъ и первое: недаромъ говорятъ, что привычка—вторая натура. Отъ нажитыхъ привычекъ всего болѣе зависитъ то, что люди такъ различны по своимъ характерамъ и по образу своихъ дѣйствій. Да и къ числу прирожденныхъ влеченій слѣдуетъ относить не только влеченія, свойственныя всѣмъ людямъ, слѣдов. самой природѣ человѣка, но и влеченія постепенно пріобрѣтаемыя долговременнымъ опытомъ жизни и по наслѣдству переходящія отъ одного поколѣнія къ другому; такъ образуются разные типы характеровъ, составляющіе общую принадлежность каждаго отдѣльнаго сословія, каждой профес-

сіи. Недаромъ говорятъ о породахъ не только животныхъ, но и человѣческихъ. Есть и болѣе общія различія, служащія основаніемъ для раздѣленія людей по расамъ, по племенамъ, народностямъ. Такъ вотъ стоитъ лишь подумать, сколько въ природѣ человѣка заключено разныхъ влеченій, склонностей, привычекъ и свойствъ, то болѣе общихъ, то менѣе общихъ, прирожденныхъ въ разной степени, то очень явно проявляющихся, то едва примѣтныхъ и совсѣмъ нами незамѣчаемыхъ въ себѣ, чтобы усомниться въ дѣйствительности свободы воли. Давно извѣстно, что существуютъ болѣзни, переходящія по наслѣдству, по наслѣдству же переходятъ способности, таланты. Если при всемъ томъ существуютъ индивидуальныя отличія, по которымъ каждый въ отдѣльности отличается отъ другихъ себѣ подобныхъ, то присоедините только ко всему наслѣдственному еще жизненный опытъ каждаго въ отдѣльности человѣка и тогда будетъ понятно происхожденіе личныхъ или индивидуальныхъ особенностей каждаго человѣка. Особенности эти не слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что у каждаго свободная воля и всякій особеннымъ образомъ поступаетъ по своей свободной волѣ,—одинъ такъ, другой иначе; никакой свободной воли нѣтъ, говорятъ намъ, а только непрерывно накопляются въ природѣ каждаго влеченія и навыки, но самое накопленіе въ жизни каждаго происходитъ иначе, особеннымъ образомъ: вѣдь нѣтъ двухъ листовъ на деревѣ, которые совсѣмъ были бы одинаковы,—что жъ удивительнаго если люди такъ различны, что человѣкъ на человѣка не приходится? Итакъ, когда мы говоримъ, что поступаемъ по своей свободной волѣ, какъ сами хотимъ, то это такъ толкуютъ, что значитъ мы *повинуемся влеченію собственной нашей природы*, а не состоимъ во власти нѣкоторой посторонней силы. Собака, когда привязана на цѣпь, не свободна; а когда отпускаютъ ее на волю, она тогда лишь себѣ повинуется, т. е. идетъ туда, куда хочетъ, и вообще посту-

паетъ такъ, какъ хочетъ: такова же и свободная воля человѣка.

Что можно сказать на это разсужденіе? Повидимому, легко его опровергнуть: всякому извѣстно по опыту, что человѣкъ обладаетъ способностію противиться какому угодно своему влеченію, и чѣмъ сильнѣе борьба противъ такъ называемаго искушенія, т. е. извѣстной склонности или влеченія природы, тѣмъ пріятнѣе для насъ торжество, и въ чемъ иномъ состоитъ эта пріятность, какъ не въ сознаніи, что это наша заслуга, дѣлающая намъ честь, если мы устояли противъ природнаго влеченія и дѣлаемъ то, что повелѣваетъ долгъ, а не то, что намъ было бы пріятно дѣлать, къ чему у насъ есть влеченіе. Животныя никогда не противятся влеченіямъ своей природы; человѣкъ одинъ только обладаетъ такою способностію; и вотъ эта то способность и подразумѣвается, когда говорится о свободѣ воли. Послушаемъ теперь, что намъ на это скажутъ люди противнаго лагеря, т. е. тѣ, которые отрицаютъ свободную волю. Говорятъ они вотъ что: когда мы противимся нѣкоторому влеченію и дѣлаемъ не то, къ чему влечетъ насъ, а противное тому, то это слѣдуетъ такъ понимать, что у насъ сталкиваются между собою различныя влеченія, происходитъ между ними борьба, иногда довольно продолжительная, при чемъ мы переживаемъ самое непріятное томительное состояніе колебанія то въ одну, то въ другую сторону. Для иллюстраціи этого мучительнаго состоянія внутренняго раздора одинъ писатель придумалъ такой образъ: представьте себѣ осла, которому въ равной степени, одинаково сильно, хотѣлось бы ѣсть и пить; если бы этого осла поставить между сѣномъ и водою, то, при равенствѣ влеченій въ обѣ стороны, не могъ бы двинуться онъ ни въ одну, ни въ другую сторону: состояніе нерѣшительности происходило бы отъ равновѣсія между двумя противоположными влеченіями, которыя взаимно другъ друга парализовали бы, и оселъ долженъ бы неминуемо,

вслѣдствіе этого, погибнуть. Разумѣется въ дѣйствительности ничего подобнаго не можетъ быть, но почему? потому что полнаго совершеннаго равновѣсія въ такой неустойчивой средѣ, какъ организмъ живой, никогда не бываетъ, но по крайней мѣрѣ такое состояніе мыслимо, какъ мы мыслимъ математическую точку, прямую линію, кругъ, хотя въ дѣйствительности не бываетъ и быть не можетъ ни математической точки, ни прямой линіи, совершенно прямой, ни совершеннаго круга. Если же мыслимо, и притомъ съ необходимостію мыслимо, сказанное выше о такъ называемомъ Буридановѣ ослѣ, то это значитъ, что въ дѣйствительности должно быть нѣчто приблизительное тому, какъ есть приблизительная къ математической точка, есть приблизительная прямая линія, приблизительный кругъ. Именно борьба влеченій, колебательное состояніе между однимъ влеченіемъ и другимъ и есть состояніе приблизительное къ воображаемому состоянію Буриданова осла. Такъ какъ совершенное равновѣсіе влеченій невозможно въ дѣйствительности, то борьба, столкновеніе разныхъ влеченій обыкновенно оканчивается рѣшительнымъ торжествомъ одного изъ нихъ, разумѣется сильнѣйшаго. Такъ бываетъ на войнѣ: долгое время борьба враговъ происходитъ съ перемѣннымъ счастіемъ; то одна сторона, то другая временно выигрываетъ и беретъ перевѣсъ надъ другою, но окончательно и рѣшительно побѣждаетъ все же сторона сильнѣйшая. Найдется у насъ—защитниковъ свободы воли—отвѣтъ и на это возраженіе такъ называем. детерминистовъ, т. е. отрицателей свободы воли. Если бы дѣло такъ происходило, какъ сейчасъ представлено, то наше самосознающее я просто оставалось бы простымъ зрителемъ происходящей въ немъ или предъ нимъ борьбы разныхъ влеченій, все равно какъ въ лихорадкѣ бросаетъ насъ то въ жаръ, то въ холодъ, *а наша* воля тутъ не при чемъ. Подобныя душевныя состоянія дѣй-

ствительно бываютъ: хочется намъ и одного и другого, но мы ясно видимъ, что совмѣстить разныхъ желаній никакъ нельзя, и вотъ мы рѣшаемъ послѣдовать тому или другому влеченію; не влеченіе пересиливаетъ другое, а мы сами рѣшаемъ, наше я, или воля наша рѣшается стать на сторону одного изъ противоположныхъ влеченій,—не всегда притомъ сильнѣйшаго, но часто на сторону слабѣйшаго влеченія. Всѣмъ извѣстно, что влеченія чувственныя суть сильнѣйшія, а когда какое-либо изъ этихъ влеченій переходитъ въ страсть, то становится даже непреодолимымъ для нашей воли: человѣкъ дѣлается жалкимъ рабомъ своей страсти, при чемъ и самъ онъ понимаетъ, что, допустивъ въ себѣ укорениться страсти, онъ лишилъ себя чрезъ то свободной воли. Если бы сопротивленіе нашей воли нѣкоторому влеченію было лишь столкновеніемъ разныхъ влеченій, и что мы называемъ торжествомъ воли надъ слѣпымъ влеченіемъ было на самомъ дѣлѣ только господствомъ одного влеченія надъ другимъ, то и всякая страсть также казалась бы намъ господствомъ воли надъ влеченіемъ, потому что дѣйствительно въ страсти сильнѣйшее влеченіе одерживаетъ верхъ, но мы вѣдь не отожествляемъ страсти съ волею. По изложенному выше толкованію нашей волевой дѣятельности, что мы называемъ волею есть только сильнѣйшее влеченіе, преодолѣвшее другія влеченія,—слабѣйшія. На самомъ же дѣлѣ всякая чувственная страсть есть лишеніе воли, есть рабское состояніе, почему мы и говоримъ о человѣкѣ, впавшемъ въ страсть, что онъ *одержимъ* страстью, что онъ не владѣетъ собою, словомъ утратилъ свою свободную волю.

Вообще рѣшимость воли ясно различается отъ простого влеченія. Рѣшимость воли мы всегда относимъ къ своему я, къ самому центру нашей духов. личности, тогда какъ всякое влеченіе представляется намъ чѣмъ то посторонним для нашего я (такъ мы говоримъ, меня сильно тянетъ, но я рѣшилъ, рѣшился); и хотя бы рѣшеніе нашей воли совпало съ

нѣкоторымъ влеченіемъ, однако и въ этомъ случаѣ рѣшеніе воли ясно различается отъ простого влеченія. Это видно изъ того, что когда сталкиваются разныя влеченія, то дѣло происходитъ вовсе не такъ, или по крайней мѣрѣ не всегда такъ, какъ выше представлено, т. е. чтобы одно влеченіе само по себѣ одерживало верхъ надъ другимъ, сильнѣйшее надъ слабѣйшимъ; происходитъ въ такомъ случаѣ нерѣдко *выборъ*, и это то и есть проявленіе воли, почему свобода воли опредѣляется обыкновенно какъ свобода выбора.

Не надо забывать того, что въ дѣйствіяхъ воли большое участіе принимаетъ и важное имѣетъ значеніе разсудокъ. Нерѣдко по сложности предпринимаемаго нами дѣла на нашу волю оказываютъ вліяніе разныя побужденія; сверхъ того, при выполненіи дѣла приходится принимать во вниманіе разныя условія, отъ которыхъ зависитъ такое или иное направленіе его; все это требуетъ большой обдуманности. Да и вообще вся наша жизнь ставитъ предъ нами разнообразныя задачи и загадки, для разрѣшенія которыхъ нужна непрерывная умственная работа. Жизнь все болѣе усложняется и разнообразится, поэтому не всегда бываетъ удобно держаться установившихся нѣкогда рамокъ и двигаться по пробитой колеѣ; итакъ, очевидно, для того, чтобы дѣятельность нашей воли была успѣшною, необходима при этомъ постоянная работа умственная; потому то мы такъ долго и учимся, и, послѣ школьнаго обученія, сами стараемся накоплять знанія и содержать по возможности въ бодрственномъ состояніи нашъ умъ, что дѣйствія нашей воли могутъ происходить надлежащимъ образомъ, только состоя въ неразрывной связи съ дѣйствіями умственными, мыслительными. Собственно только при надлежащемъ контролирующемъ дѣйствіи ума, и воля наша бываетъ и можетъ быть свободною, а иначе она подпадаетъ власти слѣпыхъ влеченій и привычекъ, и свобода ея ослабѣваетъ,—разумѣются при этомъ привычки не активнаго, а пассивнаго характера, напр., можно

ли назвать самую работу привычкою? Собственно начало и конецъ, т. е. время продолженія можетъ быть привычно, а не самая работа; только механическая и однообразная работа можетъ стать привычною, но такая работа столь же ослабляющее дѣйствіе оказываетъ на энергію воли, какъ и всякая иная привычка (сонъ послѣ обѣда, разнаго рода развлеченія въ урочное время).

Итакъ, существенное значеніе въ волевой дѣятельности имѣетъ умъ, работа разсудка (обдумываніе, расчетъ). На этомъ основаніи различаютъ въ дѣятельности человѣческой воли (практической) двоякую сторону—формальную, относимую къ разсудку, и сторону матеріальную, состоящую въ разнаго рода влеченіяхъ, побужденіяхъ, иначе называемыхъ *мотивами*. Разсмотримъ же дѣятельность воли съ той и другой стороны, имѣя постоянно въ виду свою цѣль—рѣшеніе вопроса о свободѣ воли.

Разсудокъ большое участіе принимаетъ въ дѣйствіяхъ воли, расчитывая, взвѣшивая и соображая разные способы и средства къ достиженію предположенныхъ цѣлей, оцѣнивая и самыя цѣли. И тотъ же разсудокъ, какъ сила рефлективная, служитъ для насъ органомъ познанія о нашей волѣ; пользуясь разсудкомъ, мы только и можемъ разобраться въ сложныхъ и потаенныхъ ходахъ нашей воли. Выше сказано о томъ, что существуетъ всегда множество разнообразныхъ влеченій. Разсудокъ сводитъ всѣ ихъ къ одному началу—*къ эгоизму*.

Было сказано, что рѣшимость воли мы относимъ къ своему я. Но это значитъ, что наше я служитъ центромъ въ рѣшеніяхъ нашей воли; отъ нашего я и къ нашему я направляется воля въ своихъ рѣшеніяхъ. Вотъ поэтому то довольно часто повторялось и многими признается безспорнымъ положеніе, что основнымъ началомъ нашей дѣятельности, во всѣхъ проявленіяхъ нашей воли служитъ эгоизмъ;

чтобы оцѣнить должнымъ образомъ это положеніе, необходимо прежде всего отклонить важное недоразумѣніе. Конечно, всякое рѣшеніе отъ нашего я исходитъ,— иначе и быть не можетъ, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ всякое рѣшеніе и направлялось къ тому же я, имѣло своимъ предметомъ то же самое я, этого нельзя утверждать. Напротивъ, часто бываетъ, что предметъ нашихъ заботъ и усилій не имѣетъ никакого отношенія къ нашему я, напр., благосостояніе общества въ далекомъ будущемъ, столь отдаленномъ, что мы никакъ не можемъ расчитывать сами насладиться плодами своихъ усилій; часто насъ интересуетъ то, отъ чего мы не можемъ ожидать для себя никакой выгоды; бываетъ, что человѣкъ въ заботахъ о благѣ другихъ, или же объ успѣхѣ какого-либо дѣла совсѣмъ забываетъ себя, и даже вредитъ себѣ (разстраиваетъ здоровье, истощаетъ силы) и вотъ ухитряются и во всѣхъ подобныхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности находить эгоистическую подкладку для того только, чтобы показать, что нашею волею всегда заправляетъ нѣкоторое необходимое для насъ начало и слѣдовательно она не свободна. Говорятъ, что если человѣкъ хлопочетъ о такомъ дѣлѣ, которое, повидимому, не касается его личныхъ интересовъ и не имѣетъ съ ними связи, то очевидно въ исполненіи этого дѣла, въ успѣхѣ его онъ находитъ для себя нѣкоторое удовольствіе или ожидаетъ такового, а это уже есть чисто эгоистическій мотивъ. Когда толкуютъ такимъ образомъ эгоизмъ, что разумѣютъ подъ этимъ названіемъ даже самыя безкорыстныя чистыя и невинныя радости и удовольствія, то слѣдуетъ по справедливости отнести таковое толкованіе того, что называется эгоизмомъ, къ софистической игрѣ словами. Для устраненія подобной софистики воспользуемся такимъ нагляднымъ представленіемъ. Пусть наше я составляетъ центръ, изъ котораго исходятъ всѣ наши стремленія и интересы; стремленія эти, доходя до своего крайняго предѣла, т. е. до своихъ цѣлей, составляютъ окружность, сферу

нашего я. Теперь дѣло въ томъ, что сфера эта у разныхъ лицъ очень различна: у однихъ она очень узка и ограниченна, охватываетъ лишь самыя ближайшія жизненныя отношенія, такіе люди пекутся о маломъ; у другихъ же эта сфера несравненно шире: мысли и заботы таковыхъ простираются очень далеко; у иныхъ же, пожалуй, расширяется она, можно сказать, въ безконечность. Ужели всѣ подобныя, очень существенныя различія можно игнорировать, говоря, что всѣ люди эгоисты? Положимъ, скажутъ, что какой бы широты не была сфера, имѣющая своимъ центромъ человѣческое я, или личность человѣка, а все же ближайшее къ этому я должно быть важнѣе всего остального; не даромъ говорится: своя рубашка ближе къ тѣлу. Но вѣдь и ближайшее къ нашему я, въ зависимости отъ большей или меньшей широты принадлежащей этому я сферы, бываетъ далеко неодинаково: одинъ, напр., ищетъ въ жизни только удовольствій, развлеченій; другой заботится о томъ, что считаетъ для себя полезнымъ, и эта одна забота уже научаетъ осторожности, какъ бы не сдѣлать вреда другимъ, ибо отъ этого свои интересы могутъ пострадать, а иной заботится о чести своего имени, о своемъ достоинствѣ. Такимъ образомъ и ближайшее къ нашему я различно понимается и далеко не равную имѣетъ цѣну.

Сказанное сейчасъ относится къ матеріальной сторонѣ нашей дѣятельности, именно къ мотивамъ ея, которые нерѣдко всѣ сводятся къ одному началу—къ эгоизму. Теперь обратимся къ разсмотрѣнію формальной ея стороны.

Разсудокъ, какъ было сказано, собственно и составляетъ формальный элементъ въ нашей дѣятельности. Между тѣмъ, разсудокъ все познаваемое имъ и обсуждаемое признаетъ подчиненнымъ нѣкоторой непреодолимой необходимости. Существованіе этой необходимости повсюду въ мірѣ дѣйствительно оправдывается научнымъ изслѣдованіемъ, которымъ давно уже открыты и общіе законы повсюду дѣй-

ствующіе, какъ законъ тяготѣнія, а также спеціальные законы химическіе, физическіе, физіологическіе, психологическіе и многіе другіе. Этого мало: есть такое разсудочное понятіе, во всеобщей приложимости котораго мы не можемъ сомнѣваться, а между тѣмъ понятіе это выражаетъ естественное убѣжденіе нашего разума, что во всѣхъ перемѣнахъ дѣйствительности господствуетъ необходимая связь, по которой послѣдующее производится предшествующимъ. Это есть понятіе *о причинности.* Называютъ это понятіе еще закономъ причинности. Законъ этотъ выражается въ такомъ положеніи: всякая перемѣна должна имѣть свою причину, причемъ такъ какъ всякая причина тоже есть не что иное, какъ перемѣна, то слѣдовательно для всякой данной причины должна быть другая предшествующая ей причина и т. д. Примѣнимъ теперь это понятіе причинности къ дѣятельности нашей воли. Что оказывается? Для всякаго нашего хотѣнія должна быть причина, которая принудила насъ хотѣть этого, а не иного чего-нибудь: мы можемъ не замѣчать причины дѣйствующей въ извѣстномъ случаѣ на нашу волю, и тѣмъ не менѣе эта причина должна быть, ибо вѣдь ничего не бываетъ безъ причины. Собственно отъ незнанія причинъ, движущихъ нашу волю и происходитъ, говорятъ, ложная увѣренность въ томъ, что воля наша свободна. Причинъ дѣйствующихъ въ нашей душѣ такъ много, и эти причины такъ мало замѣтны, что неудивительно, если онѣ ускользаютъ отъ нашего вниманія, и вотъ потому только, что мы не замѣчаемъ скрытыхъ отъ насъ пружинъ, заправляющихъ нашею волею, намъ и кажется, что воля наша свободна, что она ничему не подчинена, а единственно по своему изволенію, т. е. вполнѣ свободно, рѣшаетъ всегда такъ или иначе.

Правда, воля обыкновенно проявляется какъ свобода выбора. Это значитъ, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя причины, при томъ, конечно, важнѣйшія, дѣйствующія на нашу

волю, мы замѣчаемъ; итакъ, не состоитъ ли свобода нашей воли въ томъ, что мы дѣлаемъ выборъ между причинами; предоставляя одной причинѣ дѣйствовать, а другія причины оставляемъ бездѣйственными въ отношеніи къ нашей волѣ? Вѣдь мы нерѣдко такъ выражаемся, что, по такой то причинѣ, мы нашли нужнымъ рѣшить это дѣло такъ. На это намъ говорятъ, что и для нашего выбора такъ назыв. мотивовъ, т. е. причинъ, побуждающихъ дѣйствовать или такимъ или инымъ образомъ, опять таки должна быть нѣкоторая причина, и стало быть, самый актъ выбора все же нельзя считать свободнымъ. Утверждая, такимъ образомъ, всеобщность закона причинности, детерминисты, т. е. люди отрицающіе свободу воли, полагаютъ поэтому, что всѣ историческіе событія и факты, такъ же, какъ и явленія природы, должны происходить по нѣкоторымъ необходимымъ законамъ, а всѣ историческіе дѣятели, которыхъ принято прославлять, не болѣе, какъ слѣпыя орудія, посредствомъ которыхъ, невѣдомо для нихъ самихъ, т. е. для этихъ дѣятелей, выполняются таковые законы. Въ доказательство существованія необходимыхъ законовъ не только въ явленіяхъ природы, въ чемъ никто не сомнѣвается, но и въ дѣйствіяхъ человѣческой воли, что до сихъ поръ, говорятъ, для многихъ не было ясно, и что все-таки недостаточно признается, ссылаются на выводы статистики, показывающіе будто бы господство неизмѣнной правильности въ такихъ событіяхъ и фактахъ человѣческой жизни, которые на первый взглядъ, а въ особенности взятые отдѣльно, а не въ совокупности, представляются вполнѣ случайными. Таковы случаи рожденій, смертей, браковъ; изъ года въ годъ эти случаи повторяются приблизительно въ томъ же числѣ съ замѣчательнымъ постоянствомъ; даже такіе факты, какъ количество писемъ безъ адресовъ, факты, обязанные своимъ происхожденіемъ единственно разсѣянности или забывчивости, также оказы-

ваются подчиненными опредѣленному закону, ибо также правильно повторяются.

Имѣя это въ виду, извѣстный англійскій писатель *Бокль* попытался отступить отъ общепринятаго способа писанія человѣческой исторіи, и составить историческое изслѣдованіе по новому плану, именно задумалъ открыть законы, по которымъ съ необходимостію совершается теченіе историческихъ событій; предразсудокъ о свободной волѣ отбросить; такъ называемыхъ героевъ исторіи оставить безъ вниманія; вообще воздерживаться отъ всякаго одобренія и порицанія дѣлъ человѣческихъ, а разсматривать ихъ такъ, какъ бы это были простыя явленія природы. Требовалось, значитъ, изъ исторіи человѣчества сдѣлать одну изъ наукъ естественныхъ. Положимъ Бокль никакихъ историческихъ необходимыхъ законовъ, вполнѣ достаточныхъ для обозрѣнія и изъясненія фактовъ исторической жизни не открылъ, но все-таки нельзя было сомнѣваться въ существованіи таковыхъ самодѣйствующихъ законовъ въ исторіи послѣ того, какъ еще ранѣе Бокля Контъ, французскій философъ, также признавалъ историческія явленія жизни человѣческой подлежащими необходимымъ законамъ, и для изученія этихъ законовъ проектировалъ даже новую науку—*соціологію*. Нельзя сказать, чтобы эта наука родилась подъ счастливой звѣздой. Не мало времени прошло съ тѣхъ поръ; во всѣхъ странахъ Европы и въ Америкѣ усердно принялись за разработку новой науки. Страшно много написано по этой наукѣ; не отстаемъ мы отъ Западной Европы и Америки въ этомъ дѣлѣ: не только научнымъ образомъ, но и въ литературныхъ произведеніяхъ проводится также идея о существованіи необходимыхъ законовъ въ историческихъ событіяхъ, вообще въ дѣлахъ человѣческихъ и въ судьбѣ людей. Достаточно указать на извѣстнаго французскаго писателя Зола, а у насъ на графа Л. Толстого, который въ своемъ романѣ „Война и миръ“ пространно

разсуждаетъ о свободѣ воли и о существованіи необходимыхъ законовъ человѣческой дѣятельности, исключающихъ возможность свободной воли, примѣнивъ эту теорію къ дѣйствіямъ Наполеона въ эпоху отечественной войны.

Вотъ сколько понадобилось усилій и средствъ, чтобы устранить такъ называемый предразсудокъ о свободѣ воли.

Теперь мы должны разобрать приведенные доводы противъ существованія свободы воли.

Скажемъ сначала о законахъ необходимости и затѣмъ о причинности, какъ общей формулѣ необходимаго закона.

Вездѣ есть и дѣйствуютъ съ необходимостію общіе законы. Ужели только дѣятельность нашей воли изъята изъ этого общаго порядка вещей? Въ такомъ случаѣ получилось бы двойство, недопустимое въ мірѣ, которому свойственны должны быть единство и цѣльность. Да существуютъ и для дѣятельности нашей воли опредѣленные законы. Но только слѣдуетъ различать этого рода законы отъ необходимыхъ законовъ природы; они всегда и различались и различаются подъ названіемъ *правилъ*. Правила не то, что законы природы; правила только направляютъ нашу волю, но не принуждаютъ. Правило мы можемъ и нарушить, а законы природы, какъ необходимо дѣйствующіе, ненарушимы. Во всякомъ обществѣ есть законы, но эти законы устанавливаютъ для себя сами же люди. Правда, что основаніе для нихъ заключается въ независимыхъ отъ воли свойствахъ природы человѣческой, а также въ необходимыхъ условіяхъ общежитія; но нельзя сказать, чтобы и самые законы, устанавливаемые людьми, были столь же необходимы; напротивъ, при установленіи ихъ всегда предвидится возможность какъ исполненія, такъ и неисполненія. Кромѣ человѣческихъ, есть законы Божескіе, но и эти послѣдніе не сами по себѣ дѣйствуютъ, а не иначе, какъ чрезъ свободную человѣческую волю и для нея именно предназначены. Заповѣди, данныя

Богомъ предложены для свободнаго исполненія, ибо въ нихъ указываются и награды исполняющимъ.

Здѣсь надо вспомнить сказанное объ эгоизмѣ, какъ основномъ началѣ человѣческой дѣятельности.

Допустимъ даже, что въ основаніи человѣческихъ поступковъ лежитъ эгоизмъ. Однакожъ большая разница между чисто животнымъ эгоизмомъ, дѣйствующимъ слѣпо и непреодолимо, и эгоизмомъ человѣческимъ диктующимъ для свободнаго исполненія воли человѣческой нѣкоторыя правила. Коль скоро человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ сообразуется съ нѣкоторымъ общимъ правиломъ,—пусть даже это правило будетъ внушено эгоизмомъ, то о такомъ человѣкѣ мы говоримъ, что онъ обладаетъ опредѣленнымъ характеромъ, что это съ характеромъ человѣкъ. А это значитъ, что его воля не вдается слѣпо и безъ оглядки во власть случайныхъ, мимолетныхъ впечатлѣній и душевныхъ расположеній, а господствуетъ надъ ними и дѣйствуетъ съ расчетомъ, слѣдовательно, по нѣкоторому плану, а это уже и есть свободное дѣйствованіе.

Но вѣдь причинность одинаковый имѣетъ смыслъ, прилагаемъ ли мы это понятіе къ явленіямъ природы или же къ дѣйствіямъ человѣческой воли? Не совсѣмъ такъ. Причинность въ сферѣ человѣческой дѣятельности получаетъ характеръ *цѣлесообразности*, телеологіи: цѣль называется причиною конечною въ томъ смыслѣ, что осуществленіе цѣли составляетъ конечный пунктъ въ развитіи по извѣстному плану и правилу человѣческой дѣятельности: но въ этомъ своемъ значеніи, какъ пунктъ конечный, причина уже теряетъ свойство необходимости, ибо осуществленіе цѣли зависитъ отъ свободной человѣческой воли: цѣль поставлена, но она можетъ и не осуществиться вовсе, или же осуществленіе ея можетъ быть не доведено до конца. Поэтому то цѣль различаютъ отъ причины въ собственномъ смыслѣ, именно: отъ *конечныхъ причинъ* (цѣлей) различаютъ при-

чины *дѣйствующія*, разумѣя подъ этимъ послѣднимъ названіемъ силы природы, такъ какъ силы природы непрерывно дѣйствуютъ, тогда какъ въ области жизненныхъ явленій дѣятельность ихъ прерывается и смѣняется покоемъ, бодрствованіе—сномъ. Цѣлесообразность есть свойство, принадлежащее всѣмъ живымъ существамъ, однако только человѣкъ обладаетъ свободною волею. Это потому, что человѣкъ не только цѣлесообразно, но и сознательно дѣйствуетъ, т. е. съ сознаніемъ своей цѣлесообразности, по идеѣ цѣли, которая, такимъ образомъ, дана въ человѣкѣ въ качествѣ идеи, прежде нежели сдѣлается фактомъ, дѣйствительностію; у животныхъ же, цѣлесообразность обыкновенно безсознательная, не соединяется съ идеей цѣли, какъ это видно изъ того, что животныя всегда одинаково выполняютъ свои цѣлесообразныя дѣйствія и выполняютъ съ неизмѣннымъ постоянствомъ, приближаясь въ этомъ отношеніи къ непрерывно дѣйствующимъ силамъ природы, человѣкъ же, можно сказать,—каждый въ отдѣльности, имѣя ту же цѣль, различно видоизмѣняетъ выполненіе ея.

Такъ какъ въ дѣятельности человѣка главное значеніе имѣютъ конечныя причины, то этимъ самымъ совершенно устраняется та мысль, что будто, только по незнанію причинъ (скрытыхъ) нашихъ дѣйствій, мы считаемъ себя обладающими свободною волею. Мы ясно видимъ зависимость своихъ поступковъ отъ цѣлей, которыя мы сами же для нихъ предназначаемъ, такъ что эта наша зависимость отъ цѣлей есть въ сущности зависимость отъ воли, полагающей эти цѣли, т. е. отъ самихъ себя, а въ этомъ и состоитъ свобода воли. Причемъ же тутъ скрытыя отъ насъ и невѣдомыя нами причины нашихъ поступковъ? Если бы дѣйствительно въ нашемъ организмѣ были неизвѣстныя намъ причины такого свойства, что онѣ принудительно дѣйствовали бы на нашу волю и всѣ наши поступки производились

бы съ непреодолимою необходимостію, въ такомъ случаѣ какъ мы могли бы съ полною свободою и непринужденностію задаваться, иногда по крайней мѣрѣ, разными цѣлями и выполнять ихъ по своему усмотрѣнію. Вѣдь роковая власть надъ нами невѣдомыхъ намъ причинъ не допустила бы насъ до этого. Да и самое невѣдѣніе вовсе уже не можетъ такъ много значить, какъ хотятъ насъ увѣрить въ томъ, когда утверждаютъ, что, только по незнанію причинъ своихъ поступковъ, мы приписываемъ себѣ свободную волю. Выходитъ, что идея свободной воли есть не что иное, какъ порожденіе незнанія, невѣжества, но такъ ли? Сколько есть явленій въ природѣ, производимыхъ, можно сказать, безконечнымъ множествомъ скрытыхъ и невѣдомыхъ намъ малыхъ причинъ, и однако мы не думаемъ, что такія явленія происходятъ произвольно, по свободной волѣ. Хотя бы и были намъ неизвѣстны причины нѣкоторыхъ явленій природы, и самые законы, по которымъ причины эти съ необходимостію дѣйствуютъ, однако мы не сомнѣваемся въ существованіи таковыхъ причинъ и законовъ и вовсе не думаемъ предполагать вмѣсто нихъ свободную волю.

Впрочемъ, это очень давній аргументъ противъ свободы воли, будто свобода воли не что иное какъ иллюзія воображенія, происходящая отъ незнанія причинъ нашихъ поступковъ,—говоримъ, что это аргументъ давній (Спиноза). Теперь же ссылаются на статистическіе выводы, будто бы съ несомнѣнностію удостовѣряющіе насъ въ томъ, что надъ нашими поступками господствуютъ нѣкоторые необходимые законы, вполнѣ исключающіе всякую возможность свободной воли. Когда мы представляемъ въ отдѣльности разные поступки, то они кажутся намъ произведенными свободною волею и въ практической жизни мы такъ ихъ и обсуждаемъ. Но стоитъ лишь встать на научную точку зрѣнія, имѣющую дѣло не съ отдѣльными фактами, а съ огромными ихъ мас-

сами, какъ иллюзія свободной воли тотъ-часъ исчезаетъ. Да это и понятно. Вѣдь никакой человѣкъ не есть существо вполнѣ изолированное; каждый принадлежитъ къ извѣстной общественной средѣ оказывающей непрерывно на него свое могучее воздѣйствіе; каждый есть дитя своего народа, съ тѣми же свойствами характеристическими для этого народа. Каждый путемъ рожденія и воспитанія наслѣдуетъ множество всякаго рода навыковъ, предрасположеній, идей, обычаевъ, до него выработанныхъ и установившихся. Однимъ словомъ, не только въ колыбели, будучи дитятей, но и въ продолженіе всей жизни каждый человѣкъ остается повитымъ и связаннымъ отъ головы до ногъ, и такъ называем. свобода воли ничѣмъ не лучше тѣхъ игрушекъ, которыми забавляютъ и утѣшаютъ дѣтей, когда хотятъ отвлечь ихъ вниманіе отъ ихъ стѣсненнаго со всѣхъ сторонъ и зависимаго положенія. Сколько угодно можно разсуждать въ этомъ направленіи и доказывать, напр., что въ исторіи такъ называем. геніальные великіе люди всѣмъ были обязаны своему времени, что въ ихъ идеяхъ и дѣлахъ ничего такого нѣтъ, что было бы исключительно личною ихъ собственностію, и все-таки при свѣтѣ истины всѣ подобныя разсужденія и аргументы разлетаются, какъ карточные домики. Что касается, во-первыхъ, статистическихъ выводовъ, то они устанавливаютъ правильность въ такого рода случаяхъ, обстоятельствахъ и явленіяхъ жизни, которыя собственно и не относятся къ области произвольныхъ дѣйствій въ собственномъ смыслѣ, а если и относятся, то въ самой малой степени; таковы: рожденіе, смерть, бракъ, случаи заболѣваній, при распространеніи болѣзни какой-либо и под. Статистика можетъ ли заглядывать въ душу человѣка и подсматривать его чувствованія, помышленія, намѣренія, можетъ ли она обозрѣвать убѣжденія людей, затѣмъ, можетъ ли быть извѣстно статистикѣ, кто какъ относится къ своимъ обязанностямъ и какъ ихъ испол-

няетъ. Даже относительно дѣлъ, производимыхъ совершенно открыто, на виду у всѣхъ, о внутреннемъ состояніи самихъ дѣятелей никому ничего не можетъ быть извѣстно дотолѣ, пока случай или собственное признаніе исполнителя таковыхъ дѣлъ того не обнаружатъ; таковы торговыя, вообще денежныя, дѣла. Не статистика, а литература пытается изображать эту болѣе интимную и близкую къ свободной волѣ человѣка сторону его жизни и дѣятельности, но и литература отмѣчаетъ лишь общія, наиболѣе типичныя, черты характеровъ и дѣлъ, не въ состояніи будучи уловить нерѣдко очень важныя и существенныя разности, какъ имѣющія личный волевой характеръ. Относительно великихъ историческихъ дѣятелей кому неизвѣстно, что долгое время они иногда оставались вовсе неоцѣненными, да и послѣ того спустя много времени, даже столѣтій и тысячелѣтій, все еще приходится встрѣчаться съ разными сужденіями критиковъ и историковъ о дѣятельности тѣхъ же лицъ и неодинаковыми оцѣнками характеровъ и свойствъ этихъ лицъ. Ничего подобнаго мы не видимъ въ естественныхъ наукахъ, всегда имѣющихъ дѣло съ предметами и существами, лишенными свободной воли: здѣсь пріуроченіе даннаго предмета къ извѣстному классу, къ извѣстной категоріи рѣшаетъ все дѣло: когда я скажу, что данное животное есть млекопитающее изъ породы травоядныхъ, жвачныхъ, то вы уже знаете, что думать объ этомъ животномъ; ничего загадочнаго въ немъ нѣтъ для васъ; когда же я скажу, что этотъ человѣкъ есть писатель, философъ, математикъ, администраторъ, то удовольствуетесь ли вы такими названіями и много ли они значатъ для васъ? Какъ ни велико вліяніе среды общественной, все же отъ человѣка зависитъ, отъ его характера то, какъ онъ относится къ этому вліянію; онъ можетъ и противостоять ему и поддаваться: вѣдь съ развитымъ и просвѣщеннымъ умомъ человѣкъ имѣетъ возможность познавать это вліяніе среды,

давать себѣ отчетъ въ немъ, оцѣнивать его и сообразно тому согласоваться съ нимъ или ему противиться. И эту свою способность встрѣчать постороннее вліяніе такимъ или инымъ свободнымъ воздѣйствіемъ на него человѣкъ усвояетъ даже бездушнымъ вещамъ. Такъ химическое соединеніе тѣлъ называется реакціей въ томъ смыслѣ, что, при дѣйствіи одного тѣла на другое, послѣднее, въ свою очередь, дѣйствуетъ на первое, такъ что въ сущности всякое вліяніе есть обоюдостороннее, а не одностороннее, есть не дѣйствіе просто, а взаимодѣйствіе и причинность обыкновенно понимается въ смыслѣ взаимодѣйствія.

Выше сказано, что наша воля не изъята отъ дѣйствія причинъ, такъ что причинность дѣйствительно имѣетъ значеніе всеобщаго начала, или, пожалуй, закона. Но только причины, которымъ надлежитъ дѣятельность нашей воли, не столько дѣйствующія, сколько конечныя, т. е. цѣли—*свободно* нашею волею полагаемыя или принимаемыя и свободно же ею выполняемыя. Вотъ что можно противъ этого сказать: конечныя причины или цѣли называются идеальными, въ томъ смыслѣ, что цѣли, прежде своего осуществленія, существуютъ только въ нашей мысли въ видѣ идеи. И пока цѣль имѣется только въ видѣ идеи, то еще неизвѣстно осуществится ли она; не всегда это въ нашей власти. Кромѣ того, предположенныя цѣли могутъ быть мечтательныя, пустыя, праздныя. Положимъ, захочу я сдѣлаться богатымъ, знатнымъ, развѣ подобныя желанія такъ сейчасъ и исполняются—стоитъ только захотѣть? Не очевидно ли, что несравненно важнѣе реальныя причины, причины дѣйствующія; отъ нихъ все зависитъ, такъ что если я хочу, чтобы мои намѣренія и цѣли не были пустыми мечтами, но могли бы перейти въ серьезное дѣло, осуществиться, то я долженъ ихъ сообразовать съ причинами дѣйствующими, т. е. я долженъ хотѣть только того, что исполнимо, а это зависитъ

отъ причинъ дѣйствующихъ, отъ условій моего существованія. Въ виду такой безспорной важности дѣйствующихъ причинъ—не цѣлей, а причинъ предшествующихъ и для дѣятельности воли, очевидно, надо признать господство этого рода причинъ и надъ нашею волею; гдѣ же тогда мѣсто для свободы, мыслима ли *свобода* воли?

Да, воля наша не изъята и отъ причинъ дѣйствующихъ, реальныхъ. Поэтому мы должны сказать, что въ области нашей воли, въ ея проявленіяхъ и дѣйствіяхъ, происходитъ постоянное взаимодѣйствіе двоякаго рода причинъ—конечныхъ и начальныхъ, идеальныхъ и реальныхъ. Приходится приспособлять цѣли, идеи, къ реальнымъ условіямъ дѣятельности; но не надо забывать того, что воля человѣческая постепенно измѣняетъ по своимъ идеямъ и самыя эти реальныя условія жизни: человѣкъ овладѣваетъ силами природы и заставляетъ ихъ служить себѣ орудіями, измѣняетъ порядки жизни. Въ доказательство правильности въ человѣческихъ поступкахъ, независимой отъ человѣческой воли, ссылаются на показанія статистики. Между тѣмъ, та же статистика свидѣтельствуетъ и въ пользу свободы человѣческой воли, ибо на основаніи статистическихъ выводовъ зная положеніе вещей, стараются измѣнить это положеніе къ лучшему; подобнаго рода усилія не остаются безплодными, а чрезъ то воля человѣческая является причиною измѣненія въ будущемъ самихъ статистическихъ выводовъ. Итакъ, мы видимъ ясно, что какъ бы наша воля ни была стѣснена и окружена посторонними для нея и дѣйствующими на нее силами, а все же внимательный анализъ показываетъ, что господствующая и рѣшающая сила ей принадлежитъ, что она составляетъ послѣднюю инстанцію въ ряду всякихъ иныхъ дѣятелей. Рядъ причинъ дѣйствующихъ и реальныхъ не можетъ простираться въ безконечность, но должна быть *первая* причина, отъ которой нисходитъ и къ

которой восходитъ рядъ другихъ причинъ. Гдѣ же эта первая *причина?* Если мы возьмемъ всѣ причины дѣйствующія въ цѣломъ мірѣ, то для таковой совокупности причинъ первою причиною служитъ воля Божія. Но если мы возьмемъ дѣятельность каждаго отдѣльнаго человѣка, разумѣется, при нормальномъ дѣйствіи всѣхъ его силъ, то, очевидно, первою причиною для этой дѣятельности, для дѣятельности отдѣльнаго человѣка, и только для него, служитъ *его свободная воля.* Ясное дѣло, что, будучи первою причиною для самого человѣка, свободная его воля должна имѣть ближайшее отношеніе къ той безусловно свободной волѣ, которая есть первая причина для всѣхъ причинъ, дѣйствующихъ въ мірѣ, т. е. къ волѣ божественной. И вотъ это отношеніе и взаимодѣйствіе между волею Божіей и волею человѣческою, какъ одинаково первыми причинами, открывается въ человѣческой совѣсти. Только что мы назвали свободную человѣческую волю послѣднею рѣшающею инстанціей въ ряду условій человѣческой дѣятельности. Это значеніе дѣйствительно принадлежитъ нашей волѣ, но лишь постолько, посколько она опирается на совѣсти, и исходитъ отъ совѣсти.

Итакъ, воля Божія свободна по отношенію ко всѣмъ причинамъ, дѣйствующимъ въ мірѣ, а человѣческая воля свободна въ предѣлахъ своей человѣческой дѣятельности; а каковы эти предѣлы, это зависитъ отъ свойствъ природы человѣка и его положенія. Но человѣкъ же можетъ воздѣйствовать и на свою природу, постепенно усовершая ее, а тѣмъ болѣе—на положеніе свое, стремясь къ тому, чтобы это положеніе сдѣлать по возможности удобнымъ для развитія своей свободной дѣятельности. Выраженіемъ этого стремленія служатъ, напр., требованія свободы слова и мысли, свободы совѣсти.

Какой смыслъ имѣетъ отрицаніе свободы воли? Съ признаніемъ свободы воли неразрывно связано признаніе отвѣтственности за свои дѣла и поступки, ибо воля постолько свободна, посколько она опирается на совѣсти. Значитъ, наоборотъ, кто отрицаетъ свободу воли, тотъ долженъ отрицать и отвѣтственность человѣка за свои поступки и дѣла,—*долженъ*, ибо не для всякаго это ясно, къ чему ведетъ и что означаетъ отрицаніе свободы воли.

Представьте же теперь, что человѣкъ, снимающій съ себя отвѣтственность за свои поступки, требуетъ, чтобы предоставили ему свободу слова, свободу мысли и свободу совѣсти. Это значитъ, что такой человѣкъ желаетъ пользоваться полною свободою говорить и дѣлать, что ему угодно, что вздумается, но каковы будутъ отъ этого послѣдствія для другихъ, до этого ему нѣтъ никакого дѣла.

Свободная воля наша, какъ первая причина въ нашей дѣятельности, имѣетъ блажайшее отношеніе къ первой причинѣ всѣхъ причинъ, дѣйствующихъ въ мірѣ, а потому для нея опорою служитъ совѣсть. Вотъ на этомъ то основаніи, т. е. имѣя въ виду такое свойство нашей свободной воли, отношеніе ея къ воли Божіей и къ совѣсти, можно сказать, что свобода воли есть *предметъ вѣры*. Почему, въ самомъ дѣлѣ, сколько ни доказывали свободу воли человѣческой, всегда были и есть отрицатели этой свободы. Да потому, что свобода воли не есть предметъ чисто теоретическій, такой предметъ, который цѣликомъ подлежалъ бы познанію, и существованіе котораго было бы незыблемо и всегда одинаково. Нѣтъ, свобода воли такова, что возможно для человѣка и увеличеніе ея и уменьшеніе, даже совершенная утрата ея. Воля человѣка укрѣпляется и свобода ея становится особенно ощутительною на почвѣ нравственной дѣятельности. Какъ совѣсть человѣка можетъ быть чуткою, утонченною и

тупою и даже совсѣмъ можетъ заглохнуть, такъ и сознаніе свободы воли можетъ быть ослаблено до крайней степени. Много помогаетъ ослабленію этого сознанія то, если человѣку постоянно твердятъ, что свобода воли—это предразсудокъ, заблужденіе. А коль скоро вѣра въ свободу воли ослаблена и даже утрачена, то человѣкъ легко тогда поддается всякимъ воздѣйствіямъ, онъ становится жертвою всякихъ вѣяній, игрушкою разныхъ экспериментовъ дѣйствующихъ на него посредствомъ внушенія.

Опытъ жизни—вотъ единственно убѣдительное доказательство свободы воли: кто ведетъ жизнь такъ, какъ считаетъ это нужнымъ и должнымъ, тотъ не можетъ сомнѣваться въ свободѣ своей воли. Конечно, эта свобода ограниченная; она относится, главнымъ образомъ, къ вопросамъ о добромъ и дурномъ, о достойномъ и постыдномъ: никакая сила въ мірѣ не можетъ человѣка принудить сдѣлать зло, если самъ онъ не захочетъ этого; можно сознавать себя безсильнымъ сдѣлать нѣкоторое добро, но воздержаться отъ злого дѣла человѣкъ всегда можетъ. Внутреннія (дурныя влеченія и склонности) и внѣшнія препятствія къ дѣланію добра не мѣшаютъ, по крайней мѣрѣ, хотѣнію дѣлать добро, а сильное хотѣніе, если болѣе или менѣе продолжительно и настойчиво, отчасти, по крайней мѣрѣ, такъ или иначе, а переходитъ и въ дѣло. Многіе изъ тѣхъ, кто отрицаетъ свободу воли, признаютъ однако, что идеи способны оказывать на нашу волю неопреодолимое вліяніе, въ особенности если это идеи, проникшія въ нашу душу посредствомъ внушенія въ безсознательномъ ея состояніи. Но почему же въ такомъ случаѣ не хотятъ признать, что идея свободы воли также можетъ воздѣйствовать на человѣка и способствовать тому, чтобы онъ всегда поступалъ, какъ человѣкъ убѣжденный въ свободѣ своей воли и чтобы такимъ образомъ дѣятельность

этого человѣка была реализаціей въ жизни идеи свободной воли. Скажутъ на это, что не только можно внушить человѣку такую идею, но что дѣйствительно это такъ и есть,— именно: мысль о свободѣ воли не что иное, какъ предразсудокъ, ложная идея, съ дѣтства внушаемая религіознымъ воспитаніемъ. Религіозное воспитаніе такъ давно дѣйствуетъ въ человѣчествѣ, внушая представленія о наградѣ за добрыя дѣла и наказаніи за дѣла дурныя, а потому и неудивительно, если идея о свободѣ воли сдѣлалась столь привычною, что нелегко ее искоренить, между тѣмъ идея эта не что иное, какъ обманъ; развѣ мало есть суевѣрій, существующихъ цѣлые вѣка и сдѣлавшихся поэтому какъ бы врожденными?

Когда человѣкъ обманывается, именно самого себя обманываетъ, то всегда это есть дѣло воображенія. Воображеніе есть способность создавать образы, наглядныя представленія. Между тѣмъ, свобода воли не есть образъ или представленіе, а понятіе, мысль объ извѣстномъ отличительномъ свойствѣ человѣка, какъ существа нравственнаго, духовнаго. Бываютъ и мысли ошибочныя, невѣрныя; такого рода мысли называются заблужденіями. Ошибочныя мысли, заблужденія никогда, однако, не бываютъ долговѣчными, рано или поздно исправляются, къ тому же такого рода мысли всегда относятся къ вещамъ, имѣющимъ для человѣка значеніе второстепное. Но есть мысли коренныя, на которыхъ держится весь строй человѣческой жизни, которыя человѣка дѣлаютъ человѣкомъ. Невозможно, чтобы этого рода мысли были заблужденіями. Мысль о свободѣ человѣческой воли и есть одна изъ такихъ коренныхъ мыслей человѣческаго разума. Не существовало бы никакихъ законовъ, установленныхъ для человѣческаго общежитія, не могло бы быть, поэтому, и государства, не было бы и религіи, т. е. убѣжденія въ существованіи міровой верховной власти, власти духовной, если бы не было въ человѣческой душѣ мысли о свободѣ воли. Мысль

эта составляетъ основаніе такъ назыв. *нравственнаго міропорядка*. Этотъ міропорядокъ таковъ, что онъ не совпадаетъ съ міропорядкомъ *физическимъ*, не можетъ быть никакъ сведенъ къ этому послѣднему и потому требуетъ для своего изученія особаго метода, особаго рода изслѣдованія отличныхъ отъ изслѣдованія и методовъ естественно-научныхъ. Нисколько неудивительно, что представители естествознанія отрицаютъ свободу воли человѣческой: мысль эта относится къ области для нихъ чуждой и посторонней; и весь нравственный міропорядокъ есть предметъ для нихъ чуждый и непонятный—конечно, теоретически, а не практически. И въ суевѣріяхъ надо различать мысли отъ образовъ, въ которые мысль облекается. Такъ, вѣрованіе въ наговоры, волшебство, знахарство и под. облекаетъ въ ложныя формы въ сущности истинную мысль о томъ, что, кромѣ физическихъ силъ, есть сила духовная, которой должно принадлежать господство и власть надъ физическими предметами и силами природы.

Различіе между нравственнымъ міропорядкомъ и физическимъ такъ существенно, что, поэтому, не могутъ не быть тщетными всякія попытки, оставаясь на почвѣ физико-математическихъ знаній, оправдать мысль о свободѣ воли.— Выше упомянуто, что, въ пользу детерминизма, ссылаются обыкновенно (слѣдуя примѣру Бокля) на выводы или точнѣе—данныя статистики, свидѣтельствующія будто бы о томъ, что въ дѣлахъ человѣческихъ, если разсматривать ихъ въ массахъ, болѣе или менѣе значительныхъ, господствуетъ не менѣе строгая закономѣрность, какъ и въ явленіяхъ физической природы. На этомъ то основаніи и утверждаютъ, что свобода воли—предразсудокъ, не оправдываемый наукою, именно *соціологіей*, поскольку въ составъ этой послѣдней входитъ статистика. Въ 1902 г. въ Москвѣ издано небольшое изслѣдованіе *П. А. Некрасова* подъ заглавіемъ: *Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ чело-*

вѣческой дѣятельности. Въ этомъ изслѣдованіи изложены критическія замѣчанія о знаменитой соціальной физикѣ *Кетле*, на которую ссылается Бокль, и въ которой впервые мысль о господствѣ въ человѣческихъ дѣлахъ точной закономѣрности ясно и опредѣленно выражена въ качествѣ *твердо обоснованнаго научнаго вывода.* „Постоянство (такъ говоритъ Кетле), съ которымъ ежегодно воспроизводятся одни и тѣ же преступленія и въ одномъ и томъ же порядкѣ, и вызываютъ соотвѣтствующія наказанія, есть одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ фактовъ, которые устанавливаютъ статистическія учрежденія; я особенно старался показать всю очевидность этого въ моихъ сочиненіяхъ; я не переставалъ повторять каждый годъ: есть бюджетъ, который уплачивается нами съ ужасающей правильностью, а именно—бюджетъ темницъ, остроговъ и эшафотовъ; и каждый годъ числа подтверждаютъ мои предположенія до такой степени, что я имѣлъ бы право, быть можетъ, болѣе точно сказать: есть дань, которую человѣкъ уплачиваетъ съ большею правильностію, чѣмъ та, которой онъ обязанъ по отношенію къ природѣ или государству—это именно дань преступленію".

Къ этимъ словамъ Кетле П. А. Некрасовъ присоединяетъ слѣдующее замѣчаніе. „Изслѣдованія другихъ наиболѣе свободныхъ человѣческихъ дѣйствій, какъ то: браковъ, самоубійствъ и пр., привели къ подобнымъ же результатамъ. Такъ бываетъ вездѣ, гдѣ имѣетъ мѣсто исключительное господство свободной воли, и Кетле счелъ себя въ правѣ высказать по этому поводу слѣдующій тезисъ. Все, повидимому, зависитъ отъ опредѣленныхъ причинъ. Одинъ годъ съ такою точностію воспроизводитъ цифры предшествовавшаго, что можно предвидѣть, что должно произойти въ слѣдующемъ". (См. стр. 70 назв. книги). Если бы эти слова Кетле, какъ и выше приведенныя, точно соотвѣтствовали даннымъ, служащимъ для нихъ основаніемъ, въ такомъ случаѣ были бы вполнѣ правы тѣ, которые, какъ и самъ

Кетле, полагаютъ, что или свободная воля не существуетъ, или же она не имѣетъ никакого значенія по отношенію къ цѣлымъ массамъ одинаковыхъ человѣческихъ поступковъ, совершенныхъ, въ извѣстный промежутокъ времени, множествомъ разныхъ лицъ. На самомъ дѣлѣ статистическія данныя не оправдываютъ этого положенія, ибо, вмѣсто утверждаемаго повторенія изъ года въ годъ одинаковыхъ чиселъ, получаются только приблизительно сходныя (то больше, то меньше), иногда даже со значительною разницею. Между тѣмъ П. А. Некрасовъ, авторъ названнаго выше изслѣдованія, даже усиливаетъ значеніе статистическихъ изслѣдованій для познанія и опредѣленія закономѣрности въ человѣческихъ дѣлахъ. По мнѣнію его, „законъ о проявленіяхъ свободной воли былъ доселѣ подтвержденъ только эмпирически (именно—статистическими данными), теперь же (при помощи теоріи вѣроятности) тотъ же законъ можетъ быть выведенъ теоретически (путемъ умозрѣнія, на подобіе того, какъ былъ выведенъ законъ тяготѣнія), и потому можно считать его *точнымъ*“ (ibid). Значитъ свобода воли не существуетъ? Напротивъ, по мнѣнію П. А. Некрасова, въ томъ то и состояла главная ошибка Кетле, что онъ не усматривалъ свободной воли въ закономѣрности взятыхъ въ большихъ массахъ человѣческихъ дѣлъ. „Говоря о человѣческомъ обществѣ, какъ соціальномъ организмѣ, Кетле высказываетъ такую мысль: этотъ организмъ существуетъ благодаря консервативному началу, какъ все, что вышло изъ рукъ Всемогущаго; онъ имѣетъ также свою физіологію, какъ самое послѣднее изъ организованныхъ существъ. Когда мы воображаемъ себя смотрящими на него съ наивысшей точки зрѣнія, мы находимъ законы столь же точные, столь же непреложные, какъ законы, которые управляютъ небесными тѣлами; мы возвращаемся къ явленіямъ такой физики, въ которой свободная воля человѣка окончательно *стушевывается*, чтобы дать восторжествовать безъ препятствія

только дѣлу Творца. Совокупность этихъ законовъ, которые существуютъ внѣ временъ, внѣ каприза человѣка, составляетъ особую науку, которую я нашелъ возможнымъ назвать *соціальной физикою*“ (теперь эта наука назыв. соціологіей). Стр. 74. П. А. Некрасовъ полагаетъ, что точная закономѣрность человѣческой дѣятельности, свидѣтельствуемая статистикой, и познаваемая при помощи математической теоріи вѣроятности, не только не исключаетъ, напротивъ подтверждаетъ наше внутреннее убѣжденіе о существованіи свободной воли. И этого мало. Закономъ человѣческой дѣятельности утверждается, какъ очевидное слѣдствіе его, что свободная воля есть великая реальная психологическая міровая сила, могущественнымъ образомъ проявляющаяся тамъ, гдѣ существуетъ массовая духовно-нравственная разумная человѣческая дѣятельность (стр. 71). Очевидно, что суть дѣла въ этомъ случаѣ заключается въ томъ, какъ понимать свободную волю. Кетле понималъ свободную волю такъ, какъ обыкновенно ее понимаютъ, т. е. какъ противоположность математически точнаго необходимаго закона природы, а такъ какъ онъ нашелъ (правильно ли это—другой вопросъ), что въ человѣческой дѣятельности, при разсмотрѣніи ея въ массахъ проявленій разныхъ категорій, господствуетъ строгая закономѣрность, то поэтому Кетле долженъ былъ предположить, что свободная воля проявляется лишь въ отдѣльныхъ поступкахъ, а въ цѣлой массѣ одинаковыхъ поступковъ, и событій, уступаетъ мѣсто строгому закону, становится незамѣтной, стушевывается. Не таково понятіе о свободной волѣ у П. А. Некрасова. Онъ смотритъ на свободную волю, какъ на одну изъ силъ природы; это сила природы человѣческой,—природы духовной, а не физической, но все же это есть сила природы, ибо, какъ всѣ другія силы, она въ своихъ проявленіяхъ подчинена строгому необходимому закону. Можно сказать, что для каждой силы природы существуетъ особый законъ, или, пожалуй, законы,—

для силы механической, химической, физической, физіологической, т. е. для жизненной силы, открывающейся въ различныхъ органическихъ отправленіяхъ; посему долженъ быть соотвѣтствующій законъ и для свободной воли. На этомъ основаніи нашъ авторъ, т. е. авторъ обсуждаемой нами теоріи, опредѣляетъ свободную волю какъ *равнодѣйствующую* всѣхъ психическихъ силъ; вѣдь и другія силы суть равнодѣйствующія разныхъ элементирныхъ силъ, такъ сила тяготѣнія есть равнодѣйствующая притягательной и отталкивательной силъ. Различіе же свободной воли отъ другихъ силъ природы, по мнѣнію П. А. Некрасова, заключается въ томъ, что всѣ иныя силы проявляются въ дѣйствіяхъ связанныхъ между собою закономъ причинности, свободная же воля открывается въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ, изолированныхъ, между которыми, правда, можетъ быть, и обыкновенно бываетъ, отношеніе зависимости, только это отношеніе, въ отличіе отъ причинной связи, слѣдуетъ назвать *вліяніемъ*,— такъ обыкновенно и называется (вліяніе какъ и всякое иное отношеніе можетъ быть разныхъ степеней). „Всякое случайное явленіе, говоритъ авторъ книги, о которой у насъ рѣчь, съ одними обстоятельствами связано началомъ необходимости (законъ причинности), съ другими соединено началомъ независимости или свободы (т. е. никакъ не соединено?) и съ третьими связано нѣкоторою зависимостію (вліяніе), которая занимаетъ промежуточную фазу между свободою и необходимостію“, стр. 25. Что свобода воли проявляется въ отдѣльныхъ изолированныхъ дѣйствіяхъ, это само собою станетъ понятнымъ, если мы признаемъ вмѣстѣ съ Лейбницемъ, что человѣкъ, точнѣе,—душа человѣческая—существо изолированное, отдѣльное единое,—*индивидуальное*. По своему значенію для общества, или иначе, по вліянію на него, всѣ дѣйствія свободной человѣческой воли или благодѣтельны, или зловредны, имѣютъ характеръ либо созидательный или разрушительный. Поэтому дальнѣйшее различіе человѣческой

воли отъ иныхъ силъ природы заключается, по ученію П. А. Некрасова, въ томъ, что проявленія этихъ силъ составляютъ физическій порядокъ, а проявленія человѣческой воли образуютъ порядокъ метафизическій, божественный, или точнѣе, подчинены этому порядку.

О методѣ изученія проявленій, какъ выражаются иногда, коллективной воли должно замѣтить прежде всего, что этотъ методъ, по П. А. Некрасову, будучи индуктивнымъ,—ибо таковъ вообще методъ всѣхъ естественно научныхъ изысканій,—слагается изъ двухъ элементовъ,—изъ *умозрѣнія*, именно изъ построяемой умозрительно (a priori) схемы, и изъ *наблюденія*, состоящаго въ повѣркѣ и оправданіи построенной схемы фактами опыта. Относительно проявленій физической природы общею умозрительною схемою ихъ изслѣдованія служитъ положеніе о причинной связи явленій: познаніе причины даетъ возможность напередъ опредѣлять явленія, имѣющія произойти въ будущемъ. Такая возможность очевидна въ астрономіи (предсказаніе затменій), но не имѣетъ практическаго значенія; важнѣе была бы такая возможность, по своему практическому значенію, въ метеорологіи,—но сложность и измѣнчивость дѣйствующихъ въ этой области причинъ и условій дѣлаетъ такую возможность мало вѣроятной и трудно достижимой. Человѣческая дѣятельность въ ея общественныхъ, массовыхъ проявленіяхъ, не менѣе и даже болѣе сложна, по условіямъ таковыхъ проявленій, но важно то, что индивидуальная человѣческая воля можетъ дѣйствовать сама по себѣ, изолированно, обыкновенно такъ дѣйствуетъ и стремится къ такому дѣйствованію, ибо въ этомъ состоитъ свобода, чтобы быть независимымъ отъ другихъ въ своихъ дѣйствіяхъ,—и это то именно свойство человѣческой дѣятельности въ особенности дѣлаетъ приложимымъ къ ней тотъ особый видъ индуктивнаго изслѣдованія, который называется математической *теоріей вѣроятности*, и который даетъ выводы въ формѣ, такъ назыв., *среднихъ чиселъ*, по

своей точности, близкіе если не равные достоинству выводамъ всякаго иного индуктивнаго изслѣдованія. Вмѣстѣ съ теоретическимъ достоинствомъ, такой способъ изслѣдованія человѣческой дѣятельности соединяетъ въ себѣ важное по своимъ послѣдствіямъ практическое значеніе. Изслѣдованіе исчисляетъ отдѣльные случаи человѣческой дѣятельности при данныхъ, остающихся нѣкоторое время неизмѣнными, условіяхъ (*стаціонерное* состояніе человѣческой дѣятельности) и, руководясь извѣстною схемою изслѣдованія, приходитъ къ извѣстнымъ точнымъ выводамъ. Пользуясь этими выводами, правящія сферы общества воздѣйствуютъ на условія коллективной дѣятельности, а чрезъ то и самая дѣятельность измѣняется. Исторія есть не что иное, какъ изображеніе этихъ перемѣнъ послѣдовательно испытываемыхъ человѣческою дѣятельностію (*нестаціонерное* состояніе дѣятельности). Итакъ, надо теперь обратить вниманіе на то, въ чемъ состоитъ теорія вѣроятности, какъ орудіе изслѣдованія свободной человѣческой дѣятельности, въ видахъ дальнѣйшей характеристики этого метода.

Задача состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить вѣроятность наступленія нѣкотораго *случайнаго* явленія. Явленіе случайно коль скоро оно можетъ произойти, но можетъ и не произойти; случайное явленіе слѣд. есть то, которое подлежитъ перемѣнѣ присутствія и отсутствія. Какъ велика вѣроятность появленіе или непоявленія извѣстнаго случая, это опредѣляется: a) отношеніемъ между числомъ положительныхъ перемѣнъ, означающихъ собою появленіе имѣющагося въ виду случая и числомъ другого ряда перемѣнъ отрицательныхъ, означающихъ отсутствіе его, причемъ чѣмъ больше число первыхъ, и чѣмъ меньше число вторыхъ, тѣмъ вѣроятнѣе выпаденіе ожидаемаго случая и наоборотъ, чѣмъ больше число вторыхъ, и чѣмъ меньше первыхъ, тѣмъ вѣроятнѣе, что ожидаемый случай не произойдетъ; b) отношеніемъ зависимости того случая, вѣроятность котораго требуется опре-

дѣлить, отъ другихъ нѣкоторыхъ случаевъ, съ наступленіемъ которыхъ и случай, имѣющійся въ виду, становится вѣроятнымъ,—болѣе или менѣе, смотря по степени зависимости его отъ послѣднихъ. Примѣръ перваго отношенія: вѣроятность того, что изъ ящика, въ которомъ находятся бѣлые и черные шары, будетъ вынутъ бѣлый, опредѣляется отношеніемъ числа бѣлыхъ шаровъ къ числу черныхъ. Если въ урнѣ 10 *одинаковыхъ по величинѣ* шаровъ, изъ которыхъ 3 бѣлыхъ и 7 черныхъ, то вѣроятность, при извлеченіи одного шара, вынуть бѣлый шаръ будетъ $^3/_{10}$, а вѣроятность вынуть черный шаръ—$^7/_{10}$" [1]). Примѣръ опредѣленія вѣроятности извѣстнаго случая не на основаніи общаго числа двоякаго рода перемѣнъ (положит. и отрицат.), а на основаніи отношенія зависимости частію одинаковыхъ, частію различныхъ случаевъ между собою, или вліянія ихъ другъ на друга: Вѣроятность того, что нѣкоторый домъ въ городѣ сгоритъ,—одна основанная на томъ, что вообще всякій домъ можетъ сгорѣть, а вѣроятность этого же случая будетъ другая, если уже загорѣлся сосѣдній домъ, причемъ опредѣленіе и этой второй вѣроятности будетъ не одинаково, смотря по тому,—существуетъ ли хорошая изоляція домовъ помощью брантмауеровъ, большихъ разстояній, есть ли хорошая пожарная команда.—„Вліяніе, говоритъ В. Г. Алексѣевъ, не ведетъ къ своимъ цѣлямъ фатально, какъ причина ведетъ фатально къ своему слѣдствію: вліяніе, можно сказать, эластично, ибо способно измѣнять свое напряженіе отъ нуля, т. е. отъ независимости, до фатальной необходимости, и при томъ по двумъ направленіямъ: положительному и отрицательному. Отсюда ясно все важное значеніе этого понятія для точныхъ изслѣдованій свободныхъ дѣйствій человѣка, какъ соціальной единицы, такъ какъ мы получаемъ чрезъ него

---

[1]) Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія. В. Г. Алексѣева, проф. Юрьевскаго университета. 1903 г., стр. 28.

возможность оцѣнивать количественно цѣлесообразность того или другого учрежденія въ обществѣ по отношенію къ опредѣленнымъ цѣлямъ, полагаемымъ *законами нравственными и гражданскими*“ [1]). Итакъ, вліяніе не то, что причинность. По самому существу причинность есть отношеніе *зависимости,* между тѣмъ, какъ вліяніе составляетъ принадлежность дѣятелей *независимыхъ*, обладающихъ свободною волею. Не очевидно-ли, что и теорія вѣроятности, какъ способъ изслѣдованія свободныхъ дѣйствій, должна имѣть особый видъ въ этомъ случаѣ, отличный отъ другихъ видовъ индуктивнаго изслѣдованія, имѣющихъ дѣло съ отношеніями причинности?

„Изъ весьма разнообразныхъ отдѣловъ теоріи вѣроятности, читаемъ въ разсужденіи В. Г. Алексѣева, практическія примѣненія прежде другихъ нашла такъ назыв. *теорія среднихъ величинъ*. Эта теорія, между прочимъ, легла въ основаніе соціальной физики Кетле“. „Теорія среднихъ величинъ имѣетъ то существенное значеніе для обработки статистическихъ и историческихъ данныхъ (составляющихъ матеріалъ соціальной физики), что она приводитъ къ результатамъ, вѣроятность которыхъ приближается къ единицѣ, т. е. къ достовѣрности“. Если это такъ, въ такомъ случаѣ имѣется основаніе признавать соціальную физику, или, по другому названію, соціологію, наукою точною и причислять ее къ наукамъ естественнымъ, а этимъ самымъ очевидно отрицается всякое самостоятельное значеніе исторіи человѣческой жизни, какъ науки гуманной, которая, такимъ образомъ, обращается просто въ матеріалъ для соціологіи. Для насъ важенъ именно этотъ выводъ, къ которому приводитъ употребленіе, при разсмотрѣніи человѣческой дѣятельности, математическаго способа изслѣдованія. Но П. А. Некрасовъ, а равно и В. Г. Алексѣевъ не на это обращаютъ вниманіе,

---

[1]) Ibid. стр. 29,

а на другое,—именно вотъ на что. Послѣдователи Кетле,—основателя соціальной физики, какъ и самъ Кетле (отчасти по крайней мѣрѣ), пришли къ тому выводу, что свобода воли есть въ сущности иллюзія, случайность, которая, при правильномъ методѣ изслѣдованія человѣческихъ дѣйствій, разсѣевается, стушевывается, по выраженію Кетле. Новѣйшіе же послѣдователи Кетле,—Некрасовъ и Алексѣевъ, во всемъ соглашаясь съ Кетле, что касается основанной имъ новой науки, лишь не хотятъ признать правильнымъ отрицаніе важнаго значенія свободы воли, такъ какъ съ отрицаніемъ свободы воли приходится отрицать существованіе особаго рода законовъ человѣческой дѣятельности,—гражданскихъ и нравственныхъ, законовъ отличныхъ отъ физическихъ законовъ природы; пришлось бы признать правильнымъ существующее нынѣ стремленіе позитивизма, именуемаго иначе, научно-философскимъ міровоззрѣніемъ, свести тѣ и другіе законы къ нѣкоторому общему и единому для всей дѣйствительности закону, и изъяснить, на основаніи такого единаго закона, человѣческія дѣйствія на ряду со всѣми явленіями природы, не полагая, такимъ образомъ, между тѣми и другими никакой существенной разницы. И вотъ усиливаются гг. Некрасовъ и Алексѣевъ отстоять важное и самостоятельное значеніе свободы человѣческой воли, не смотря на существованіе точной науки о проявленіяхъ этой воли и естественно научный методъ ихъ изслѣдованія.

Какъ же они полагаютъ достигнуть этой цѣли, и въ самомъ ли дѣлѣ удалось имъ совмѣстить несовмѣстимое—точность естественно-научнаго изслѣдованія человѣческихъ дѣлъ съ признаніемъ свободы воли? Обращаютъ особенное вниманіе на теорему П. Л. Чебышева (въ мемуарѣ этого математика: о среднихъ величинахъ), которая „выясняетъ, что точные выводы о среднихъ результатахъ будутъ правильны *только* при выполненіи одного *главнаго условія*: *массовыя случайныя явленія, связанныя съ разсматри-*

ваемыми числами, должны быть между собою независимыми" (курс. въ подл.) [1]). А вѣдь свобода воли именно и состоитъ въ независимости дѣйствій, но только независимость эту можно различно понимать: какая независимость воли въ настоящемъ случаѣ имѣется въ виду? конечно, независимость внѣшняя, имѣющая мало значенія для свободы воли, ибо истинная свобода воли состоитъ во внутренней независимости духа въ отношеніи натуральныхъ свойствъ человѣка, естественныхъ склонностей и влеченій. Такая независимость есть свобода воли въ смыслѣ нравственномъ, между тѣмъ какъ свобода воли, состоящая лишь во внѣшней независимости, есть *психологическая*, а не *нравственная*. Статистическій методъ среднихъ величинъ имѣетъ дѣло съ массами одинаковыхъ проявленій человѣческой воли, но свобода воли, понимаемая правильно, именно въ смыслѣ нравственномъ, обыкновенно бываетъ свойственна лишь отдѣльнымъ, избраннымъ лицамъ, а не цѣлымъ массамъ лицъ. Пусть каждое лицо есть монада, и цѣлая масса не представляетъ собою непрерывнаго сплошного цѣлаго, а есть группа отдѣльныхъ единицъ, болѣе или менѣе независимыхъ другъ отъ друга иднвидуумовъ, но для обладанія настоящею свободною волею недостаточно одной лишь внѣшней независимости, т. е. отдѣльности каждаго лица отъ другихъ лицъ. Поэтому монадологія Лейбница [2]) не можетъ помочь въ

---

[1]) Важною ошибкою Кетле признается то, что онъ моральныя интеллектуальныя силы человѣка отнесъ къ категоріи *случайныхъ* причинъ, которыя въ итогѣ сглаживаются (стр. 32). Но затѣмъ указывается на то, что Кетле оставилъ безъ вниманія главное условіе возможности примѣненій теоріи среднихъ величинъ—независимость *случайныхъ* явленій массового процесса, которое въ то время и не было установлено въ такой опредѣленной формѣ, какъ это сдѣлалъ Чебышевъ (стр. 33). Здѣсь къ общей категоріи случайныхъ явленій причисляются очевидно и проявленія воли, которая поэтому оказывается тоже одною изъ случайныхъ причинъ.

[2]) Основной идеей математики, говоритъ проф. Алексѣевъ, служитъ идея количественнаго измѣненія,—при чемъ одни количества могутъ измѣняться вполнѣ

настоящемъ случаѣ, и свобода воли, при естественно научномъ разсмотрѣніи ея проявленій, обращается неминуемо, какъ выше было уже разъяснено, въ одну изъ силъ природы, дѣйствующую съ неизмѣнною правильностію и слѣпою необходимостію. Статистикѣ приходится имѣть дѣло съ проявленіями человѣческой воли безразличными въ нравственномъ отношеніи, съ такими событіями жизни, которыя едва-ли не болѣе зависимы отъ условій природы, чѣмъ отъ человѣческой воли (рожденіе, смерть, болѣзнь, браки и т. д.), а потому и неудивительно, что, при такомъ способѣ разсмотрѣнія человѣческой жизни, матеріалистическая точка зрѣнія является господствующею, что такъ не нравится П. А. Некрасову (историческій матеріализмъ). Собственно нравственные мотивы дѣйствій внѣшнему наблюденію, на которомъ опирается естественно научный методъ изслѣдованія, недоступны, а потому раскрытіе и изученіе самой интимной, внутреннѣйшей стороны человѣческой жизни, гдѣ имѣетъ

самостоятельно-произвольно (нашъ курсивъ) и потому называются независимыми перемѣнными, а другія измѣняются въ зависимости отъ первыхъ и называются зависимыми перемѣнными, или функціями первыхъ... Измѣненіе перемѣннаго можетъ быть *непрерывнымъ* и *прерывнымъ*, т. е. скачками. Посему вся математика дѣлится на два отдѣла: теорію непрерывныхъ и теорію прерывныхъ функцій. Первый отдѣлъ называется *математическимъ анализомъ*, второй—*аритмологіей* (стр. 8). Такъ какъ воля проявляется въ перемѣнахъ независимыхъ (случайныхъ)—съ математической точки зрѣнія, то къ вопросу о свободѣ воли ближайшее отношеніе имѣетъ аритмологія. Поэтому на аритмологію было обращено особенное вниманіе извѣстнаго профессора математики Н. В. Бугаева, который въ монадологіи Лейбница усматривалъ вполнѣ соотвѣтствующую аритмологическому міросозерцанію философскую основу. „Н. В. Бугаевъ, говоритъ П. А. Некрасовъ (стр. 60), пересмотрѣвшій Лейбницеву монадологію и сблизившій ее съ аритмологіей, подчеркиваетъ особенное значеніе ученія о монадахъ. Основанное на этомъ ученіи міросозерцаніе... освобождаетъ насъ отъ фатализма, даетъ отпоръ наклонности къ универсализму нѣкоторыхъ философовъ". На это надо сказать, что фатализмъ можно находить въ самой монадологіи Лейбница, и что универсализмъ не есть особенность нѣкоторыхъ философовъ, а общее необходимое свойство всякой философіи.

свое настоящее мѣсто свобода воли, не можетъ быть задачею точнаго научнаго изслѣдованія, а есть дѣло по преимуществу изящной литературы, какъ выше было сказано, что, повидимому, признаетъ и П. А. Некрасовъ. „Часть причинъ, говоритъ онъ, скрытыхъ въ душѣ особей и составляющихъ сущность ихъ свободы, вообще остается для познающаго ума недоступною, или *неявною*“ (кур. подл.). Однако вслѣдъ за этимъ мы читаемъ слѣдующее: „Само собою разумѣется, что *психологія* особей должна быть основою анализа (математическаго) постольку, поскольку это окажется *доступнымъ* познающему уму достовѣрнымъ знаніемъ. Та психологія, которая составляетъ частію отдѣлъ философіи, частію отдѣлъ лабораторной экспериментальной психо-физіологіи, еще не исчерпываетъ всего необходимаго психологическаго матеріала. Жизнеописанія св. подвижниковъ и подвижницъ, историческихъ героевъ и героинь, съ одной стороны, уголовныя разслѣдованія о преступникахъ и преступницахъ, съ другой стороны, наконецъ психологическій анализъ, изображенный въ художественныхъ образахъ великими писателями, ихъ герои и героини, взятые изъ всѣхъ слоевъ общественной жизни отъ верхнихъ до подонковъ общества, даютъ возможность постигнуть свойства психики въ ихъ дѣйствіи при разныхъ обстоятельствахъ“.

„Эти элементарныя индивидуальныя силы, слагаясь въ общественномъ процессѣ, даютъ ему, какъ цѣлому, соотвѣтствующую форму, а изученіе этого массового процесса точными методами дѣлаетъ новые вклады въ самую психологію, провѣренные индуктивно на аренѣ общественной и исторической жизни“, стр. 105.

Итакъ, что же мы должны думать о внутреннихъ скрытыхъ движеніяхъ души, въ которыхъ заключается сущность свободы воли, доступны ли они для познающаго ума, или недоступны. Оказывается, что и то и другое.

Таинственныя движенія человѣческой души—это не что иное, какъ элементарныя индивидуальныя силы, которыя сами по себѣ хотя и не составляютъ предмета точной науки, и въ этомъ смыслѣ недоступны познанію, но, слагаясь въ процессѣ общественной жизни и сообщая этому процессу, какъ цѣлому, соотвѣтственную (своимъ свойствамъ) форму, становятся доступными для точнаго изученія. Понятно, что результаты этого изученія, будучи точными и достовѣрными, должны оказать вліяніе на пониманіе и элементарныхъ душевныхъ силъ, т. е. внутренней сущности человѣческой души. Это вліяніе дѣйствительно мы теперь и видимъ и въ изящной литературѣ, и въ психологіи, гдѣ душа человѣческая нерѣдко понимается, какъ совокупность силъ, механически приводимыхъ въ дѣйствіе иными посторонними вліяніями, (изъ коихъ особенно большое значеніе придается внушенію, наслѣдственности), а съ другой стороны, и при самостоятельномъ дѣйствіи, сходныхъ съ силами физическими въ томъ, что дѣйствіе ихъ распространяется въ средѣ съ извѣстною, всегда точно опредѣленною, степенью скорости. Можно ли смотрѣть на человѣческую душу, просто какъ на элементарную силу въ составѣ всякаго общественнаго процесса, какъ на одно изъ слагаемыхъ въ суммѣ или общей массѣ индивидуумовъ, составляющихъ общество! Если бы человѣческія души были всѣ одинаковы и равны по своимъ свойствамъ, тогда можно бы было смотрѣть на общество, какъ на сумму отдѣльныхъ душъ, и на всякій общественный процессъ, какъ на цѣлое число, состоящее изъ монадъ—единицъ. Въ томъ то и дѣло, что при математическомъ способѣ изслѣдованія явленій общественности, исчезаетъ различіе между крупными по значенію и мелкими, ничего незначущими, явленіями и продуктами человѣческой дѣятельности; напр., говорятъ, что въ теченіе года вышло столько то книгъ, въ такой то странѣ выходитъ столько журналовъ, газетъ, и по количеству печатныхъ произведеній судятъ о состояніи просвѣщенія. Исче-

заетъ также различіе между дѣятельностію отдѣльныхъ лицъ и проявленіями человѣческихъ массъ, ибо первые входятъ въ составъ послѣднихъ, какъ части цѣлаго (съ точки зрѣнія математической), между тѣмъ, какъ это мы видимъ въ исторіи, отдѣльное лицо по значенію безконечно можетъ превосходить большія массы лицъ Наконецъ, статистика исчисляетъ отдѣльные случаи. Поэтому, съ точки зрѣнія этого способа изслѣдованія всякое человѣческое дѣло есть тоже *случай* изъ множества подобныхъ. Но правиьно называются случаями только отдѣльныя явленія природы, хотя происходящія всегда въ силу необходимыхъ причинъ, но не имѣющія опредѣленной цѣли: случайность есть противоположность не причинности, а цѣлесообразности. Въ человѣческихъ дѣлахъ важнѣйшій элементъ, отъ котораго зависитъ особенный ихъ характеръ, есть сознательно полагаемая цѣль и этотъ то именно элементъ, чрезъ который собственно и проявляется свобода воли, при математическомъ изслѣдованіи человѣческой дѣятельности, стушевывается: человѣческій поступокъ превращается въ простой случай на подобіе дождя, грома, удара молніи, пожара отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, бури и под. [1]).

---

[1]) Столь же неудовлетворительнымъ оказывается разсмотрѣніе вопроса о свободѣ воли и съ другой, также спеціальной (а не универсально-логической, иначе философской), именно—*психологической* точки зрѣнія. Такой способъ изслѣдованія вопроса о свободѣ воли представляетъ собою книга французскаго философа Бергсона: Essai sur les données immediates de la conscience. Paris. 1889. Берсонъ разсматриваетъ свободу, какъ отличительное свойство психическихъ состояній, зависящее отъ того, что состоянія эти происходятъ во времени и составляютъ непрерывно измѣняющійся процессъ, въ которомъ ничто не повторяется. Свобода, по Бергсону, и служитъ тою особенностію психическихъ состояній, по которой состоянія эти противополагаются физическимъ, принадлежность которыхъ есть пространство. Всѣ трудности, связанныя съ вопросомъ о свободѣ воли, происходятъ будто бы отъ того единственно, что душевныя состоянія мы мыслимъ не таковыми, каковы онѣ сами въ себѣ, а при посредствѣ образовъ, заимствованныхъ изъ внѣшняго міра: прежде всего время мы символи-

Выше сказано о томъ, какое понятіе получается о свободѣ воли съ точки зрѣнія предлагаемаго для разсмотрѣнія проявленій воли математическаго метода,—получается то по-

---

зируемъ, представляя его въ видѣ однородной линіи, допускающей раздѣленіе на части, а чрезъ то и самая душевная жизнь представляется намъ раздѣленною на отдѣльныя законченныя состоянія, какъ бы вещи, раздѣленныя одна отъ другой и пребывающія въ пространствѣ, между тѣмъ, какъ на дѣлѣ душевная жизнь есть процессъ нераздѣльный, въ которомъ все связано одно съ другимъ и все во всемъ содержится. Итакъ, по ученію Бергсона, сами по себѣ душевныя состоянія свободны, но этотъ свободный ихъ характеръ становится спорнымъ отъ того, что состоянія эти мы представляемъ, а не только переживаемъ, т. е., коль скоро состоянія эти даны въ формѣ представленій (а представленія развѣ не душевныя состоянія?): является споръ между детерминистами и индетерминистами. Одни говорятъ, что коль скоро, начиная отъ извѣстнаго пункта, направленіе, въ какомъ далѣе можетъ происходить наше душевное состояніе, оказывается двойственнымъ, или иначе, пути для дѣйствій нашей воли расходятся въ разныя стороны, то является, такимъ образомъ, возможность свободнаго выбора того или иного пути, а это и есть свобода воли. Другіе же возражаютъ, что выборъ дѣлается не безъ причины, а причина выбора съ необходимостію опредѣляетъ дальнѣйшій ходъ нашей дѣятельности. По Бергсону не правы и тѣ и другіе. Дѣло въ томъ, что душевная жизнь есть процессъ послѣдовательный и вмѣстѣ непрерывный, въ которомъ не могутъ совмѣщаться одновременно разные пути или направленія; это представленіе пространственное, слѣдоват., не соотвѣтствующее дѣйствительности. Такое представленіе у насъ образуется послѣ того, какъ пережиты извѣстныя душевныя состоянія и мы рефлективно обозрѣваемъ эти пережитыя состоянія. И свобода выбора, и причина, опредѣляющая выборъ,—это только рефлективныя послѣдующія представленія, не совпадающія съ нашею душевною жизнью, которая въ себѣ свободна. Таково понятіе Бергсона о свободѣ. Вопреки этому понятію своему о свободѣ, какъ принадлежности душевной жизни, Бергсонъ признаетъ однако, что многіе никогда не бываютъ свободны, что обычныя формы жизни, соединенныя съ ними представленія образуютъ какъ бы кору, облегающую нашу душевную жизнь такъ, что у немногихъ только людей, и при томъ въ особыхъ состояніяхъ наибольшаго напряженія силъ, эта жизнь проявляется, какъ истинно свободная и независимая. Очевидно Бергсонъ не обратилъ должнаго вниманія на то, что различіе между людьми относительно свободы воли, не смотря на тождество душевной жизни въ основныхъ чертахъ, именно и происходитъ отъ неодинаковаго развитія умственнаго и нравственнаго, а въ процессѣ этого развитія важное значеніе имѣютъ представленія, иначе—идеи, т. е., то самое, что, по Бергсону, затѣняетъ свободу душевной жизни и дѣлаетъ эту свободу скрытою.

нятіе о свободѣ воли, что это одна изъ силъ природы. Сказано и о томъ, насколько въ приложеніи къ дѣйствительной свободѣ воли и ея проявленіямъ пригоденъ математическій методъ изслѣдованія и къ какимъ выводамъ приводитъ этотъ методъ. Теперь остается сказать еще о законѣ, которому подлежитъ свободная человѣческая воля.

Законъ этотъ долженъ быть, несомнѣнно существуетъ. Но въ чемъ онъ состоитъ? Если разсматривать свободу воли только какъ одну изъ силъ природы, то приходится законъ свободной воли характеризовать признакомъ общимъ,— принадлежащимъ всякому закону природы. Признакъ этотъ есть постоянство, неизмѣнность. Дѣйствительно, какъ мы видѣли, главный выводъ Кетле о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности тотъ, что изъ года въ годъ повторяется то же количество той или иной категоріи дѣяній человѣческихъ, если разсматривать таковыя въ массахъ, а не въ отдѣльности каждое. П. А. Некрасовъ признаетъ этотъ выводъ правильнымъ, оправдываетъ, слѣдовательно, и самый методъ, какимъ пользовался Кетле, но находитъ нужною лишь тщательную разработку теоріи этого метода, дабы устранить связанныя съ употребленіемъ этого метода недоразумѣнія. Выше показано, что въ существѣ самаго метода заключается основаніе для тѣхъ отрицательныхъ выводовъ о свободѣ воли, о нравственномъ законѣ, которые П. А. Некрасовъ напрасно считаетъ простыми недоразумѣніями. Та же исторія повторяется и съ вопросомъ о законѣ свободной воли. П. А. Некрасовъ полагаетъ, что статистическій методъ не только оставляетъ неприкосновеннымъ нравственный законъ, которому подлежитъ человѣческая воля, но ведетъ къ утвержденію этого закона и познанія его. Напередъ уже можно сказать, что это не такъ, что это невѣрно. Вѣдь нравственный законъ проявляетъ свою силу въ жизни и дѣлахъ отдѣльныхъ лицъ несравненно болѣе, нежели въ жизни, въ про-

явленіяхъ воли цѣлыхъ народныхъ и общественныхъ массъ. Только когда особыя обстоятельства выдѣляютъ человѣка изъ массы, то иногда такой человѣкъ проявляетъ нравственную силу духа, остававшуюся въ немъ дотолѣ, можно сказать, въ состояніи потенціи, ибо, оставаясь въ массѣ, какъ членъ ея, обыкновенно человѣкъ поступаетъ такъ, какъ всѣ, т. е. болѣе по внушенію инстинктовъ, чѣмъ по ясно сознаваемой и твердой волѣ.

Законъ свободы воли кратко можно выразить такъ: различая добро и зло, имѣть рѣшимость всегда дѣлать и избирать одно только доброе, а злу противиться сколько возможно. И г. Некрасовъ и г. Алексѣевъ не оставляютъ безъ вниманія этого различія, но полагаютъ, что достаточно характеризовать это различіе двумя знаками — положительнымъ и отрицательнымъ (+ и —), но эти знаки даютъ недостаточное понятіе о противоположности добра и зла. Знаки эти имѣютъ условное и относительное значеніе, и могутъ быть прилагаемы ко всякой величинѣ безразлично: однѣ и тѣ же деньги, если составляютъ прибыль, суть величина положительная, а если—долгъ чей-нибудь, то оказываются уже величиною отрицательною; холодъ противополагаемъ теплу, черное бѣлому, темное свѣтлому; на дѣлѣ же и холодъ есть тепло (меньшая сравнительно степень тепла) и черное есть цвѣтъ, наименьшая степень цвѣта (чернота вѣдь бываетъ разныхъ степеней), какъ темное есть малая степень свѣта. Такова ли противоположность добра и зла? Должно замѣтить, что для насъ противоположность добра и зла есть первичная и коренная, и только, чрезъ уподобленіе ей, различія, находимыя въ природѣ, превращаются для насъ въ противоположности. Въ чемъ же состоитъ противоположность добра и зла? Противоположность эту характеризовать вообще можно только *формально*: добро *вѣчно*, а зло *временно*. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что добро, какъ и зло,

также временно: въ такомъ случаѣ законъ нравственный былъ бы ниже физическаго закона и, слѣдовательно, былъ бы подчиненъ этому послѣднему. Намъ говорятъ, что этотъ міръ, въ которомъ мы находимся, уничтожится; только матерія не уничтожима, вѣчна, т. е. вѣчны частицы матеріи и свойственная имъ сила притяженія. Итакъ, физическій законъ тяготѣнія вѣченъ, а все то добро, какое мы дѣлаемъ, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ міра и человѣчества, уничтожится. Если только матерія вѣчна, если вѣчны ея частицы съ присущей имъ силою притяженія, въ такомъ случаѣ неизбѣжно признать матеріализмъ единственно-возможной научной системой міровоззрѣнія, и было-бы напраснымъ трудомъ, какъ это дѣлаетъ, напр., П. А. Некрасовъ, отвергать матеріализмъ. Уклониться отъ признанія матеріализма правымъ, т. е. отъ усвоенія одной лишь матеріи абсолютнаго, — вѣчнаго бытія, нельзя посредствомъ такого разсужденія, что, хотя по прочности, такъ сказать, и нерушимости своего бытія матерія и превосходитъ все другое, однако по достоинству, по цѣнности своего бытія, далеко превосходятъ косность матеріи проявленія жизни, особенно же жизнь человѣческая, какою она является въ высшемъ своемъ развитіи въ общественной средѣ. Камень твердъ, неподвиженъ и за то долговѣченъ,—организмъ же, самый даже элементарный, отличается тѣмъ, что ему удѣлено непродолжительное существованіе, но за то болѣе совершенное, ибо болѣе сложно и разнообразно. Дѣло въ томъ, что если одна матерія вѣчна, а все другое временно, тогда и самая жизнь есть произведеніе, хотя бы дальнѣйшее, явившееся послѣ длиннаго ряда видоизмѣненій матеріальныхъ частицъ, есть продуктъ взаимодѣйствія частицъ матеріи. Коль скоро же для жизни мы допустимъ бытіе особаго, отличнаго отъ матеріи, источника, тогда, конечно, этотъ самый источникъ жизни неминуемо мы должны признать *вѣчно* сущимъ, а это и будетъ вѣчно

сущее Добро, благо,—не матерію же въ самомъ дѣлѣ признать вѣчнымъ благомъ. Итакъ, добро не можетъ не быть вѣчнымъ. Вѣровать въ бытіе Бога и значитъ вѣровать въ вѣчное бытіе добра. Ибо Богъ благъ, онъ есть само Добро. Если Богъ есть и Богъ вѣченъ и есть самое Добро, то очевидно ничто доброе не погибнетъ, не можетъ уничтожиться безслѣдно. Въ этомъ именно убѣжденіи о неуничтожимости всего добраго (хотя бы міръ рѣшился), и заключается смыслъ различенія двухъ міровыхъ порядковъ—физическаго и нравственнаго. Является вопросъ—какъ понимать это различіе двухъ міровыхъ порядковъ,—физическаго и нравственнаго? Есть ли нравственный порядокъ только часть физическаго? Только при такомъ взглядѣ на нравственный міропорядокъ, только для того, кто признаетъ этотъ міропорядокъ лишь частію физическаго, слѣдоват., несамостоятельнымъ, допустимо—методы изслѣдованія и руководящія понятія, необходимыя при употребленіи этихъ методовъ, переносить отъ явленій физическаго порядка на явленія порядка нравственнаго, или, иначе, считать излишнимъ, при изученіи этого послѣдняго порядка, иной какой-либо способъ изслѣдованія кромѣ того, какой употребляется для изученія физическаго порядка, т. е. кромѣ математическаго. Само по себѣ употребленіе этого метода по вопросамъ, касающимся нравственнаго міропорядка, приводитъ къ понятіямъ несоотвѣтствующимъ вполнѣ сущности этого міропорядка. Такъ какъ статистическій методъ имѣетъ своимъ объектомъ всегда массы, а не отдѣльныя явленія, то въ связи съ этимъ добро и зло понимаются, какъ общеполезное и зловредное, т. е. мораль понимается въ духѣ *утилитаризма*, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайній эмпиризмъ, которому свойственно именно это пониманіе морали, порицается и отвергается. На самомъ дѣлѣ не тотъ можетъ считаться исполнившимъ или исполняющимъ нравственный законъ въ соб-

ственномъ смыслѣ, кто ревнуетъ объ общеполезномъ и остерегается вредить какъ-либо другимъ, для кого высшею нормою стремленій, намѣреній и дѣлъ служитъ польза общественная, но тотъ, кто руководится въ жизни убѣжденіемъ, что добро вѣчно, вѣчное же добро есть всесовершенное, что свойственно самому Богу и вотъ именно это вѣчное и божественное добро ставитъ выше всякихъ временныхъ и потому несовершенныхъ благъ, т. е. одно вѣчное добро признаетъ достойнымъ того, чтобы ради него жертвовать всѣмъ другимъ, если окажется необходимымъ дѣлать выборъ между вѣчнымъ и временнымъ, а также чтобы и всякое временное, слѣдовательно, условное добро цѣнить и дѣлать лишь ради вѣчнаго добра и въ чаяніи, по возможности, приблизиться къ этому послѣднему.

Достойно замѣчанія, что въ послѣднее время, особенно у насъ, представители различныхъ спеціальностей научныхъ ищутъ, мало сказать, пособія, но даже основаній для рѣшенія философскихъ проблемъ именно въ рессурсахъ своихъ спеціальностей, и стремятся возвысить ту или иную науку до общефилософскаго значенія. Не объясняется ли это явленіе отсутствіемъ философіи, какъ отдѣльной науки въ системѣ нашего общаго образованія? Философія всегда считалась и, по всей справедливости, признается отдѣльной отъ всѣхъ иныхъ наукъ отраслью изученія, и притомъ важнѣйшею, основною. У насъ же, при введеніи въ гимназіи классической системы образованія, философія была исключена. Можно изъ школьной учебной программы исключить философію, но устранить философскихъ вопросовъ невозможно, и если не будутъ изучать того, что сдѣлано философами древняго и новаго времени, то будутъ искать средствъ къ рѣшенію и изслѣдованію философскихъ вопросовъ въ другихъ наукахъ. Чрезъ это причиняется ущербъ и спеціальнымъ наукамъ и самой философіи,—является какъ бы

смѣшеніе языковъ: и математики, и физики, и химики, и медики и историки— всѣ философствуютъ, но всякій по своему, и ничего общаго не вырабатывается, а вмѣсто того получается хаосъ, разбродъ мысли.

Исключая философію изъ системы общаго классическаго образованія, кажется, поступили такъ по внушенію опасенія,—какъ бы не развилось *свободомысліе*, но *безсмысліе* несомнѣнно есть зло несравненно худшее, чѣмъ свободомысліе.

Христіанская нравственность.

Подъ названіемъ нравственности разумѣется здѣсь общій характеръ дѣятельности, въ чемъ бы таковая ни состояла, будетъ ли это дѣятельность ученая, художественная, политико-общественная и каковъ бы ни былъ ея размѣръ.

Возможны и есть въ дѣйствительности только два основныхъ типа нравственности. Одинъ типъ нравственности основывается на *вѣрѣ*,—другой на *расчетѣ*. Вѣра рождаетъ энтузіазмъ въ душѣ, стремительность и непреклонность въ дѣйствіи; расчетъ, напротивъ, есть начало сдерживающее, побуждающее къ осторожности, медленности, ко всесторонней осмотрительности, обыкновенно избираетъ несомнѣнное и очевидное. Само собою разумѣется, что оба эти начала—вѣра и расчетъ—одинаково необходимы во всякой дѣятельности. Несомнѣнно и то, что самая дѣятельность можетъ быть такова, что требуетъ преимущественно либо одного, либо другого начала: въ дѣятельности технической, можно сказать, все основывается на расчетѣ. Напротивъ, въ дѣятельности по преимуществу духовной и вмѣстѣ

творческой, созидательной (педагогическая и научно-просвѣтительная, художественная, государственная) необходимы вѣра, энтузіазмъ, одушевленіе, — что называется геніальностію, если соединяется съ проницательностію и силою разумѣнія. Но когда говоримъ о вѣрѣ и расчетѣ, какъ основаніяхъ различныхъ типовъ нравственности, то разумѣемъ не ту или иную спеціальную дѣятельность, а все поведеніе человѣка, взятое въ его цѣлости, весь характеръ человѣка, проявляемый имъ во всей своей жизни, что составляетъ его личность. И вотъ если основную, самую коренную черту въ характерѣ человѣка составляетъ расчетливость, осторожность, мелочность, преувеличенная боязнь всякихъ опасностей, подозрительность въ отношеніи къ людямъ, ихъ дѣламъ и обстоятельствамъ жизни, то такой характеръ означаетъ отсутствіе вѣры, хотя бы человѣкъ, по своему общественному положенію, былъ представителемъ вѣры какъ принципа нѣкоторой общественной дѣятельности. Возможенъ и обратный случай, что человѣкъ по своей профессіи обязанный постоянно расчитывать, соображать, взвѣшивать, по своему характеру, по коренному свойству своей личности, является преисполненнымъ вѣры въ добро и истину.

Для болѣе тщательной характеристики названныхъ типовъ нравственности слѣдуетъ взять во вниманіе выраженіе каждой изъ нихъ какъ въ устроеніи жизни, такъ и въ міровоззрѣніи, т. е. въ характерѣ и направленіи мышленія у разныхъ народовъ,—проявившихъ свой характеръ болѣе или менѣе опредѣленнымъ образомъ въ исторіи.

Вѣра, безъ всякаго сомнѣнія, самое глубокое творческое начало жизни. Поэтому дѣйствіе этого начала открывается преимущественно во внутреннемъ строѣ душевной жизни и въ разнообразныхъ формахъ духовнаго творчества. Отсюда и дѣятельность созидательная, коль скоро для

нея главнымъ источникомъ служитъ вѣра, вдохновеніе, энтузіазмъ, развивается преимущественно въ направленіи созерцательномъ, теоретическомъ. Плодомъ такого направленія творческихъ силъ являются миѳологія, произведенія искусствъ и наукъ, обрядовыя формы жизни общественной, политической и частной. Такое направленіе творчества мы видимъ особенно у древнихъ Грековъ, къ которымъ изъ Египта перешла вѣра, какъ основное начало жизни, начало духовное, еще не сознанное въ его особенности, но облеченное въ натуралистическое міросозерцаніе (посему πίστις у Платона понимается въ значеніи чувственнаго акта воспріятія и созерцанія, Климентъ же Александрійскій понимаетъ вѣру какъ духовный актъ воспріятія, чему у Платона соотвѣтствуетъ умозрѣніе— νόησις, воспріятіе и созерцаніе чисто умственное). Замѣчательно, что и Греки получили начатки своей цивилизаціи, которые достигли у нихъ столь высокаго развитія, изъ Египта, изъ Египта же произошелъ и Моисей—законодатель Евреевъ, а затѣмъ уже въ концѣ своего національнаго развитія и греческая образованность и іудейская религія снова встрѣчаются въ Египтѣ и вступаютъ здѣсь во взаимообщеніе. Непосредственнымъ выраженіемъ вѣры служитъ религія. И вотъ въ этой области у древнихъ Грековъ мы видимъ необычайное богатство и разнообразіе миѳовъ и культовъ. И природа, и историческія воспоминанія служили неистощимымъ матеріаломъ для созданія миѳическихъ образовъ и сказаній. Наука и искусство, особенно послѣднее, также достигли, какъ извѣстно, у древнихъ Грековъ высокаго процвѣтанія. Устроеніе жизни народно-общественной и государственной было таково, что давало многочисленные и разнообразные поводы къ зрѣлищамъ, т. е., изобиловало элементомъ созерцательнымъ. При такомъ устроеніи жизни, очевидно, практическая сторона ея является зависимою отъ теоретическаго міросозерцанія. Не практиче-

скія нужды, при такомъ устроеніи жизни, занимаютъ въ ней главное мѣсто, а душевная потребность созерцанія и получаемое отъ удовлетворенія ея удовольствіе,—не полезное и выгодное, а непосредственно чувствуемая пріятность, наслажденіе, радость, наполняющая душу.

Когда же, какъ это мы видимъ у Римлянъ, практическія нужды, а не міровоззрѣніе, занимаютъ главное мѣсто въ жизни, когда мышленіе направлено не на познаніе дѣйствительнаго, истиннаго, а на установленіе въ жизненныхъ отношеніяхъ выгоднаго, полезнаго, честнаго, справедливаго, тогда главною дѣятельною силою въ духѣ человѣческомъ является *разсудокъ*, правящимъ, господствующимъ началомъ жизни служитъ не вѣра, а расчетъ: обдумываніе, соображеніе и точнѣйшее опредѣленіе средствъ и цѣлей, полезнаго и вреднаго, настойчивость въ достиженіи удачи, успѣха относительно одного желаемаго и въ устраненіи другого—не желаемаго. У древнихъ Римлянъ, какъ извѣстно, религія не была столь богата ни миѳологическими образами и сказаніями, ни обрядовыми формами. Искусство и наука также не процвѣтали, и во всякомъ случаѣ, сравнительно съ дѣятельностію умственныхъ силъ, направленною на устроеніе жизни и проявленною наиболѣе совершеннымъ образомъ въ созданіи права, другіе роды духовной дѣятельности у Римлянъ имѣли значеніе второстепенное; за исключеніемъ устроенія жизни, въ остальномъ довольствовались заимствованіемъ у Грековъ, либо подражаніемъ тому, что ими сдѣлано.

Но и при ограниченіи, главнымъ образомъ, практическими нуждами жизни, дѣятельность человѣческая можетъ происходить и развиваться болѣе или менѣе въ разныхъ направленіяхъ, по крайней мѣрѣ можетъ имѣть не одинаковый объемъ, то расширяясь, то суживаясь и замыкаясь въ опредѣленномъ разъ навсегда кругу. Не ограничиваясь устроеніемъ собственной жизни, практическій духъ народа проявъ-

ляется также въ стремленіи къ распространенію власти и господства надъ другими народами. Такое стремленіе, хотя свойственно было въ древности и другимъ народамъ, но наибольшимъ успѣхомъ увѣнчалось у Римлянъ, какъ народа по преимуществу практическаго,—настойчиваго, твердаго въ своихъ намѣреніяхъ, предусмотрительнаго, осторожнаго и вообще расчетливаго. Въ новое же время, можно сказать, во всемъ мірѣ распространили свою власть Англичане,—народъ, также отличающійся практическимъ духомъ по преимуществу, разсудочнымъ направленіемъ своихъ духовныхъ силъ, народъ всегда отличавшійся приверженностію къ своимъ нравамъ и обычаямъ, но никогда не проявлявшій глубокой и сильной вѣры. Если когда и происходили движенія и перемѣны въ области религіозной вѣры у Англичанъ, то всякая такая перемѣна ознаменовывалась особымъ устроеніемъ жизни, но не образованіемъ новаго ученія о предметахъ вѣры. Римъ выработалъ нормы гражданскаго устройства жизни. Англія создала такой способъ устроенія государственной власти и такія формы самоуправленія общественнаго, которые послужили образцомъ для подобнаго же устроенія жизни государственной и общественной въ другихъ странахъ Европы.

Развитію практическаго духа и устроенію жизни у христіанскихъ народовъ не столько на началахъ вѣры, сколько на началахъ опытнаго научнаго знанія, именно на основаніи разсудительной предпріимчивости и предусмотрительности, тщательнаго соображенія средствъ и цѣлей, вообще на началѣ расчета, много способствовали успѣхи естествознанія. По мѣрѣ преуспѣянія этого практическаго расчетливаго духа, опирающагося на точномъ знаніи, вѣра ослабѣваетъ, и все болѣе теряетъ принадлежащее ей нравственно-воспитательное и образовательное значеніе. Прежде вѣра христіанская была началомъ господствующимъ въ жизни народовъ, началомъ,

можно сказать, имѣвшимъ значеніе міровое, а теперь все болѣе низводится на степень частнаго мнѣнія, зависимаго отъ субъективнаго расположенія и признанія отдѣльныхъ лицъ и частныхъ обществъ. Какъ же могъ совершиться столь коренной переворотъ въ жизни Европейскихъ народовъ? Вѣдь смѣна началъ дѣятельности и жизненныхъ направленій съ великимъ трудомъ исполняется даже въ жизни отдѣльныхъ лицъ, а тѣмъ болѣе въ жизни общественной и народной. Дѣло въ томъ, что практическій строй Римскаго народнаго духа и въ мірѣ христіанскомъ наложилъ свою печать на Римско-католическую церковь, въ которой, какъ извѣстно, политика возобладала надъ вѣрою, т. е. трезвый, все взвѣшивающій духъ дальновидности и расчета взялъ перевѣсъ надъ духомъ преданности, смиренія, благоговѣнія, любви. Правда, что расчетливый духъ Рима (славянофилы назвали это раціонализмомъ) не совсѣмъ соотвѣтствовалъ страстному, пылкому характеру италіанскаго населенія новаго времени, но поэтому то, при благопріятномъ для того условіи, именно при содѣйствіи изученія древне-греческаго искусства въ эпоху возрожденія классицизма, съ такимъ блескомъ проявился здѣсь художественный геній; это проявленіе творческихъ силъ въ Италіи XV и XVI в.; этотъ необычайный подъемъ духовныхъ силъ, одушевленныхъ вѣрою, несомнѣнно слѣдуетъ отнести къ свойствамъ новой народности поселившейся въ Италіи; ибо вмѣстѣ съ тѣмъ продолжало здѣсь же дѣйствовать съ неослабѣвающей энергіей и наслѣдіе древняго Рима, какъ это видно изъ того, что въ то же время могъ явиться такой мастеръ политическаго искусства, какъ извѣстный писатель Маккіавели, создавшій, можно сказать, теорію этого искусства, въ которой явно выказывается полное пренебреженіе къ правиламъ христіанской нравственности, основаннымъ на вѣрѣ. Столь же очевиднымъ образомъ тотъ же практически расчетливый, пренe-

брегающій требованіями вѣры, духъ римско-католической политики проявился въ учрежденіи и дѣятельности ордена іезуитовъ, какъ бы въ посмѣяніе надъ простотою и чистотою вѣры, наименованный обществомъ Іисуса. Изученіе классической древности возбудило также энтузіазмъ и на почвѣ германской; сильное и глубокое движеніе произошло здѣсь прежде всего въ области религіозной. Римскій практицизмъ былъ отвергнутъ, возстановлено попранное начало вѣры (вѣра оправдываетъ, а не дѣла; не практика, хотя бы вѣроисповѣдная, важна, а важно настроеніе души въ духѣ вѣры и водительство въ жизни этимъ духомъ). Впрочемъ, это оживленіе вѣры въ области религіозной было столь же непродолжительнымъ, какъ и въ Италіи.

Въ области искусства начало вѣры въ Германіи такъ же было плодотворнымъ и важнымъ для успѣховъ просвѣщенія, какъ и въ Италіи; особенно важно было это новое движеніе духовныхъ силъ въ наукѣ нѣмецкой. Тѣмъ не менѣе все-же такое сильное возбужденіе вѣрующаго духа можетъ быть названо эпизодическимъ. Еще Римская имперія заложила въ Западной Европѣ прочное основаніе практицизма. Извѣстно какъ велико было значеніе Римскаго права въ исторіи Западной Европы. Французы обладаютъ острымъ и гибкимъ разсудкомъ, такъ что разсудочность, расчетливость надо признать важнѣйшею чертою ихъ духа. Но съ этимъ вмѣстѣ французскому духу въ высокой степени свойственны: энтузіазмъ, увлеченіе, страстное, беззавѣтное стремленіе къ идеалу—черты характерныя для начала вѣры. Но разсудочность, какъ свойство практическаго духа, и начало вѣры направляетъ на рѣшеніе вопросовъ практическихъ, именно политическихъ и соціальныхъ. Духъ вѣры, энтузіазмъ, стремленіе къ идеалу въ этой области выражается созданіемъ утопическихъ теорій о переустройствѣ жизни государственной и общественной и за тѣмъ въ по-

пыткахъ къ практическому осуществленію соціальныхъ идей.

Интересно прослѣдить (а для нашей цѣли и необходимо) за различными проявленіями начала вѣры на почвѣ практической. Теоретическій созерцательный духъ Грековъ въ мірѣ христіанскомъ проявилъ начало вѣры въ разработкѣ и въ приведеніи въ систематическій видъ основныхъ истинъ христіанства, такъ называемыхъ догматовъ. Католическая церковь, оставивъ въ сторонѣ догматическую часть вѣроученія, главныя свои усилія направила на распространеніе своего господства надъ народами, создавъ необходимыя для этой цѣли учрежденія, придавъ какъ можно болѣе блеска и пышности богослужебнымъ обрядамъ и установивъ сложную іерархію дѣятелей—органовъ верховной власти главы церкви. Затѣмъ, англійскіе моралисты и деисты, а еще болѣе французскіе энциклопедисты провели въ общее сознаніе и повсюду распространили ту мысль, что догматика и догматизмъ напрасно съуживаютъ область вѣры, создавая несоотвѣтствующій принципу христіанской любви *партикуляризмъ*. Вѣроисповѣдныя разности должно признать, по ученію философовъ раціоналистовъ,—не существенными. И не только эти частныя различія въ христіанской религіи не важны, но и разности, раздѣляющія одну религію отъ другой представляются не существенными, если взять во вниманіе то, что, при сравненіи всѣхъ существующихъ религіозныхъ системъ и ученій, порождающихъ рознь и вражду между послѣдователями ихъ, оказываются нѣкоторыя черты сходства, нѣчто общее, что очевидно и слѣдуетъ признать наиболѣе важнымъ и существеннымъ. Такое общее содержаніе всѣхъ религій, если изъ нихъ извлечь, и представить въ видѣ немногихъ общихъ положеній, слѣдуетъ признать, по мнѣнію англійскихъ и французскихъ философовъ XVII—XVIII вв., религіей *общечеловѣческой*, свободной отъ всякой конфессіональной исключительности. Выводъ этотъ имѣлъ чрезвы-

чайную важность въ виду того, что еще въ недавнее до того время происходили страшныя междоусобія между приверженцами отдѣльныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Французскіе философы пошли въ этомъ отношеніи еще дальше, распространивъ начало вѣры и на область гражданско-политическую. Если въ религіи есть общечеловѣческія истины, то должны быть въ политикѣ *общечеловѣческія права*, примѣненіе которыхъ въ жизни должно создать всеобщее, общечеловѣческое гражданство. Но между всеобщими истинами религіозной вѣры и таковыми же правами жизни гражданской оказывается вотъ какое существенное различіе. Не трудно сдѣлаться послѣдователемъ общечеловѣческой религіи: стоитъ только пренебречь всѣми частными формами того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежишь по рожденію или въ силу иныхъ какихъ-либо условій; достаточно для этого добиться лишь полной свободы совѣсти. Но иное дѣло—общечеловѣческія гражданскія права: право если не примѣняется въ жизни, не осуществляется на практикѣ, не есть право, а пустое слово. Но какъ осуществить идеалъ общечеловѣческаго гражданства? Для того слѣдовало бы перевернуть весь міръ, измѣнить природу людей, ибо партикуляризмъ въ ихъ крови. Начала—*свободы*, *равенства* и *братства*,—эти начала всеобщаго гражданства французы даже у себя дома не могутъ никоимъ образомъ осуществить. Партикуляризмъ религіозный ослабленъ, значительно утратилъ свою жизненность въ Западной Европѣ, но, взамѣнъ этого партикуляризма, усиливается и обостряется партикуляризмъ политическій, такъ что общечеловѣческое гражданство еще болѣе оказывается праздною, лишенною всякаго реальнаго значенія, мечтою, нежели общечеловѣческая религія, которой тоже въ дѣйствительности не имѣется. Стали теперь изучать жизнь народовъ во всѣхъ видахъ и направленіяхъ, дабы установить общечеловѣческіе законы этой жизни, а что таковые существуютъ, въ этомъ сомнѣніе не допускается. Полагаютъ,

что этимъ путемъ можно придти къ начертанію *закономѣрнаго* (т. е. основаннаго на научномъ познаніи) идеала общечеловѣческаго гражданства. Но, вмѣсто опредѣленія законовъ общечеловѣческихъ общественной жизни, въ *соціологіи*— наукѣ, занимающейся рѣшеніемъ этой проблемы, мы видимъ пока лишь тенденціозную замѣну началъ вѣры христіанской началами чисто натуралистическаго практицизма: свобода духа, о которой учитъ христіанство, замѣняется *эгоизмомъ*, *индивидуализмомъ*, подъ громкимъ наименованіемъ свободы личности: свобода духа—плодъ воспитанія и самообразованія, а для свободы личности не требуется ни воспитаніе, ни образованіе, ибо признается натуральнымъ правомъ каждаго. Любовь христіанская замѣняется такъ называемымъ *альтруизмомъ*, т. е. естественною склонностію, симпатіей, родовымъ влеченіемъ человѣка къ человѣку,—свойство столь же натуральное, какъ и эгоизмъ.

Не трудно видѣть, что понятіе объ общечеловѣческомъ въ изложенныхъ выводахъ объ общечеловѣческой религіи и таковомъ же гражданствѣ—совершенно ложно. По этому понятію за общечеловѣческое признается лишь то, что свойственно всѣмъ людямъ, каждому человѣку. Эгоизмъ и альтруизмъ въ смыслѣ родового влеченія свойственны даже всѣмъ живымъ существамъ, идеи божества, добродѣтели, безсмертія—что считается содержаніемъ общечеловѣческой религіи,—также замѣчаются у всѣхъ народовъ. Но вѣдь, когда говорится объ общечеловѣческомъ, то обыкновенно понимается общечеловѣческое, какъ наиболѣе *цѣнное*, *совершенное*, желательное, *идеальное*, а можно ли считать наиболѣе цѣннымъ и совершеннымъ то, что свойственно всѣмъ людямъ, всему человѣчеству? Напротивъ,—наиболѣе совершенное и цѣнное всегда было, есть и будетъ принадлежностію не всѣхъ, а только немногихъ, и потому всегда ли умѣстно относиться съ пренебреженіемъ къ партикуляризму? Многое изъ того,

что составляетъ частное достояніе, не выше ли и не цѣннѣе много, даже безъ сравненія, безконечно много, цѣннѣе того, что свойственно всѣмъ людямъ! Итакъ, общечеловѣческое можетъ служить началомъ для оцѣнки лишь тогда, когда оно понимается не въ смыслѣ принадлежащаго, свойственнаго всѣмъ, а въ смыслѣ *достойнаго* быть принятымъ и признаннымъ болѣе или менѣе всѣми, всякимъ человѣкомъ, способнымъ усвоить это достойное всеобщаго признанія. Въ этомъ смыслѣ христіанская вѣра есть общечеловѣческая: вначалѣ она была достояніемъ самаго незначительнаго числа лицъ. Самъ по себѣ партикуляризмъ—т. е. ограниченіе лишь нѣкоторою, хотя бы и не большою частію человѣчества, не можетъ служить упрекомъ и умаленіемъ достоинства, принадлежащаго тому, что составляетъ исконное достояніе этой части человѣчества. Принимая за болѣе важное то, что свойственно всѣмъ и есть общее въ этомъ смыслѣ, а таковы низшія потребности, желанія—практическій духъ есть духъ желаній, интересовъ,—поэтому самому и высшія начала духовныя низводятъ на степень низшихъ, превращая ихъ въ натуральныя свойства: свобода, какъ сказано, превращается въ индивидуалистическій эгоизмъ, а любовь въ такъ называемый альтруизмъ. Всѣ желаютъ наслажденій, удовольствій—всякій по своему вкусу. Поэтому и должно стремиться къ осуществленію такого общечеловѣческаго желанія,—и все стоящее на пути къ этой цѣли, всякіе частные интересы, каковы бы ни были, должны быть принесены въ жертву этому общечеловѣческому благу?

Слѣдуетъ однако замѣтить, что тѣ народы, которые считаютъ себя въ правѣ гордиться достигнутымъ ими могуществомъ и высокимъ уровнемъ культуры, цивилизаціи, подъ вліяніемъ этого сознанія своего національнаго достоинства, видоизмѣняютъ идею блага общечеловѣческаго въ томъ смыслѣ, что осуществленіемъ таковой идеи считаютъ распространеніе своей власти, господства, преобладающаго вліянія,

по возможности, на всѣ народы. Различая высшія и низшія расы, считаютъ справедливымъ, чтобы низшія расы были подчинены высшимъ.—Толкуя объ общечеловѣческомъ благѣ, на самомъ дѣлѣ стремятся къ собственному благополучію, пользуясь для достиженія таковой цѣли всякими средствами. Практическое благоразуміе, осторожность, предусмотрительность особенно важны въ виду такой цѣли.

Теоретическій интересъ познанія истины, изслѣдованіе бытія съ цѣлью образованія міровоззрѣнія, всякаго рода ученія, идеи, понятія, не имѣющія ближайшей непосредственной связи съ дѣятельностію практическою, все подобное теперь устраняется, предается забвенію, отходитъ въ область давно пережитаго прошлаго. Практическое направленіе дѣятельности Англичанъ давно уже сдѣлалось предметомъ изученія и подражанія повсюду въ Европѣ. Признается важнымъ лишь то, что имѣетъ практическое значеніе и можетъ способствовать такъ или иначе достиженію практическихъ цѣлей жизни. Великіе писатели Европы предопредѣлили такое направленіе дѣятельности. Едва ли не самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ Шекспира считается *Гамлетъ*; по крайней мѣрѣ всегда особое вниманіе обращалось на это именно произведеніе. А въ чемъ заключается главный смыслъ этого произведенія? Принцъ Гамлетъ изучалъ философію и это занятіе развило въ немъ склонность къ размышленію. И вотъ такое направленіе его духа—по преимуществу теоретическое, сдѣлалось для него гибельнымъ, ослабило его волю до такой степени, что Гамлетъ оказался неспособнымъ исполнить возложенную на него обязанность. Духъ его терзается постояннымъ сомнѣніемъ,— отсюда нерѣшительность, слабоволіе, словомъ—негодность для дѣятельности практической. Конечно, въ названной трагедіи можно находить и нѣчто иное, быть можетъ болѣе важное, именно потрясеніе нравственныхъ основъ въ духѣ Гамлета вслѣдствіе утраты необходимой для нравственности вѣры въ добро и людей. Но

прежде всего Гёте (въ своемъ романѣ *Вильгельмъ Мейстеръ*) обратилъ вниманіе не на это, а на выше обозначенную сторону въ характерѣ Гамлета, какъ имѣющую особенный интересъ съ практической (а не нравственной) точки зрѣнія. У самаго Гете господство практической тенденціи многообразно выражается: Фавстъ съ презрѣніемъ говоритъ о школьной учености (философія, богословіе), столь далекой отъ жизни, лишенной практическаго значенія: теорія сѣра, безцвѣтна въ сравненіи съ цвѣтущимъ деревомъ жизни. Въ Евангеліи сказано, что вначалѣ было слово, т. е. мысль, идея; не слово, а дѣло, говоритъ Фавстъ, слѣдуетъ признать началомъ и основаніемъ всего. Въ концѣ названнаго романа Гете рисуетъ картину оживленной промышленной дѣятельности, какъ бы въ предвѣдѣніи недалекаго будущаго Европы. Съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе входило въ нравы съ пренебреженіемъ относиться къ метафизикѣ, къ богословію и къ чистой наукѣ вообще. Въ Америкѣ только прикладныя знанія уважаются. Столь рѣшительное преобладаніе въ жизни практическаго направленія къ тому привело, что для огромнаго большинства совсѣмъ утраченъ смыслъ многихъ важныхъ элементарныхъ понятій, какъ, напримѣръ—истина (важенъ фактъ, а не истина), правда (съ практической точки зрѣнія успѣхъ важнѣе), совѣсть, честь (важно заслужить хорошее о себѣ мнѣніе), добродѣтель, вѣра и под. Господство эмпиризма, также изъясняется преобладаніемъ практическаго направленія жизни. Науку, ученіе принято противополагать жизни; это значитъ, что подъ названіемъ жизни разумѣется исключительно практическая дѣятельность. О внутренней жизни духа, можно сказать, понятіе вовсе утрачено.

Послѣ сказаннаго не трудно понять въ какомъ смыслѣ говорится иногда, что жизнь переросла церковную догму. Многимъ кажется поэтому, что церковное ученіе надо подвергнуть нѣкоторому преобразованію, привести въ согласіе съ духомъ времени. Суровый идеалъ аскетическаго предпочте-

нія духовныхъ потребностей плотскимъ нуждамъ и подчиненія послѣднихъ первымъ—что такъ противорѣчитъ господствующему въ наше время экономическому матеріализму, замѣняется идеаломъ всеобщаго благополучія, счастія, довольства, и это называется Царствомъ Божіимъ. Царство Божіе не есть царство духа, самоотреченія, правды и истины, а царство любви, но любовь отожествляется съ альтруизмомъ, слѣдовательно, понимается какъ свойственное природѣ человѣка родовое влеченіе къ себѣ подобнымъ, какъ гуманизмъ. Христіанская любовь опирается на идеѣ равенства всѣхъ предъ *Богомъ*, слѣдовательно, на любви къ Богу, которая, поэтому, полагается на первомъ мѣстѣ (возлюбиши Бога твоего...). Современное же понятіе о любви имѣетъ въ своемъ основаніи предположеніе о равенствѣ всѣхъ людей *по природѣ* (природа у всѣхъ одинакова). Яснѣе выражается эта замѣна религіознаго сознанія натуралистической гипотезой (о животномъ происхожденіи человѣка) въ современномъ политическомъ ученіи о *волѣ народа*, какъ основаніи верховной власти,—принципъ, сдѣлавшійся, можно сказать, общепринятымъ со времени Руссо, теперь же получившій нѣкоторое научное оправданіе. По этому ученію какъ отдѣльный человѣкъ есть виновникъ своей судьбы, по крайней мѣрѣ долженъ быть таковымъ, и рѣшающею силою въ жизни должна быть единственно воля (но не совѣсть), такъ и государственная жизнь народа должна быть произведеніемъ его воли (замѣстителемъ которой является, впрочемъ, воля избранныхъ народомъ лицъ). Итакъ, въ исторической судьбѣ народа не должно быть мѣста для вѣры въ Провидѣніе, для признанія воли Божіей; религіозный элементъ какъ не практическій (а созерцательный), какъ начало вѣры, а не расчета, изъ современнаго строя жизни государственной и общественной исключается; для этого пока еще не совсѣмъ пережитаго остатка старины нѣкоторое убѣжище предоставляется у домашняго очага, въ семейной жизни; продол-

жается существованіе религіозной вѣры и въ жизни общественной, но только по традиціи; однако принимаются мѣры умалить и, по возможности, вовсе устранить вліяніе этого элемента на ходъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ.

Русскій народъ, на зарѣ своей исторической жизни, воспринялъ христіанское воспитаніе. По сему характеръ народа образовался и окрѣпъ подъ преобладающимъ воздѣйствіемъ христіанскаго духа. Что-жъ? Имѣется ли какое-нибудь основаніе сожалѣть о томъ, что въ исторіи Русскаго народа вѣра христіанская занимала такое большое мѣсто? Никакое другое начало не могло бы въ такой мѣрѣ способствовать тому, чтобы разрозненные элементы народно государственной жизни объединились и образовали такъ крѣпко сплоченное цѣлое. Стоять всѣмъ вмѣстѣ какъ одинъ человѣкъ—это выраженіе, столь употребительное въ древней Руси, есть прямое проявленіе единства вѣры. Мысль о всенародной сплоченности, о соединеніи силъ и направленіи ихъ къ одной цѣли,—эта излюбленная русскимъ народомъ мысль (ясно она отразилась и въ русской церковной архитектурѣ въ видѣ сплоченности многихъ главъ) есть прямой идеалъ православной церковности. Современная интеллигенція противополагаетъ этому идеалу излюбленный на западѣ принципъ индивидуализма, начало отдѣльной личности подъ названіемъ свободы личности. Единство народной жизни—этотъ принципъ можно и должно принять безъ всякаго ограниченія. Но можетъ ли быть принятымъ, также безъ всякаго ограниченія, противоположный принципъ свободы личности. Какихъ великихъ благъ для государства и народа можно достигнуть, оставаясь при одномъ этомъ приципѣ? Отдѣльное лицо, пусть будетъ даже геніальное, почерпаетъ свою творческую производительность изъ народнаго духа, слѣдовательно, дѣятельность отдѣльнаго лица можетъ быть плодотворною и жизненною, лишь пока это лицо остается въ союзѣ и единствѣ съ ду-

хомъ народа. Можно сказать, пожалуй: вѣры у нашего народа много, но мало практичности; народъ нашъ не практиченъ, и не потому ли онъ такъ мало преуспѣваетъ въ практической дѣятельности, что преисполненъ вѣры? Ибо вѣра располагаетъ къ лѣни, безпечности, препятствуетъ развитію такихъ важныхъ качествъ, какъ предусмотрительность, бдительность. Кто возлагаетъ всю свою надежду на Бога, тотъ мало надѣется на себя, на свои силы. Однако здравый смыслъ народа этого не подтверждаетъ. Говорится вѣдь: на Бога надѣйся, а самъ не плошай. Наша интеллигенція кажется давно уже отрѣшилась отъ вѣры, отъ религіозныхъ предразсудковъ, однако практичности у нея далеко меньше, чѣмъ даже у простого народа.

Что наша интеллигенція рѣчиста, но мало дѣловита, это, кажется, у насъ все болѣе и болѣе начинаютъ понимать. Конечно, и слово есть дѣло, но только тогда, когда пользуются словомъ для изслѣдованія, имѣющаго цѣлью познаніе истины, для указанія современныхъ потребностей, для исправленія заблужденій распространенныхъ и распространяемыхъ. Только для дѣловитаго пользованія словомъ, какъ и для всякой дѣловитости, необходимо серьезное образованіе, а гдѣ оно у насъ? Пока еще очень его у насъ недостаточно. Необходимо образованіе и для того, чтобы народный трудъ былъ и болѣе энергичнымъ, настойчивымъ и упорнымъ, и болѣе цѣлесообразнымъ. Помощь научнаго образованія во всякомъ дѣлѣ всѣми признается.

Вполнѣ соотвѣтствуетъ у насъ народному идеалу (въ духѣ религіозномъ) существующій строй государственной жизни. Во главѣ государства поставлена исторіей *христіанская совѣсть* царя, монарха, ничѣмъ неограниченнаго въ своей верховной власти, ибо не можетъ быть такого рѣшающаго начала, которое было бы выше христіанской совѣсти или равно ей. Требовать у насъ ограниченія верховной власти, стремиться къ тому значитъ на равную степень съ

совѣстью, вполнѣ свободною и ничѣмъ нестѣсненною, поставить низшее, по достоинству, начало практическаго расчета, нерѣдко, очень близорукаго и состоящаго обыкновенно во власти мотивовъ, препятствующихъ быть справедливымъ и добросовѣстнымъ. Для неограниченнаго монарха, по самому его положенію (не говоря уже объ историческихъ традиціяхъ), не существуетъ побужденій, стѣсняющихъ, иногда же вовсе задерживающихъ свободное дѣйствованіе христіанской совѣсти, тѣхъ побужденій, отъ которыхъ никогда не бываютъ вполнѣ свободны частныя лица (самолюбіе, властолюбіе и честолюбіе, корыстолюбіе, а главное — приверженность къ одной партіи). Только человѣкъ, послушный голосу христіанской совѣсти, заботится не просто объ успѣхѣ, но о такомъ успѣхѣ всякаго дѣла, который не былъ бы въ противорѣчіи съ правдою. Славянофилы признавали предназначеніемъ Русскаго народа не просто распространеніе въ мірѣ господства, власти, чего домогаются другіе народы, но распространеніе христіанскаго духа, христіанскаго просвѣщенія, повсюду вытѣсняемаго матеріализмомъ.

Необходимо дать, въ лицѣ призванныхъ для того народныхъ представителей, въ управленіи государствомъ, самое широкое мѣсто для надлежащей освѣдомленности (при пособіи свободной, но патріотической печати), внимательности къ народнымъ нуждамъ, предусмотрительности, вообще настоящей дѣловитости, практичности, опирающейся на твердомъ основательно провѣренномъ знаніи вещей и дѣлъ. Но высшею рѣшающею силой всегда должна оставаться свободная, ничѣмъ не стѣсняемая, христіанская совѣсть царя. Таково рѣшеніе главнаго въ настоящее время вопроса государственнаго, диктуемое исторіей и безпристрастной философіей.

Все изложенное приводитъ къ слѣдующимъ заключительнымъ положеніямъ.

Нравственный характеръ человѣка и его дѣятельности, въ основаніи своемъ, опредѣляется двумя главными усло-

віями: Характеръ и дѣятельность человѣка, цѣлаго даже общества, если не всего народа, можетъ опираться на твердомъ и искренномъ убѣжденіи въ существованіи всѣмъ управляющей міровой силы и власти. Отсюда получается взглядъ на дѣятельность, какъ на предназначеніе высшей воли, требующей себѣ покорности, повиновенія, преданности. Человѣкъ вѣрующій не свою волю творитъ въ своихъ дѣлахъ, но волю Божію. Или же, напротивъ, человѣкъ руководится увѣренностію въ томъ, что нигдѣ въ мірѣ нѣтъ высшей воли, которая къ чему бы то ни было обязывала и руководила, хотя бы даже жизнью цѣлаго народа, не то что дѣятельностію отдѣльныхъ лицъ и обществъ. Такая увѣренность, ясно сознаваемая, или скрытая,—это другое условіе, сообщающее опредѣленный характеръ человѣку и его дѣятельности. Обыкновенно, при сказанной увѣренности, человѣкъ, въ своемъ поведеніи, является самоувѣреннымъ, корыстнымъ, надменнымъ. Въ случаѣ удачи, успѣшнаго веденія дѣлъ, мы видимъ у такихъ людей, вмѣсто скромности, самоувѣренность, хвастливость, высокомѣріе, въ противномъ же случаѣ—малодушіе, упадокъ духа.

Опытъ нерѣдко показываетъ, что человѣкъ, и вообще люди, какъ бы противятся тому и неохотно рѣшаются на то, что оказывается впослѣдствіи при выяснившемся ходѣ дѣятельности, либо исторіи, прямымъ ихъ назначеніемъ, призваніемъ. Не всегда прямо, но чаще человѣкъ идетъ къ своей конечной цѣли лишь окольными путями, что выясняется для него потомъ съ теченіемъ времени. Это обязываетъ человѣка тщательно вникать въ исторію своего народа, а также быть внимательнымъ и къ обстоятельствамъ своей жизни, къ свойствамъ своей натуры, съ тѣмъ, чтобы познать себя, что важно для избранія всегда и рода дѣятельности и надлежащаго пути и соотвѣтственныхъ способовъ къ достиженію конечной цѣли. Вѣра въ себя, въ свои силы много значитъ; только источникомъ такой вѣры должна быть вѣра въ бытіе нравственнаго міропорядка и силы, этотъ порядокъ поддержи-

вающей и осуществляющей. Какъ бы человѣкъ ни былъ дѣятеленъ и предусмотрителенъ, но онъ не можетъ во всемъ положиться лишь на одно свое знаніе и свою единственно волю; и въ малыхъ дѣлахъ приходится иное предоставлять, какъ говорится, на волю судьбы, на счастливое стеченіе обстоятельствъ. Тѣмъ болѣе народъ, общество, какъ бы ни было велико образованіе и велика опытность, не могутъ основать всю свою жизнь на одномъ расчетѣ. Но, конечно, вѣра необходима не для усыпленія и утраты бдительности, а, напротивъ, для того, чтобы служить твердою опорою энергіи.

О трудолюбіи.

Трудолюбіе—такое преимущество, какимъ мы, русскіе, едва-ли можемъ похвалиться. Оно—не наша добродѣтель. Никогда особенно не отличались мы этимъ свойствомъ. Нѣкоторое время было даже въ обычаѣ противополагать трудъ даровитости: даровитый человѣкъ,—таково было довольно распространенное мнѣніе, не трудолюбивъ, трудолюбивый—не даровитъ. Но, кажется, вѣрнѣе полагать, что трудолюбіе источникъ дарованій. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что народъ, отличающійся трудолюбіемъ, болѣе изобилуетъ дарованіями, нежели народъ мало проявляющій энергіи въ трудѣ. А главное,—тамъ, гдѣ много и съ любовью трудятся, умѣютъ цѣнить дарованія, которыя поэтому не пропадаютъ даромъ, не гибнутъ, какъ бываетъ иногда у насъ. Пушкинъ сказалъ: мы лѣнивы и не любопытны (не любознательны). Конечно, не съ тѣмъ онъ сказалъ это, чтобы насъ похвалить. И литература наша, и наша исторія ясно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ мало мы трудолюбивы: типы лицъ, не отличающихся трудолюбіемъ, бездѣятельныхъ, лишенныхъ всякой энергіи, не знающихъ къ чему приложить свои силы,—подобные типы, такъ удачно представлены въ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ, что нельзя не признать ихъ взятыми прямо изъ жизни (Обломовъ, Рудинъ, лишніе люди,

Герой нашего времени, Онѣгинъ). Напротивъ, изображенія характеровъ энергичныхъ дѣятельныхъ (Констанжогло, Штоль) нельзя признать типичными. Подобные герои труда и терпѣнія, можно сказать, придумывались авторами съ тою цѣлью, чтобы выразить свои желанья. Обратимся ли къ исторіи, и здѣсь мы найдемъ данныя, свидѣтельствующія о малой склонности нашей къ труду. Какова была конечная цѣль реформы Петра Великаго? Не говоримъ о томъ, что̀ самъ онъ сдѣлалъ, но о конечной цѣли всего, что онъ дѣлалъ, всѣхъ его предпріятій и думъ. Самъ онъ на тронѣ *вѣчный былъ работникъ*, а каковъ былъ самъ, таковыми же хотѣлъ сдѣлать и вообще русскихъ людей. Петръ Великій стремился возбудить въ русскомъ обществѣ, можно сказать, имъ созданномъ, энергію, желаніе трудиться для блага народа и государства. Сближеніе русскихъ людей съ Европейцами Запада имѣло, конечно, тотъ смыслъ въ намѣреніи Петра, что русскимъ надлежало сдѣлаться настоящими Европейцами, т. е. изобрѣтательными, мыслящими, непрерывно и неутомимо дѣятельными. Но вмѣсто этого, послѣдствіемъ реформы Петра Великаго оказалось на дѣлѣ безразсудное, неразборчивое подражаніе западнымъ обычаямъ и формамъ жизни. Правда, Петръ Великій самъ къ тому принуждалъ, т. е. къ подражанію и перениманію чужого, но усвоеніе внѣшнихъ формъ онъ, конечно, считалъ началомъ, а не концомъ дѣла. Русскій же человѣкъ разсудилъ, что достаточно облечься въ европейскій костюмъ и научиться говорить французскія любезности, чтобы стать настоящимъ Европейцемъ. Опытъ показалъ, что, вмѣсто заимствованія иноземныхъ учрежденій и обычаевъ, болѣе всего слѣдуетъ заботиться о насажденіи просвѣщенія. Нелѣпое подражаніе иностранцамъ, чисто внѣшнее, осмѣивали всѣ благомыслящіе люди. И вотъ со времени Екатерины II-й и правительство, и лучшіе люди изъ общества прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы распространить въ государствѣ европейское просвѣщеніе. Особенно ознаменовано этими заботами правительства царствованіе Але-

ксандра I-го. Но и просвѣщеніе наше оказалось подражательнымъ и далѣе подражанія не шло. Какъ извѣстно, въ половинѣ прошлаго столѣтія такой характеръ нашего просвѣщенія вызвалъ продолжительные и жаркіе споры между славянофилами и западниками. Славянофилы проводили мысль о необходимости для насъ самобытнаго національнаго просвѣщенія. Западники такъ разсуждали: просвѣщеніе наше, точно, несовершенно, но не въ томъ главный его недостатокъ, что оно не самобытно, не національно, а въ томъ, что оно поверхностно: мы довольствуемся схватываніемъ верховъ европейскаго просвѣщенія, не доходя до его корня. Корень же европейскаго просвѣщенія—въ классицизмѣ, ибо началось оно съ возрожденія классицизма. И вотъ, съ такою же поспѣшностію, съ какою Петръ Великій хотѣлъ сдѣлать насъ Европейцами, насаждается у насъ классицизмъ (въ какихъ нибудь два-три года всѣ крупные и мелкіе города и даже села нѣкоторыя обзавелись классическими гимназіями), и не много времени прошло съ тѣхъ поръ, а уже поднятъ вопросъ объ уничтоженіи классицизма. Поспѣшность, съ какою у насъ дѣлается именно то, для чего требуется продолжительное время,—что слѣдовало бы скоро дѣлать, то дѣлается у насъ медленно—показываетъ, что терпѣнія у насъ нѣтъ, а при отсутствіи терпѣнія, невозможенъ спокойный, равномѣрный трудъ; мы нетерпѣливы: отъ очарованія быстро переходимъ къ разочарованію, одно увлеченіе смѣняется другимъ; любовь къ труду невозможна при столь неустойчивомъ характерѣ. Намъ знакомъ только трудъ по нуждѣ,—вынуждаемый борьбою за существованіе, трудъ рабскій, а не свободный. Мы понимаемъ любовь къ человѣку: мы добродушны, жалостливы, сострадательны; возмущаемся, когда видимъ несправедливость къ человѣку; но любовь къ дѣлу для насъ менѣе понятна: когда за дѣло берется не понимающій его и неспособный къ нему, это насъ не возмущаетъ. Что касается просвѣщенія, то пока мы остаемся въ недоумѣніи относительно этого предмета, нашлись люди, которые предла-

гаютъ обществу путь къ образованію помимо труда и школьнаго обученія, именно чтеніе приготовленныхъ для той цѣли книгъ (и не дорого это стоитъ), въ которыхъ всякія науки изложены въ самой легкой и общедоступной формѣ. Нѣтъ надобности указывать на то, какъ велико и существенно различіе между начитанностію, которая напрасно называется *самообразованіемъ* и подлиннымъ образованіемъ. Для полученія дѣйствительнаго образованія необходимъ трудъ изученія—спокойнаго, медленнаго и терпѣливаго, а не чтеніе общедоступныхъ книгъ,—по нѣкоторымъ наукамъ—тенденціозно, во вредъ здоровымъ понятіямъ, подбираемыхъ и усиленно предлагаемыхъ обществу. По всему этому вопросъ о трудѣ и трудолюбіи заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

Повидимому, нѣтъ надобности разъяснять, что такое трудъ, такъ какъ это по опыту всякому извѣстно. Но обыкновенно такъ бываетъ: чѣмъ болѣе знакомо намъ по опыту нѣкоторое явленіе, и чѣмъ менѣе мы обращаемъ вниманія на это явленіе, какъ уже сдѣлавшееся для насъ обычнымъ, тѣмъ затруднительнѣе для насъ оказывается установить точное понятіе объ немъ и правильно его изъяснить. Наичаще встрѣчается въ жизни и становится для насъ обычнымъ вѣдь то, что имѣетъ ближайшую и необходимую связь съ коренными началами и законами нашего существованія. А вѣдь установленіе и изъясненіе таковыхъ началъ и законовъ составляетъ, можно сказать, главную задачу и движущій мотивъ едва не всѣхъ научныхъ изысканій. О трудѣ въ особенности должно сказать, что изъ всего извѣстнаго намъ по опыту—это есть самое человѣческое явленіе жизни, т. е., явленіе по преимуществу, можно даже сказать, исключительно свойственное человѣку, такъ что разъяснить, что такое трудъ, дать опредѣленное и обоснованное понятіе о трудѣ, значитъ представить нѣкоторый, если не всеобъемлющій, то

многообъемлющій и вмѣстѣ опредѣленный взглядъ на человѣческую жизнь.

I.

Трудомъ называется расходованіе силъ, имѣющихся въ нашемъ организмѣ; расходуемъ-же мы свои силы на борьбу съ препятствіями къ осуществленію какого-либо нашего желанія. Желанія наши или исполнимы легко, или вовсе не исполнимы, или исполнимы *съ трудомъ*. Такимъ образомъ крайними границами труда служитъ, съ одной стороны, неисполнимое, а съ другой, легко исполнимое. Для труда остается изъ всего желаемаго лишь то, что исполнимо не безъ усилій съ нашей стороны; понятно, что чѣмъ болѣе важности имѣетъ для насъ выполненіе извѣстнаго нашего намѣренія, тѣмъ больше требуется для этого усилій. Но это оцѣнка труда субъективная; она далеко не всегда совпадаетъ съ объективною цѣнностію труда: ничтожная въ сущности цѣль можетъ иногда стоить для насъ большихъ хлопотъ и усилій. Поэтому должно различать субъективныя и объективныя условія труда. Вотъ съ этихъ то сторонъ и слѣдуетъ разсматривать вопросъ о трудѣ.

Трудъ, какъ сказано, состоитъ въ расходованіи энергіи трудящагося. Простѣйшій и наиболѣе явный видъ таковой энергіи представляетъ собою энергія мускульная, проявляемая въ трудѣ физическомъ. Мускульная энергія состоитъ въ движеніи различныхъ органовъ нашего тѣла. Но не всякое движеніе частей нашего тѣлеснаго организма называется трудомъ. Сердце наше есть мускулъ, совершающій постоянное движеніе, однако сердцебіеніе и связанное съ нимъ кровообращеніе не называется трудомъ; легкія, желудокъ также находятся въ непрерывномъ движеніи, пока человѣкъ живетъ. Но есть-ли это трудъ? Никто не говоритъ о чело-

вѣкѣ спящемъ, что онъ трудится, напротивъ, состояніе сна въ качествѣ отдыха, покоя противополагается труду, а вѣдь и во снѣ движеніе внутреннихъ органовъ нашего тѣла продолжается. Правда, мы говоримъ: сердце работаетъ, легкіе работаютъ, но уже одно то, что въ этомъ случаѣ работу мы относимъ не къ человѣку, которому принадлежитъ сердце, легкія, а къ самимъ этимъ органамъ, показываетъ, что въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ лишь человѣкообразный способъ выраженія,—такъ называемый антропоморфизмъ, ибо когда, напримѣръ, человѣкъ занятъ ручною работою, то мы о человѣкѣ говоримъ, что онъ работаетъ, трудится, а не говоримъ этого о рукахъ, относимъ трудъ къ человѣку, а не къ рукамъ. Но, быть можетъ, понятіе о трудѣ у насъ возникаетъ лишь при видѣ движенія внѣшнихъ частей тѣла, именно рукъ и ногъ. Однако бываютъ случаи, что человѣкъ во время сна— въ лунатизмѣ и сомнамбулизмѣ переходитъ съ мѣста на мѣсто, дѣлаетъ передвиженія, иногда очень трудныя и опасныя, занимается даже писаніемъ, но никто подобныхъ занятій не назоветъ трудомъ. Слѣдующій примѣръ наглядно показываетъ, какое различіе въ особенности надо имѣть въ виду, когда рѣчь идетъ о трудѣ: человѣкъ пашетъ землю. Почему мы говоримъ это о человѣкѣ, а не о лошади, на долю которой въ этомъ случаѣ, повидимому, падаетъ большая часть труда, почему также не говоримъ этого о плугѣ, или сохѣ? Въ этомъ примѣрѣ ясно выступаетъ различіе между субъектомъ труда и орудіями труда. Сами по себѣ орудія труда, хотя-бы исполняли то же самое дѣло, при отсутствіи субъекта не могутъ дать намъ того, что называется въ собственномъ смыслѣ трудомъ. Ясно, что трудъ не есть просто движеніе, ни сложная система движеній,—но движеніе, исходящее отъ субъекта, способнаго не только сознавать, но и направлять его, опредѣлять для него цѣль. Одно сознаніе также нельзя признать достаточнымъ для характеристики

труда: я могу сознавать, т. е. болѣе или менѣе ясно ощущать пульсацію крови въ членахъ своего тѣла, но это не есть для меня трудъ, такъ какъ движеніе это не управляется мною. Управлять движеніемъ значитъ сообразовать его съ извѣстною цѣлью, напередъ установленною и ясно представляемою. Не надо смѣшивать цѣлесообразность, какъ особый признакъ процесса, или устройства, съ актомъ установленія цѣли и согласованія съ нею: внутреннія движенія нашихъ органовъ, какъ сказано, нельзя назвать трудомъ, однако это движенія вполнѣ цѣлесообразныя. Признакъ цѣлесообразности лежитъ въ основаніи многихъ антропоморфизмовъ, относящихся къ интересующему насъ вопросу о трудѣ. Такъ мы говоримъ: машина работаетъ, имѣя въ виду, конечно, цѣлесообразный характеръ ея движеній и полезность для насъ результатовъ этихъ движеній. Поэтому-же и вообще движеніе, въ которое преобразуется та или иная сила природы,— теплота, электричество, называется работой; свойственныя муравьямъ и пчеламъ дѣйствія указываются нерѣдко въ качествѣ примѣровъ трудолюбія, достойныхъ подражанія, хотя на самомъ дѣлѣ этого рода дѣйствія можно разсматривать просто какъ органическія отправленія, существенно не различающіяся отъ процессовъ кровообращенія, пищеваренія; видно это изъ того, что подобныя дѣйствія всегда одинаково исполняются и всѣми индивидуумами того-же рода—съ одинаковымъ искусствомъ; можно считать доказаннымъ, что самыя цѣлесообразныя дѣйствія насѣкомыхъ исполняются ими безсознательно и безотчетно; разумность этихъ дѣйствій— свойство объективное, а не субъективное,—животныя имѣютъ это свойство, но не владѣютъ имъ. Итакъ, цѣлесообразности одной недостаточно для того, чтобы простое или сложное движеніе можно было признать трудомъ: необходимо для этого присутствіе сознательной воли, отъ которой должно исходить движеніе, именуемое трудомъ; сознательная же воля

есть соединеніе хотѣнія и представленія, мысли и рѣшимости—начать и исполнить какое-либо дѣйствіе. Ясно, что механическое движеніе преобразуетъ и даетъ ему значеніе труда душа человѣческая: когда мы влагаемъ мысль, чувство, волю въ движеніе, происходящее по механическимъ законамъ, то такое движеніе не есть болѣе движеніе, а трудъ. Бываетъ-же это тогда, когда движеніе или система движеній, предназначенныхъ служить средствомъ для желаемой цѣли, требуетъ обдуманности и усилій воли при своемъ исполненіи, когда одинаково возможны различныя отклоненія отъ предположенной цѣли, и требуется устранить всякія случайности, могущія причинить эти отклоненія. Поэтому мы въ правѣ утверждать, что изъ всѣхъ живыхъ существъ на землѣ одному только человѣку свойственно трудиться; одинъ только онъ трудится въ собственномъ смыслѣ этого слова .и ему лишь предназначено трудиться. Понятно теперь почему мы относимся къ труду съ уваженіемъ: само по себѣ движеніе, въ чемъ-бы ни состояло, и какъ-бы ни было для насъ полезно, нельзя уважать. Разгадка этого заключается въ томъ, что именно душевные элементы: мысль, чувство, усиліе воли составляютъ сущность труда. Безъ этихъ элементовъ трудъ есть не болѣе, какъ механическое движеніе, не различающееся существенно ни отъ какого иного движенія въ природѣ. Справедливо поэтому то политико-экономическое ученіе, что трудъ есть основной и первоначальный источникъ цѣнности. Какъ извѣстно, цѣнностію называется то качество, которое вещи, полезныя для человѣка, или могущія быть таковыми, пріобрѣтаютъ вслѣдствіе приложенія къ нимъ труда. Цѣнность, въ сущности, то же, что полезность, но только не сама собою данная, а достигаемая чрезъ трудъ. Воздухъ необходимъ для человѣка и слѣдовательно—вещь полезная, однако самъ по себѣ не есть цѣнность, но воздухъ сжатый, или превращенный въ жидкость, а равно часть воз-

духа, искусственно добытая—кислородъ,—это уже цѣнности, ибо для добыванія этихъ вещей нуженъ трудъ... Вещи, добытыя трудомъ, и потому получившія значеніе цѣнностей, становятся предметами купли и продажи, оплачиваются деньгами, т. е. обмѣниваются на деньги, что называется *цѣною*; цѣна—измѣняющееся по закону спроса и предложенія на рынкѣ выраженіе цѣнности продуктовъ труда. Накопленіе вешей цѣнныхъ, какъ равно и денегъ, служащихъ орудіемъ обмѣна, называется капиталомъ, въ первоначальномъ-же и собственномъ смыслѣ капиталъ составляютъ матеріалъ и орудія, необходимыя для производства цѣнностей,—т. е. вещей, служащихъ на рынкѣ предметами обмѣна (купли и продажи). Ясно, что принципіальной, существенной противоположности между трудомъ и капиталомъ не существуетъ. Для насъ важно то, что духовныя силы—умъ, чувство, воля преобразуютъ вещи въ цѣнности, т. е. въ предметы болѣе или менѣе важные для насъ, такъ что пріобрѣтеніемъ ихъ и обладаніемъ ими мы дорожимъ, а потому очевидно сами духовныя силы, какъ источники всякихъ цѣнностей должны быть выше всякой цѣны, должны быть безцѣнны, и душа человѣческая не должна быть ни въ какомъ случаѣ предметомъ купли и продажи. По Евангелію пріобрѣтеніе цѣлаго міра не можетъ быть для человѣка достаточнымъ вознагражденіемъ за погибель его души.

Выше сказано, что трудъ мускульный—самый простой и наиболѣе явственный видъ труда. Какъ очевидны для всякаго первичныя, такъ называемыя насущныя потребности—пищи, питья, одежды, жилища, такъ-же точно никакому сомнѣнію не подлежитъ важность и необходимость труда физическаго, назначеніемъ котораго служитъ именно обезпеченіе названныхъ элементарныхъ нуждъ. Поэтому неудивительно, что и на трудъ умственный—этотъ особый видъ труда—духовнаго, а не физическаго, многіе смотрятъ, какъ на

видоизмѣненіе труда физическаго, при чемъ различно оцѣнивается этотъ видъ труда, смотря потому считается-ли это дальнѣйшее видоизмѣненіе труда мускульнаго развитіемъ и усовершеніемъ, или же, напротивъ, уклоненіемъ отъ нормы и извращеніемъ правильнаго естественнаго состоянія силъ человѣка. Впрочемъ, эта различная оцѣнка разныхъ видовъ труда—физическаго и духовнаго, болѣе зависитъ отъ различныхъ взглядовъ на цивилизацію, какъ на продуктъ умственнаго труда: для однихъ цивилизація—усовершеніе жизни, для другихъ—извращеніе естественнаго нормальнаго состоянія, нѣчто искусственное, измышленное и потому противоположное натуральному. Съ точки-же зрѣнія труда, какъ обнаруженія во внѣшнихъ дѣйствіяхъ органическихъ силъ человѣка—умственный и физическій трудъ одинаково необходимы. Но при томъ если смотрѣть на умственный трудъ только какъ на видоизмѣненіе труда мускульнаго, въ такомъ случаѣ умственный трудъ теряетъ самостоятельное значеніе и обращается лишь въ пособіе для труда физическаго. Значительное предрасположеніе къ такому взгляду на умственный трудъ замѣчается у представителей политической экономіи, т. е. ученыхъ, занимающихся изученіемъ и разработкой политико-экономическихъ вопросовъ. Научнымъ-же оправданіемъ такого рода оцѣнки двухъ видовъ труда—физическаго и духовнаго служитъ ученіе общепринятое теперь въ естествознаніи о законѣ сохраненія энергіи... Ученіе это утверждаетъ, что въ природѣ существуетъ опредѣленное и неизмѣнное количество энергіи и что поэтому возникновеніе и продолженіе всякаго особаго вида энергіи возможно только на счетъ какого-либо изъ другихъ видовъ энергіи: такъ механическое движеніе можетъ происходить на счетъ теплоты, постепенно убывающей по мѣрѣ продолженія движенія, и, наоборотъ, опредѣленное количество движенія механическаго можетъ быть превращено въ соотвѣтственное количество тепло-

ты (механическій эквивалентъ теплоты). Имѣя въ виду это превращеніе одной формы энергіи въ другую, различаютъ вообще двоякое состояніе энергіи, изъ коихъ одно называется энергіею *потенціальною* (это состояніе предшествующее), а другое—*кинетической энергіей* (это состояніе послѣдующее). Движеніе, слѣдовательно, есть конечная форма энергіи, форма эта называется также работой. Замѣтимъ здѣсь, что едва-ли правильно называется переходъ отъ одной формы энергіи къ другой—*превращеніемъ*: вѣдь теплота также движеніе (молекулярное), а потому когда теплота переходитъ въ движеніе, то собственно одинъ видъ движенія смѣняется другимъ, никакого превращенія при этомъ не происходитъ. Однако этотъ терминъ, какъ увидимъ, имѣетъ важное значеніе. Самыя формы энергіи, хотя энергія постоянно переходитъ изъ одной формы въ другую,—въ природѣ неорганической все тѣ же, неизмѣнно сохраняются, таковы: силы механическая, химическая, физическія силы. Можно, впрочемъ, назвать эти формы энергіи *видами* ея. Но въ природѣ органической и самыя формы энергіи, предполагается, какъ болѣе сложныя, хотя съ чрезвычайною медленностію, также преобразуются постепенно, съ теченіемъ времени являются новые, прежде не существовавшіе, виды организмовъ, происходя, конечно, чрезъ постепенное измѣненіе прежнихъ формъ. Впрочемъ, если признать формами органической энергіи не видовые типы, а степени органической жизни, —растительная жизнь, животная—то, конечно, эти наиболѣе общія формы органической энергіи менѣе измѣняемы, нежели виды самихъ организмовъ, а все-же предполагается, что вначалѣ возникла растительная жизнь—чрезъ *превращеніе* дѣйствій физическихъ, а главное—химическихъ силъ, а затѣмъ растительная энергія, въ свою очередь, должна была превратиться въ животную, какъ животныя въ человѣческую. Терминъ—*превращеніе* получаетъ, очевидно, въ отношеніи дальнѣйшихъ формъ

энергіи очень важное значеніе: если теплота превращается въ механическую работу, то почему не допустить превращенія химическихъ силъ въ энергію растительную, животную и т. д. Но, какъ замѣчено выше, даже превращеніе теплоты въ движеніе точнѣе слѣдуетъ называть лишь смѣною одного вида движенія другимъ, а не превращеніемъ;— тѣмъ болѣе нельзя говорить о взаимномъ превращеніи силъ природы какъ разныхъ видовъ или формъ энергіи, коль скоро различіе между силами—механическими, химическими, физическими всегда сохраняется неизмѣнно; не вѣрнѣе-ли признать, что, вмѣсто превращенія, происходитъ лишь то, что дѣйствіемъ одной силы или одного вида энергіи возбуждается дѣйствіе другого вида энергіи. Эквивалентное отношеніе энергій одинаково допускаетъ и то и другое пониманіе перехода отъ одного вида энергіи въ природѣ къ другому.

Прилагая законъ сохраненія энергіи къ вопросу о различіи двухъ главныхъ видовъ трудовой энергіи,—физическаго и умственнаго, или духовнаго,—утверждаютъ, что трудъ умственный есть только *превращеніе* мускульнаго труда. Процессъ преобразованія одной формы труда въ другую представляется въ слѣдующемъ видѣ: впечатлѣнія, воспринятыя чрезъ внѣшнія чувства (самый процессъ воспріятія требуетъ мускульной энергіи), а равно и чрезъ внутреннее чувство, *превращаясь* въ ощущенія въ мозгу, частію переходятъ затѣмъ въ различныя внѣшнія движенія, частію же задерживаются въ видѣ представленій;—само по себѣ задержаніе ощущеній, которыя, по этой причинѣ, *превращаются* въ представленія, и есть то, что называется памятью (воспроизведеніе-же въ сознаніи удержанныхъ слѣдовъ впечатлѣній называется воображеніемъ). Представленія—не что иное, какъ слѣды воспріятій, т. е. ощущеній, постепенно накопляющіеся въ мозгу и составляющіе тотъ запасъ энер-

гіи (энергія потенціальная), который расходуется затѣмъ въ видѣ энергіи кинетической, именуемой иначе работой, т. е., въ видѣ труда. Такимъ образомъ оказывается, что дѣйствительно умственный элементъ необходимъ въ физическомъ трудѣ, но этого недостаточно; если запасъ воспріятій или представленій есть не болѣе какъ энергія потенціальная въ отношеніи къ энергіи мускульной, или физическому труду, а этотъ послѣдній составляетъ собою энергію кинетическую, то умственная энергія въ такомъ случаѣ не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а есть только средство къ развитію и усовершенію труда мускульнаго, и съ этой точки зрѣнія должна быть оцѣниваема. Конечно, это такъ, но только если разсматривать и мускульный трудъ, и трудъ умственный *съ точки зрѣнія матеріалистической.* Съ этой точки зрѣнія то, что называется дѣятельностію умственною не что иное, какъ *молекулярныя* (частичныя) движенія нервной системы, а трудъ физическій—это совокупность массовыхъ движеній, органомъ которыхъ служитъ система мускуловъ. Подобно тому, какъ въ паровыхъ машинахъ теплота, которая есть движеніе частичное, молекулярное, превращается въ механическое, или массовое движеніе машины, при чемъ первое движеніе составляетъ энергію потенціальную, а послѣднее—энергію кинетическую, работу, такъ и въ организмѣ человѣческомъ, который въ этомъ отношеніи тоже есть машина, молекулярное движеніе чувствовательныхъ нервовъ, чрезъ посредство нервовъ двигательныхъ, превращается въ мускульной системѣ въ разнообразныя движенія внѣшнихъ частей тѣла, разныхъ членовъ тѣла, а равно и цѣлаго тѣла. Этимъ объясняется, т. е. матеріалистическою точкою зрѣнія, то, что экономисты склонны умалять значеніе умственнаго труда и оцѣниваютъ его только какъ пособіе и средство къ труду мускульному. Но вѣдь мы говоримъ не о движеніяхъ, а о трудѣ. Значеніе-же труда движеніе или система движеній,

какъ выше разъяснено, получаетъ единственно отъ присоединенія къ движенію элементовъ духовныхъ, т. е. чтобы получилось понятіе о трудѣ, для этого необходимо потенціальную энергію, предшествующую работѣ, понимать не въ соматическомъ смыслѣ, какъ систему молекулярныхъ движеній нервной системы, а въ смыслѣ психологическомъ, какъ совокупность идей и намѣреній осуществить таковыя. Мысль, представленіе не то же, что нервное движеніе, хотя и одновременно происходитъ то и другое (теорія параллелизма). Съ этой-же—не матеріалистической,—иначе физіологической,—а психологической точки зрѣнія отношеніе между мускульнымъ и умственнымъ трудомъ, сравнительно съ вышеуказаннымъ, оказывается обратное. Трудящійся ставитъ извѣстную цѣль для своего труда, т. е. полагаетъ нѣкоторую идею, мысль, въ качествѣ задачи, и затѣмъ работаетъ надъ осуществленіемъ предположенной идеи, рѣшаетъ свою задачу. Очевидно не умственный процессъ при этомъ, а, напротивъ, процессъ работы, мускульнаго труда является средствомъ и пособіемъ, а главное значеніе принадлежитъ мысли, идеѣ. Конечно, иное задумать, а иное осуществить,—осуществленіе, которое и есть работа, придаетъ важность идеѣ,—предполагая, разумѣется, что идея стоитъ осуществленія, но и въ процессѣ выполненія замысла все-же существеннымъ является правящее начало,—опять-таки элементъ духовный,—умственная и вообще психическая сила. Только чрезъ умственную энергію, чрезъ присоединеніе элементовъ духовныхъ, простое движеніе, или система движеній, получаетъ значеніе труда, т. е. того, что служитъ источникомъ цѣнностей, и есть, слѣдовательно, основная и первоначальная, важнѣйшая цѣнность; поэтому свобода труда дѣйствительно есть великое благо для человѣка. Но говорить о свободѣ труда, о безмѣрной важности человѣческой личности въ правѣ только тотъ, кто не смотритъ на человѣческій организмъ, какъ на маши-

ну, кто признаетъ существованіе въ немъ самостоятельнаго духовнаго начала. Между тѣмъ именно это болѣе всего оспаривается и дѣлаются всяческія усилія свести и начало духовное къ простому движенію, не обращая вниманія на то, что этимъ истинное понятіе о трудѣ, въ сущности, устраняется. Извѣстны два способа, обыкновенно практикуемые, къ тому, чтобы устранить всякую мысль о самостоятельности духовнаго начала. Нѣтъ никакого затрудненія, такъ разсуждаютъ, въ томъ, чтобы признать ощущеніе, это элементарное психическое состояніе, лишь внутренней стороной, открытой только для самонаблюденія или внутренняго чувства, того самаго процесса, который внѣшнему наблюденію представляется, какъ нервное раздраженіе, т. е. какъ молекулярное движеніе, и затѣмъ достаточно, говорятъ, одного лишь продолженія въ теченіе нѣкотораго времени этого процесса, чтобы ощущеніе преобразовалось въ представленіе. Но затрудненіе для такого способа изъясненія умственнаго процесса заключается въ томъ, что полученныя и получаемыя воспріятія пробуждаютъ въ человѣкѣ работу мышленія, а такъ какъ способы производства этой работы имѣютъ характеръ общечеловѣческій, у всѣхъ людей одинаковы, то надо признать эти способы мышленія (апріорными элементами называются) такимъ достояніемъ, которое не пріобрѣтается, а получается каждымъ по закону наслѣдственности путемъ рожденія (называются, поэтому, еще врожденными началами). Спрашивается, какъ впервые образовалось это умственное достояніе всего рода человѣческаго? Чрезъ долговременное, говорятъ, и непрерывное накопленіе чувственныхъ воспріятій. Какъ матеріальный капиталъ есть накопленный трудъ, такъ равно и умственный капиталъ (умственные навыки) есть накопленный чувственный опытъ. Но такое объясненіе представляетъ собою очевидный circulus viciosus: вѣдь и въ началѣ, чтобы человѣкъ могъ утилизировать (по-человѣчески

разумѣется) воспринимаемыя впечатлѣнія, ему необходимо было уже имѣть нѣкоторые способы умственной активности, иначе сколько-бы времени ни накоплялись впечатлѣнія, умственный прогрессъ былъ-бы невозможенъ, какъ онъ остается невозможнымъ для животныхъ, не смотря на то, что послѣднія тоже обладаютъ всѣми чувствами, слѣдовательно, впечатлѣнія получаютъ исправно. Другіе смотрятъ на умъ какъ на дальнѣйшее послѣдующее образованіе въ душевной организаціи человѣка сравнительно съ волею (волюнтаризмъ). Это другой способъ свести духовную жизнь человѣка къ простому движенію. На первыхъ порахъ своего душевнаго развитія человѣкъ испытываетъ лишь инстинктивныя чувственныя влеченія, которыя не трудно отождествить съ движеніями внутреннихъ частей тѣла; влеченія, соединяясь съ чувственными воспріятіями, и представленіямъ сообщаютъ активный характеръ, а чрезъ то влеченія преобразуются въ акты хотѣнія и нехотѣнія,—что называется *волей*; представленіяже преобразуются въ акты мышленія Отъ перемѣны названія вещь не можетъ измѣниться. Шопенгауеръ притяженіе, свойственное частицамъ матеріи, называетъ волею; поэтому и, наоборотъ, влеченіе, хотѣніе можно отождествить съ движеніемъ. Но вопросъ въ томъ, что для насъ достовѣрнѣе—влеченіе или движеніе? Для естествоиспытателя, какъ имѣющаго дѣло постоянно съ данными внѣшняго наблюденія, движеніе достовѣрнѣе, ибо это фактъ явный, открытый, но для психолога факты внутренняго опыта, какъ ближайшіе къ нашему сознанію, болѣе достовѣрны, а потому и влеченіе—фактъ болѣе первоначальный и болѣе достовѣрный. А это показываетъ, что во всякомъ случаѣ необходимо различать одно отъ другого,—влеченіе и движеніе, а равно—что влеченіе само по себѣ, безъ помощи идей, представленій, не могло-бы сдѣлаться сознательнымъ и опредѣленнымъ, а безъ

пособія размышленія, рефлексіи, не могло-бы перейти въ хотѣніе, рѣшимость.

II.

Въ простѣйшемъ и первоначальномъ видѣ противоположность ума и воли (интеллектуализмъ и волюнтаризмъ) представляется, какъ единство, съ одной стороны, сознанія, а съ другой—влеченія или побужденія. Съ наибольшею силою, и прежде всего, заявляютъ себя побужденія, имѣющія свой корень въ тѣлесной природѣ, и потому одинаково свойственныя какъ человѣку, такъ и животнымъ. Съ одной стороны, отъ живого существа исходятъ побужденія, или влеченія, съ другой же стороны, отъ вещей, дѣйствующихъ на чувствительность того же существа, исходятъ разныя впечатлѣнія, имъ воспринимаемыя, и такимъ образомъ происходитъ встрѣча внутреннихъ влеченій съ внѣшними впечатлѣніями. Поэтому, кромѣ смутныхъ, неопредѣленныхъ вначалѣ побужденій, или влеченій, живое существо испытываетъ довольно опредѣленныя, частію пріятныя, частію непріятныя ощущенія. Испытывать какое-либо состояніе значитъ сознавать его. Поэтому слѣдуетъ полагать, что и животныя обладаютъ сознаніемъ. Но только это сознаніе, безъ всякаго сомнѣнія, отлично отъ нашего. Впечатлѣнія для животнаго сознанія служатъ либо толчкомъ къ дальнѣйшему проявленію влеченія, или же препятствіемъ къ тому, задержкой; отъ этого взаимодѣйствія между внутренними влеченіями и воспринятыми впечатлѣніями образуются съ теченіемъ времени инстинкты: инстинктъ есть не что иное, какъ результатъ и выраженіе установившагося равновѣсія между потребностями живого существа и условіями среды, отъ которыхъ зависитъ ихъ

удовлетвореніе. Удовлетвореніе тѣлесныхъ потребностей для животнаго есть конечная цѣль; въ этомъ заключается, и этимъ ограничивается вся жизнь животнаго, причемъ и самое удовлетвореніе всегда есть простѣйшее, элементарное. Потому то потребности эти и называются *животными потребностями*. Для человѣка же удовлетвореніе тѣлесныхъ потребностей есть въ сущности только средство, а не цѣль, средство къ *свободѣ*, именно къ освобожденію себя отъ давленія таковыхъ потребностей на духъ, на сознаніе. Очевидно, сознаніе у человѣка должно быть совсѣмъ иное, отличное отъ того, какое свойственно животнымъ. Сознаніе животнаго лишь сопровождаетъ процессъ отыскиванія и употребленія предметовъ, годныхъ къ удовлетворенію потребностей; когда это исполнено, то животное обыкновенно предается либо движенію, необходимому для роста и укрѣпленія организма (въ младшемъ возрастѣ), либо сну (въ возрастѣ зрѣломъ); въ послѣднемъ случаѣ сознаніе ослабѣваетъ и какъ-бы отсутствуетъ, ибо дѣлается излишнимъ по причинѣ удовлетворенія наиболѣе чувствуемой потребности. Поэтому должно полагать, что сознаніе животнаго никогда не бываетъ свободнымъ отъ своей естественной связи съ тѣмъ или инымъ влеченіемъ, и выражаетъ собою лишь нѣкоторое отношеніе между влеченіемъ и внѣшнимъ предметомъ; при отсутствіи какого-либо отношенія вещи къ природному влеченію животнаго отсутствуетъ, или по крайней мѣрѣ слабо проявляется и сознаніе этой вещи; сознаніе животнаго не можетъ быть *безкорыстно* и никогда не бываетъ таковымъ. Это значитъ, что сознаніе животнаго никогда не существуетъ въ формѣ *чистаго* представленія, въ видѣ отвлеченнаго понятія, чистой мысли. Что значитъ мыслить предметъ? Мыслить значитъ умственно (т. е. въ своемъ сознаніи) отдѣлять представляемый предметъ не только отъ другихъ вещей, но и отъ себя самого. Пусть представляемый мною предметъ имѣетъ отно-

шеніе ко мнѣ, но я говорю, что этотъ предметъ имѣетъ такое то свойство, что онъ является мнѣ такимъ, а не инымъ, т. е. я обращаю вниманіе не на то, чѣмъ можетъ быть для меня этотъ предметъ, но, главнымъ образомъ, на то каковъ онъ, что онъ такое самъ по себѣ, по своему собственному качеству, представляю его отвлеченно, словомъ отдаюсь *процессу созерцанія* его, и пока созерцаю, отрѣшаюсь мысленно отъ себя самого, отвлекая вниманіе отъ себя и всего своего. Эта свобода отъ давленія нуждъ и служенія имъ для человѣка всего дороже, если, конечно, достигается она трудомъ, а не есть случайный даръ судьбы. Даже люди, всю жизнь поглощенные заботами о насущномъ хлѣбѣ, въ самихъ этихъ заботахъ находятъ возможность удовлетворенія своей важнѣйшей основной, духовной потребности—*свободнаго созерцанія вещей*. Для иллюстраціи этого положенія можетъ служить слѣдующая характеристика крестьянина земледѣльца у Глѣба Успенскаго. „Крестьянинъ Иванъ Ермолаевичъ „бьется“ надъ работой изъ-за того только, чтобы быть сытымъ. Самъ онъ, подводя итогъ своимъ ежегоднымъ трудамъ, говоритъ, что въ концѣ концовъ, „только что сыты, больше ничего“. Однако ближайшее наблюденіе надъ тѣмъ,—какъ этотъ крестьянинъ относится къ предметамъ и явленіямъ изъ области своего земледѣльческаго труда, привело автора вотъ къ какому заключенію: „не потому только бьется крестьянинъ, что ему надо быть сытымъ, платить подати, но и потому еще, что земледѣльческій трудъ, со всѣми его развѣтвленіями, случайностями, поглощаетъ и его мысль, сосредоточиваетъ въ себѣ почти всю его умственную и даже нравственную дѣятельность, и даже какъ-бы удовлетворяетъ *нравственно*“. Этотъ взглядъ на земледѣльческій трудъ далъ возможность автору понять многое въ поведеніи крестьянина Ивана Ермолаевича, чего прежде онъ не понималъ; ему припомнились выраженія, которыя онъ оставлялъ прежде безъ

вниманія, какъ, напр., *заглядѣлся на жеребенка, залюбовался овсомъ*. Поэзія земледѣльческаго труда, замѣчаетъ авторъ, не пустое слово. Наилучше выразилъ эту поэзію Кольцовъ. „Мужикъ, изображаемый Кольцовымъ, говоритъ Г. Успенскій, хотя и влачится по браздамъ, какъ выразился Пушкинъ, хоть и босикомъ плетется за клячей, находитъ возможнымъ говорить этой клячѣ такія рѣчи: „Весело на пашнѣ, я самъ— другъ съ тобою, слуга и хозяинъ. Весело я лажу борону и соху, телѣгу готовлю, зерно насыпаю. Весело гляжу я на гумно, на скирды, молочу и вѣю... Пашенку мы рано съ сивкою распашемъ, зернышку сготовимъ колыбель святую; его вспоитъ, вскормитъ мать земля сырая. Выйдетъ въ полѣ травка, выростетъ и колосъ, станетъ спѣть, рядиться въ золотыя ткани“.

Того же Кольцова косарь говоритъ такія рѣчи: „Ахъ ты степь моя, степь привольная!... Въ гости я къ тебѣ не одинъ пришелъ, я пришелъ самъ-другъ съ косой вострою... Мнѣ давно *гулять* по травѣ степной, вдоль и поперекъ, съ ней *хотѣлося*. Раззудись плечо, размахнись рука, ты пахни въ лицо вѣтеръ съ полудня, освѣжи, взволнуй степь просторную, зажужжи коса, засверкай кругомъ“ [1]).

Не трудно видѣть, что въ этихъ примѣрахъ любовнаго отношенія къ своему дѣлу основаніемъ такого отношенія служитъ удовлетвореніе душевныхъ потребностей, именно, съ одной стороны—потребности *созерцанія* (любованіе предметами изъ области своего труда), а съ другой—потребность *свобо́днаго* проявленія своихъ силъ въ дѣлѣ. Первый элементъ—созерцаніе—умственный, а второй—волевой (мнѣ давно гулять по травѣ степной хотѣлося). Конечно, можно въ этихъ примѣрахъ усматривать простую привязанность къ

---

[1]) Сочиненія Глѣба Успенскаго, т. VII, изд. 1884. Павленкова, стр. 26 и дал.

природѣ. Крестьянинъ весь свой трудъ, правда тяжелый, совершаетъ въ непосредственномъ общеніи съ природою, а можно-ли не любить природы, въ особенности для человѣка, лишеннаго всякихъ иныхъ радостей, кромѣ впечатлѣній непосредственно получаемыхъ отъ созерцанія природы и общенія съ нею. Но разгадка поэзіи земледѣльческаго труда не въ этомъ заключается, а въ томъ, что какъ-бы самъ по себѣ ни былъ тяжелъ трудъ, но онъ дѣлается сноснымъ и даже легкимъ, мало того—любимымъ, если только есть какая-нибудь, хотя-бы самая ничтожная, возможность связать съ нимъ свое душевное дѣло, т. е. свободную внутреннюю работу своихъ душевныхъ силъ, своего мышленія, воображенія. Что можетъ быть скучнѣе такой работы, какъ переписываніе канцелярскихъ бумагъ? Однако Акакій Акакіевичъ Гоголя могъ же полюбить и это дѣло. „Врядъ-ли можно было найти человѣка, который такъ жилъ-бы въ своей должности. Мало сказать—онъ служилъ ревностно; нѣтъ, онъ служилъ *съ любовью*. Тамъ, въ этомъ переписываніи ему видѣлся какой-то свой разнообразный и пріятный міръ. Наслажденіе выражалось на лицѣ его; нѣкоторыя буквы у него были фавориты, до которыхъ если онъ добирался, то былъ самъ не свой и т. д. По своей охотѣ онъ и дома занимался переписываніемъ, въ то время, когда другіе сослуживцы его искали какихъ-либо развлеченій. „Написавшись въ сласть, онъ ложился спать, улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ—что-то Богъ пошлетъ переписывать завтра“. Когда женщины или мущины совмѣстно исполняютъ какую-либо механическую работу, однообразную, не требующую усиленнаго вниманія, то такая работа обыкновенно сопровождается оживленною бесѣдою, и это обстоятельство, именно возможность занять свое вниманіе игрою представленій, живымъ обмѣномъ мыслей, впечатлѣній, ощущеній, вообще—возможность связать съ внѣшнею работою внутреннюю душевную работу, облегчаетъ

въ значительной степени тяжесть первой, можно сказать, дѣлаетъ ее незамѣтной. Поэтому казалось-бы, что наибольше должно быть любви не къ физическому, а къ умственному труду. Отчасти такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Извѣстно, что занятія наукой, искусствомъ тому, кто сжился съ этого рода занятіями и обладаетъ необходимыми для того дарованіями, даютъ высокое наслажденіе и рождаютъ въ душѣ сильную непреодолимую любовь къ дѣлу, могущую подвинуть человѣка на какія угодно жертвы. Какъ-же объяснить то явленіе, что школы наши, да и вездѣ, а не только у насъ, изобилуютъ лѣнтяями,—вполнѣ нормальными молодыми людьми, и однако неспособными, повидимому, полюбить полезный и необходимый для собственнаго-же ихъ блага трудъ учебно-образовательный и воспитательный,—трудъ умственный, духовный, слѣдовательно, такой, который долженъ быть для каждаго наиболѣе желателенъ. Но въ этомъ то и дѣло, что это трудъ не физическій, а умственный, духовный. Физическій трудъ, требуя расходованія энергіи органической, душевнымъ силамъ предоставляетъ значительную свободу дѣйствія, школьное-же дѣло въ томъ и состоитъ, что оно налагаетъ руку на свободу дѣйствія душевныхъ силъ. Требуется, мало сказать—ограниченіе, почти совершенное исключеніе этой свободы: обучаемый лишается возможности предаваться игрѣ представленій,—и это тогда, въ такомъ возрастѣ, когда душевныя силы отличаются наибольшею живостію и подвижностію. Сколько нужно мудрости, т. е. знанія, опытности и умѣнья для того, чтобы, вторгаясь постоянно въ свободную и удобоподвижную сферу душевныхъ силъ, не подавлять свободнаго ихъ дѣйствія, не угнетать, а только лишь возбуждать и направлять! Такая мудрость—удѣлъ немногихъ. Всякое истинно душевное дѣло есть дѣло личное, т. е. у каждаго естественно должно имѣть свой особый характеръ, и можетъ имѣть успѣхъ при условіи болѣе или ме-

нѣе свободнаго проявленія особыхъ свойствъ своей души, ея отличительнаго характера. Поэтому требованіе,—въ дѣлѣ воспитанія и образованія принимать во вниманіе индивидуальныя черты обучаемаго, не пустое, и хотя трудно исполнимое, не должно оставаться однако въ полномъ пренебреженіи. Даже когда дѣло обученія и воспитанія правильно ведется, и въ этомъ случаѣ оно требуетъ отъ обучаемаго и воспитываемаго не только большого душевнаго напряженія, но, можно сказать, даже самопожертвованія, состоящаго въ постоянномъ самоограниченіи, въ обузданіи всякихъ, не идущихъ къ дѣлу фантазій и порывовъ, въ удержаніи, въ теченіе значительнаго времени, своего вниманія на извѣстномъ, можетъ быть, мало интересномъ и даже вовсе неинтересномъ предметѣ, на данной задачѣ, между тѣмъ, какъ множество впечатлѣній и воспоминаній, совсѣмъ постороннихъ для дѣла, назойливо вторгаются въ душу и влекутъ къ себѣ это непрочное, еще зыбкое вниманіе; требуется постоянно дѣлать не то что нравится и чего хочется, а то, что пока ничего привлекательнаго въ себѣ не заключаетъ, но отъ чего ожидается со-временемъ, когда-то, и польза и удовольствіе, да и ожидается вовсе не тѣми, на которыхъ возлагается трудъ, ибо послѣдніе живутъ лишь настоящимъ и мало способны думать о будущемъ. По всему этому школьный трудъ скоро и очень утомляетъ, а потому дѣлаетъ необходимымъ отдыхъ, предоставленіе нѣкоторой свободы дѣйствія душевнымъ и тѣлеснымъ силамъ. Смѣна труда и отдыха прежде всего въ школѣ является необходимой, а затѣмъ и вообще въ жизни такая смѣна есть правило общепринятое. Есть и въ природѣ вообще, и въ природѣ человѣка, основаніе, которымъ такое правило оправдывается; основаніе это заключается въ смѣнѣ временъ года, дня и ночи, состояній сна и бодрствованія. Для насъ-же важно въ особенности то основаніе, которое заключается въ указанномъ выше свойствѣ дѣятельности ду-

ховной. И физическій трудъ свое значеніе труда, какъ разъяснено выше, заимствуетъ отъ того, что а) въ него также входятъ элементы дѣятельности духовной,—мысль, чувство, усиліе воли, воздержаніе отъ всего, что могло-бы воспрепятствовать успѣху дѣла; b) физическій трудъ оставляетъ мѣсто для свободнаго дѣйствія душевныхъ силъ. Очевидно, коль скоро трудъ по необходимости таковъ,—что имъ исключается эта свобода, то является нужда въ смѣнѣ подобнаго труда досугомъ, дающимъ возможность возстановленія нарушенной духовной свободы. Поэтому, если понимать отдыхъ послѣ труда какъ совершенный покой, какъ отсутствіе всякой дѣятельности, то такое пониманіе отдыха явно противорѣчитъ его смыслу и назначенію. Ближе къ истинному понятію объ отдыхѣ—то представленіе, что отдыхъ состоитъ въ *развлеченіяхъ* разнаго рода: вниманіе, стѣсненное во время труда, послѣ труда становится свободнымъ отъ всякаго усилія, напряженія, и отдается во власть свободнаго прилива и отлива впечатлѣній. Но самыя развлеченія могутъ быть таковы, что ближайшимъ неминуемымъ послѣдствіемъ дозволенія ихъ себѣ является гораздо большая утрата свободы душевныхъ силъ, чѣмъ какая бываетъ при выполненіи самаго тяжкаго труда. Сюда относятся развлеченія, состоящія въ излишествѣ чувственныхъ удовольствій (обжорство, пьянство). Поэтому обученіе и воспитаніе нужны не для приготовленія только къ труду, но и для того, чтобы человѣкъ научился пользоваться досугомъ не во вредъ, а на пользу душевной своей свободѣ, которая дается не природой, а главнымъ образомъ воспитаніемъ, дисциплиной, вообще опытомъ жизни благоустроенной, упорядоченной. Въ этомъ отношеніи физическій трудъ, помимо всего сказаннаго объ немъ выше, самый даже тяжелый, хотя бы и не заключалъ въ себѣ никакихъ душевныхъ элементовъ, но именно въ духовномъ отношеніи тѣмъ уже важенъ для человѣка, что своею регу-

лярностію и постоянствомъ (это—главное условіе) дисциплинируетъ характеръ человѣка, пріучаетъ къ порядку, развиваетъ и утверждаетъ въ сознаніи человѣка идею обязанности, а при существованіи въ душѣ этой идеи и употребленіе свободы во время досуга, отдыха, не будетъ безпорядочнымъ и необузданнымъ.

Какъ извѣстно, древніе греки досугомъ, свободою отъ труда называли особый родъ жизни, именно—такъ они характеризовали жизнь свободную отъ физическаго труда и проводимую въ упражненіяхъ и занятіяхъ по преимуществу духовныхъ, или, по крайней мѣрѣ, имѣющихъ свою конечную цѣль въ интересахъ духовныхъ—умственныхъ, моральныхъ, эстетическихъ (διατριβή, σχολή). Пониманіе отдыха, досуга въ смыслѣ совершеннаго покоя, неподвижности свойственно преимущественно восточнымъ народамъ, ибо на Востокѣ сама природа принуждаетъ къ покою и неподвижности. Въ древней же Греціи, хотя и удерживается представленіе о свободѣ отъ труда, о досугѣ, какъ о состояніи высшемъ, болѣе совершенномъ и потому болѣе желательномъ, нежели трудъ, но въ это представленіе влагается уже иной смыслъ. По восточному представленію важное лицо тѣмъ отличается отъ простыхъ смертныхъ, что можетъ, когда захочетъ, и сколько захочетъ—предаваться покою, находиться въ состояніи неподвижности. Для грековъ же было ясно, что, при внѣшней неподвижности, при сохраненіи внѣшняго спокойствія, можно быть внутренно-дѣятельнымъ. Поэтому, въ самомъ дѣлѣ, скульптурныя произведенія Грековъ, при внѣшнемъ спокойствіи, имѣютъ на себѣ печать внутренно дѣятельной, духовной мощи и тѣмъ отличаются отъ произведеній восточнаго искусства. Древніе Греки отдыхъ, развлеченіе, свободу отъ труда полагали, главнымъ образомъ, въ эстетическомъ наслажденіи, какое можно получить отъ созерцанія прекрасныхъ зрѣлищъ, именно разнобразныхъ игръ, праздничныхъ шествій, воин-

скихъ упражненій и торжествъ. Удовольствіе достигало высшаго напряженія отъ участія въ самомъ исполненіи этихъ зрѣлищъ. Болѣе высокое, можно сказать, чистое въ духовномъ смыслѣ наслажденіе доставляло созерцаніе художественныхъ произведеній. Такое созерцаніе, не возбуждая сильнаго волненія, при большомъ спокойствіи, даетъ больше работы душевнымъ, внутреннимъ силамъ созерцающаго. Само собою разумѣется, что въ наибольшей степени наслажденіе, доставляемое созерцаніемъ прекраснаго, должно быть свойственно самому виновнику, творцу художественныхъ произведеній. На его долю приходится удовольствіе не отъ созерцанія только, сначала умственно представляемаго, а затѣмъ осуществленнаго и получившаго внѣшнее бытіе, художественнаго предмета, но еще въ большей мѣрѣ отъ самаго процесса творчества. Процессъ этотъ тѣмъ особенно важенъ и заслуживаетъ вниманія нашего, что съ наибольшею ясностію представляетъ то главное условіе, болѣе или менѣе соединенное со всякимъ трудомъ, отъ котораго зависитъ *любовь* къ труду. Творческая производительность, какъ чисто духовный процессъ, состоитъ въ томъ, что человѣкъ свою мысль и чувство, какъ бы себя самаго, т. е. свою душу влагаетъ въ нѣкоторое дѣло. Повидимому, это значитъ, что человѣкъ, любящій трудъ, видитъ въ немъ какъ бы часть самого себя, продолженіе себя или, пожалуй, воплощеніе своего я, и оттого только любитъ свой трудъ Поэтому, не заключается ли источникъ любви къ труду въ самолюбіи? Такое толкованіе любви къ труду не вѣрно. Напротивъ, потому только дорогъ для насъ нашъ трудъ, что, входя въ процессъ исполненія своего дѣла, какъ уже выше сказано, мы забываемъ при этомъ себя, отвлекаемъ отъ себя, такъ сказать, всѣ свои силы и направляемъ ихъ на нѣчто другое. Наше я служитъ только исходнымъ пунктомъ въ процессѣ труда. Оно не болѣе какъ носитель тѣхъ даровъ, въ употребленіи

которыхъ состоитъ сущность труда. Отсюда цѣнность труда, удовлетвореніе, которое мы испытываемъ, исполняя трудъ, зависитъ отъ достоинства и важности тѣхъ мыслей и чувствъ для которыхъ трудъ, исполненный и исполняемый нами, служитъ документомъ и выраженіемъ. Конечно, изготовленіе предметовъ первой необходимости менѣе подходитъ подъ это понятіе о трудѣ; однако, тщательность или небрежность, мастерство или неумѣлость проявленныя въ производствѣ такого рода вещей, даютъ нѣкоторое понятіе о душевномъ состояніи и свойствахъ характера исполнителя подобнаго рода работъ. Впрочемъ, мы имѣемъ въ виду преимущественно значеніе труда для самого трудящагося, а не для другого посторонняго лица, къ которому исполняемое трудящимся дѣло можетъ имѣть и обыкновенно имѣетъ извѣстное отношеніе.

Какъ видно изъ предыдущаго, истинное понятіе объ отдыхѣ есть то, что это состояніе не противоположно труду, не будучи простымъ отсутствіемъ труда, а должно быть только инымъ способомъ дѣятельности, именно, болѣе свободнымъ проявленіемъ душевныхъ силъ, въ чемъ состоитъ также и сущность самаго труда. Понимая досугъ, время свободное отъ труда, вполнѣ правильно, именно, какъ дѣятельное, но не стѣсненное проявленіе душевныхъ силъ, а въ то же время противополагая досугъ труду, древніе Греки пришли къ тому ложному взгляду на трудъ, трудомъ признавая лишь физическій трудъ, что трудъ унижаетъ человѣка, дѣлаетъ его рабомъ, ибо лишаетъ свободы, и потому долженъ быть принадлежностію рабовъ, а не свободныхъ гражданъ. Нѣтъ нужды говорить о томъ, что взглядъ на физическій трудъ, какъ на занятіе недостойное свободнаго человѣка, унижающее его, совершенно ложенъ: выше показано, что и въ трудѣ физическомъ участвуютъ элементы духовные, и этого мало,—собственно только разумное и

обладающее свободною волею существо, слѣдовательно, изъ всѣхъ живыхъ существъ на землѣ, одинъ только человѣкъ и можетъ трудиться; такимъ образомъ, надо сказать, что истинное достоинство человѣка именно заключается въ томъ, чтобы трудиться, а не въ свободѣ отъ труда. Поэтому нѣкоторые (въ противоположность воззрѣнію Грековъ древнихъ) трудъ физическій даже предпочитаютъ чисто духовной дѣятельности, находя, что только физическій трудъ есть дѣйствительный трудъ, для всѣхъ явный и очевидный, равно какъ и полезность такого труда и для трудящагося и для другихъ очевидна и несомнѣнна, и что надобно желать только улучшенія условій физическаго труда, дабы этотъ трудъ могъ сдѣлаться желательнымъ для всякаго и предпринимался не по нуждѣ только, а съ полною охотою. Въ предпочтеніи физическаго труда есть нѣкоторая доля истины, но истина эта заключается не въ превосходствѣ физическаго труда надъ дѣятельностію интеллектуальною, духовною, а именно въ томъ, что физическій трудъ оставляетъ душевныя силы въ состояніи большей свободы и въ меньшей связанности, стѣсненности сравнительно съ различными видами труда интеллектуальнаго. Вотъ почему для человѣка, занятаго физическимъ трудомъ, дѣйствіе интеллектуальныхъ силъ служитъ отдыхомъ, развлеченіемъ; для человѣка же, преданнаго труду интеллектуальному, наоборотъ, отдыхомъ, развлеченіемъ служитъ трудъ физическій.

Въ пренебреженіи къ физическому труду выразилось не ясное сознаніе того, что конечною цѣлью человѣка должно быть не удовлетвореніе физическихъ нуждъ и служеніе тѣлу, а развитіе и проявленіе въ жизни духовныхъ стремленій. Но для этой цѣли нужна человѣку свобода не отъ физическаго труда, а отъ давленія на духъ чисто животныхъ чувственныхъ потребностей. Истинное достоинство человѣка требуетъ, чтобы свобода и самодѣятельность не были совсѣмъ

подавлены либо недостаточнымъ или же излишнимъ удовлетвореніемъ тѣлесныхъ нуждъ. Трудъ состоитъ въ расходованіи силъ организма, посему необходимо возстановленіе потраченныхъ силъ. Если же этого нѣтъ, то человѣкъ лишается способности къ свободному и энергичному труду. Такое истощеніе силъ бываетъ при трудѣ подневольномъ, рабскомъ, если надъ человѣкомъ тяготѣетъ воля другого человѣка, либо желѣзная необходимость, заключающаяся въ условіяхъ общественнаго состоянія и положенія человѣка и вынуждающая нести трудъ превышающій размѣры силъ, т. е. такой, который не соединяется съ возможностію правильнаго (т. е. своевременнаго и достаточнаго) возстановленія силъ, растрачиваемыхъ въ трудѣ. Послѣдствіемъ этого является утрата способности къ труду, т. е. погибель человѣка. Такъ какъ такой исходъ труда для человѣка въ указанномъ случаѣ зависитъ не отъ воли самаго человѣка, а отъ условій существованія его въ обществѣ, то это и побуждаетъ обращать вниманіе на общественную жизнь, изучать ея устройство и историческое ея теченіе. Это дѣлается преимущественно въ наше время, а главное—въ видахъ возможно лучшей организаціи общественнаго труда. Гораздо ранѣе, и притомъ далеко въ большей мѣрѣ, было обращаемо вниманіе на то, какъ нерѣдко человѣкъ самъ, своею волею, доводитъ себя до того, что оказывается лишеннымъ способностикъ труду. Такой результатъ получается, когда человѣкъ страдаетъ не отъ недостаточности удовлетворенія своихъ нуждъ, а отъ излишества частичнаго или общаго, т. е. относящагося либо къ одной потребности, либо ко многимъ. Какъ явленіе менѣе сложное, отличающееся индивидуальнымъ характеромъ и исправимое усиліями отдѣльнаго человѣка, этотъ видъ утраты человѣкомъ свободы духа и нравственнаго достоинства, по своей винѣ, еще въ древности обращалъ на себя вниманіе философовъ, особенно же слу-

житъ предметомъ и ученія и практическихъ установленій христіанства.

Опасность для свободы и самодѣятельности духа отъ низшихъ тѣлесныхъ потребностей заключается въ томъ, что, при неумѣренномъ удовлетвореніи ихъ, легко переходятъ эти потребности въ страсти и порабощаютъ духъ человѣка. Это должно признать прежде всего относительно полового влеченія. Уже Платонъ, греческій философъ, какъ извѣстно, порицалъ и отвергалъ чувственную изступленную любовь, и въ противовѣсъ ей, неутомимо и въ разныхъ формахъ, изображалъ любовь духовную, философское стремленіе къ высшему знанію и добродѣтели. Затѣмъ христіанство признаетъ цѣломудріе важнѣйшею добродѣтелью, такъ что на этой добродѣтели, какъ извѣстно, основанъ особый родъ жизни. Но замѣчательно, что христіанство же способствовало сильнѣйшему развитію половой любви, очистивъ и возвысивъ до идеальнѣйшаго совершенства естественное влеченіе къ женщинѣ своимъ ученіемъ о Богоматери, какъ *пречистой Дѣвѣ*. Идеалъ чистоты, непорочности, дѣтской простодушной невинности сдѣлался въ христіанскомъ мірѣ необходимымъ содержаніемъ поэтическихъ изображеній любви. Идеалъ этотъ выразился и въ живописномъ изображеніи мадоннъ. Въ нашихъ же церковныхъ и народныхъ представленіяхъ возобладала иная черта изъ догматическаго ученія о Приснодѣвѣ, именно—скорбь пережитая Ею, при видѣ мученій своего возлюбленнаго Сына, и, какъ послѣдствіе скорби, милосердіе, жалость ко всѣмъ страждущимъ. Эти разныя черты въ идеѣ совершеннѣйшей женщины далеко не въ равной степени вошли въ жизнь: идея чистоты, невинности, изящества и наружной прелести осталась у насъ преимущественно достояніемъ литературы (идея по преимуществу западная), напротивъ, идеалъ милосердія, жалости, простосердечія и кротости въ образѣ женщины, отличающейся не столько красотою,

какъ *привлекательностію*, сдѣлался болѣе для насъ сроднымъ и близкимъ въ самой жизни. Къ счастію и современное стремленіе женщинъ къ равноправности съ мужчинами, къ высшему образованію, не вполнѣ благопріятное для перваго идеала, вполнѣ совмѣстимо со вторымъ.

Другія чувственныя потребности таковы, что полное отрѣшеніе отъ нихъ духа невозможно, а потому остается лишь соблюдать въ отношеніи къ нимъ умѣренность, но добродѣтель эта такова, что человѣкъ, предоставленный себѣ самому, легко можетъ переступить должную границу умѣренности. Поэтому еще въ древности такое дѣло, какъ употребленіе пищи и питья, соединялось съ удовлетвореніемъ болѣе высокой потребности духовнаго общенія чрезъ обмѣнъ мыслей и чувствъ о предметахъ, могущихъ возбудить интересъ къ себѣ настолько, что процессъ тѣлеснаго насыщенія, сопровождаясь такимъ образомъ одновременнымъ, такъ сказать, духовнымъ питаніемъ, незамѣтно и естественно умѣряется и ограничивается. Такъ было и въ языческомъ мірѣ, то же видимъ и въ христіанствѣ, но съ рѣшительнымъ преобладаніемъ духовнаго элемента надъ плотскимъ удовольствіемъ (на такъ назыв. вечери любви). Ясно, что возможная для человѣка *свобода* отъ чувственныхъ потребностей есть только отрицательное условіе для истинной свободы духа. Послѣдняя же состоитъ въ неустанномъ развитіи дѣятельности духовной, — умственно-познавательной, и нравственно-образовательной. Вотъ въ чемъ заключается истинная сущность и задача труда. Въ основаніи своемъ познаваніе и образованіе характера (умъ и воля) составляютъ единое и нераздѣльное дѣйствіе духа, одинъ и тотъ же духовный трудъ или иначе—подвигъ духа надъ самимъ собою и въ себѣ. Чрезъ такую то дѣятельность человѣкъ становится истинно, т. е. въ положительномъ смыслѣ, свободнымъ. Свобода духа не дается сама собою, а добывается трудомъ надъ собою самимъ.

Выше сказано, что наше я служитъ только исходнымъ пунктомъ, но не цѣлью труда. Поэтому, можно-ли сказать, какъ сейчасъ сказано, что человѣкъ истинно трудящійся, въ сущности, надъ собою трудится и себя вырабатываетъ? Это можно сказать въ томъ смыслѣ, что хотя человѣкъ, когда трудится, имѣетъ въ виду нѣчто иное, а не себя самого, ставитъ цѣль внѣ себя, но, стремясь къ осуществленію поставленной цѣли, онъ, не замѣчая того, и самъ становится въ уровень поставленной для себя цѣли. Въ этомъ смыслѣ говорятъ о цѣляхъ человѣческаго дѣланія, что онѣ бываютъ и низкія и высокія. Трудясь для цѣли низменной, человѣкъ и самъ становится низкимъ, а когда назначаетъ для себя цѣль болѣе или менѣе возвышенную, то, трудясь для таковой цѣли, и самъ возвышается.

Повидимому, сейчасъ сказанное не согласуется со всѣмъ доселѣ изложеннымъ о трудѣ. Предыдущее приводитъ къ тому заключенію, что только отсутствіе труда, бездѣйствіе худо, а трудъ, каковъ бы ни былъ, спасаетъ человѣка отъ паденія; даже трудъ грязный (при уходѣ, напр., за больными), исполняемый по внушенію расположенія, любви къ ближнему, не для корысти, а по сознанію необходимости его для общаго благополучія, нимало не унижаетъ человѣка. Итакъ, спрашивается,—человѣкъ преданный труду можетъ-ли быть низкимъ, можетъ-ли быть и такой трудъ, который былъ-бы для человѣка унизительнымъ?

Когда кто-либо задается цѣлью недостойною, напр., хищническимъ образомъ обогатиться, или занять въ обществѣ почетное положеніе, не имѣя на то права, то такой человѣкъ вовсе и не помышляетъ о трудѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Посредствомъ хитростей, обмана, всякаго рода уловокъ, такого типа дѣятель будетъ стараться другихъ заставить работать на него. Жизнь человѣка преслѣдующаго цѣли недостойныя очень хлопотлива, преисполнена всякаго

рода превратностей и неожиданностей, но это не есть жизнь трудовая. А что въ общежитіи всякаго рода суетливыя похожденія также называются трудомъ, такъ это объясняется тѣмъ, что вообще въ просторѣчіи вещи обозначаются такъ или иначе по ихъ видимости, а не по сущности. Если также въ трудѣ человѣкъ руководится единственно корыстнымъ разсчетомъ, тщеславіемъ и подобными побужденіями, а не любовью къ дѣлу, то никогда такой трудъ не бываетъ совершеннымъ и безъ крупныхъ недостатковъ, имѣя характеръ механическій, формальный, безъ малѣйшей черты индивидуальности, своеобразія. Это трудъ несвободный, исполняемый по нѣкоторой необходимости, хотя, конечно, и такой трудъ все же предпочтительнѣе совершеннаго бездѣлья. Дѣло въ томъ, что всякая плодотворная мысль, всякая идея, сообразная съ существомъ духа человѣческаго, сама въ себѣ заключаетъ стремленіе къ произведенію соотвѣтственнаго дѣйствія, къ своему осуществленію (единство ума и воли— что составляетъ характеръ человѣка), и только такого рода мысли и идеи рождаютъ настоящій трудъ и дѣйствительную любовь къ труду. Напротивъ, мысль недостойная, фальшивая не въ состояніи подвинуть человѣка на соотвѣтственное дѣло, а потому человѣкъ, желающій для себя почему-либо осуществленія подобной мысли, будетъ искать иныхъ способовъ къ достиженію желаемаго, но никогда не изберетъ для того прямой и открытый трудъ: нужна вѣдь вѣра въ свою цѣль, т. е. признаніе ея важности и исполнимости, чтобы явилось серьезное стремленіе къ ея осуществленію. Это ведетъ къ тому допущенію, что всякая коренная, связанная съ существомъ духа человѣческаго мысль или идея есть не только мысль, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣло,—иначе сказать— есть воля, получившая форму мысли, или же, наоборотъ,— мысль дѣйствующая и стремящаяся къ дѣйствію, слѣдовательно, получившая характеръ воли. И если въ жизни раз-

личіе между умомъ и волею, между видами дѣятельности практической и теоретической представляется въ общемъ рѣзко выраженнымъ, то главное условіе этой дифференціаціи заключается не въ существѣ человѣческаго духа, а въ жизни общественной, слѣдовательно, относится лишь къ проявленіямъ духа, а не къ существу его.

III.

Всякое живое существо зависитъ отъ среды, въ которой проводитъ свою жизнъ. Человѣкъ имѣетъ двоякую среду—внѣшнюю природу и жизнь общественную. Въ отношеніи природы задача въ томъ, чтобы обезпечить свою отъ нея независимость, насколько это возможно и необходимо человѣку въ интересѣ собственнаго развитія его духовнаго существа: необходимо, чтобы духъ человѣка не былъ подавляемъ зависимостію отъ внѣшней природы. Цѣль эта достигается по мѣрѣ того какъ человѣкъ научается пользоваться всякими дарами природы и преодолѣвать или по крайней мѣрѣ ослаблять все, что можетъ ему вредить. А это значитъ, что для установленія желаемаго и должнаго отношенія къ природѣ требуется отъ человѣка непрерывный, тяжелый, а главное правильно организованный трудъ. Не легко даются человѣку побѣды надъ природою, но именно усиленный трудъ спасаетъ человѣка, даетъ ему возможность сохранять неизмѣнно свое человѣческое достоинство и постепенно усовершаться. Наибольшую важность въ этомъ отношеніи имѣетъ правильная организація труда, а это возможно только въ жизни общественной. Ибо названная выше цѣль осуществима только при согласномъ и дружномъ дѣйствіи множества человѣческихъ индивидовъ и на протяженіи времени далеко и во много разъ превосходящаго мѣру существованія отдѣльныхъ лицъ. Посему общество для отдѣльнаго человѣческаго существа есть ближайшая и важнѣйшая

среда. Только при посредствѣ общественной жизни возможно упорядоченіе труда, просто сказать—самый трудъ какъ принадлежность человѣка возможенъ только въ общественной жизни. А такъ какъ сущность труда, истинный его смыслъ, заключается въ обезпеченіи возможности духовнаго развитія и въ самомъ этомъ развитіи, то съ этой именно точки зрѣнія и слѣдуетъ изъяснять какъ происхожденіе общественной жизни, такъ и важнѣйшія ея явленія.

Обыкновенно главнымъ условіемъ происхожденія общества и жизни общественной признается необходимость *раздѣленія труда.* Посему общество и жизнь общественная понимается какъ организація труда. При этомъ трудъ разумѣется въ смыслѣ довольно узкомъ, имѣется въ виду лишь трудъ физическій и самое раздѣленіе труда разсматривается какъ средство къ лучшему обезпеченію насущныхъ потребностей жизни. Но вѣдь главное важнѣйшее отличіе человѣка въ томъ, что онъ обладаетъ духовною жизнью, и потому его существованіе никогда не могло ограничиваться одною лишь психо-физической или физіологической стороною. Пусть вначалѣ духъ человѣка могъ быть только въ зачаточномъ состояніи, а все же нельзя мыслить человѣка безъ этого его преимущества, и вотъ именно общественность и надо понимать прежде всего, какъ явленіе, имѣющее въ основаніи своемъ духъ человѣка, какъ проявленіе этого духа. Выше разъяснено, что человѣкъ обладаетъ сознаніемъ, о которомъ должно полагать, что оно существенно различно отъ сознанія свойственнаго животнымъ, ибо человѣкъ—существо *мыслящее.* Мышленіе свою производительную дѣятельность проявляетъ прежде всего въ томъ, что даетъ самостоятельное бытіе идеямъ, именно отрѣшаетъ ихъ отъ естественной связи съ влеченіями, и потому-то у человѣка идеи не только исходятъ изъ влеченій, но и обратно—сами могутъ служить и служатъ источниками соотвѣтственныхъ имъ стремленій, называемыхъ поэтому *идеальными.* Идеи, по-

лучившія чрезъ мышленіе для сознанія самостоятельное бытіе, не могли бы надолго удержать эту свою самостоятельность, если бы не получили вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшняго выраженія въ *словахъ* языка, что также есть дѣло мышленія. Полагаютъ даже, что хотя мы и различаемъ мысль отъ словеснаго ея выраженія, представленіе отъ словеснаго знака, но въ сущности сообщеніе представленіямъ самостоятельнаго бытія и выраженіе или обозначеніе ихъ посредствомъ словъ,— это одно и то же нераздѣльное дѣйствіе мыслящаго человѣческаго духа. Вотъ именно языкъ, какъ произведеніе и вмѣстѣ выраженіе духа человѣческаго, есть первое и важнѣйшее основаніе жизни общественной. На древнѣйшихъ костяныхъ орудіяхъ, которыми пользовался до-историческій человѣкъ, уже встрѣчаются явственныя начертанія образовъ разныхъ животныхъ, а вѣдь графическіе знаки—болѣе поздній способъ выраженія и обозначенія представленій сравнительно съ изустнымъ произнесеніемъ словъ. Итакъ, языкъ служитъ орудіемъ общественнаго союза въ самыя первыя времена существованія человѣка. Между тѣмъ, языкъ—орудіе не столько матеріальное, сколько духовное, предназначенное для духовнаго общенія. Сознаніе духовнаго значенія языка въ самыя первобытныя времена можно усматривать въ томъ, что названіе вещи не было для древняго человѣка простымъ знакомъ, ибо существовала увѣренность, что знающій названіе вещи чрезъ то владѣетъ какъ бы самимъ ея существомъ, ея душой; отсюда олицетвореніе вещей природы, усвоеніе таинственнаго значенія, волшебной чудодѣйственной силы нѣкоторымъ словамъ. Миѳологическія представленія,— религіозныя вѣрованія, вообще все міросозерцаніе первобытнаго человѣка состоитъ въ тѣсной связи со словами языка. Между тѣмъ, происхожденіе языка все еще остается загадкою, неразрѣшимою для науки и, кажется, навсегда должно остаться такою; это не удивительно: вѣдь разъяснить происхожденіе языка значитъ показать какимъ образомъ чело-

вѣкъ сдѣлался человѣкомъ, т. е. существомъ мыслящимъ. Мышленіе есть необходимое орудіе, пользуясь которымъ мы изъясняемъ происхожденіе всего иного, но для себя самого оно очевидно не можетъ служить орудіемъ, какъ не возможно человѣку самого себя вытащить за волосы изъ воды. Одно только ясно, что языкъ есть произведеніе народнаго или племеннаго духа, а не отдѣльныхъ лицъ, и слѣдовательно, по происхожденію своему, совпадаетъ съ происхожденіемъ общества. Многіе ученые и писатели мечтали о созданіи универсальнаго языка, но задача эта оказывается не выполнимою: если геніальный человѣкъ не въ состояніи создать языкъ, то какъ же могло быть это дѣло по силамъ первобытному дикому человѣку? Ясно, что языкъ не есть намѣренное произведеніе, а есть продуктъ органическаго развитія, выраженіе психическаго, слѣдовательное духовнаго, но безсознательнаго, и потому самому общенароднаго, а не индивидуальнаго,процесса. Образованіе же языка литературнаго изъ народнаго языка есть уже дѣло индивидуальныхъ личныхъ силъ. Въ соціологическихъ теоріяхъ обыкновенно отдѣльная личность, индивидумъ, и общество противополагаются такъ, что послѣдствіемъ этого являются крайности, съ одной стороны, *индивидуализма*, а съ другой—*соціализма*. Происхожденіе же языка литературнаго свидѣтельствуетъ, что личныя индивидуальныя силы могутъ успѣшно работать и развиваться только на почвѣ духа народнаго, въ живой связи и взаимодѣйствіи съ этимъ духомъ. Поэтому общественность должно признать первоначальною и основною формою человѣческаго бытія. Не слѣдуетъ полагать, что сначала люди жили врозь, раздѣльно, въ одиночку, потомъ соединились и образовали союзъ, сначала меньшій, а затѣмъ большій. Скорѣе всего слѣдуетъ думать, что одновременно всегда существовали и общеніе болѣе тѣсное, въ видѣ семьи, и общеніе болѣе широкое въ видѣ союза нѣсколькихъ семей (родовой племенной бытъ),

слѣдовательно, отдѣльное лицо могло существовать только въ качествѣ члена семьи или рода, племени, народа, а не само по себѣ. Итакъ, раздѣленіе труда могло быть не условіемъ происхожденія, а только послѣдствіемъ существованія общества. Обыкновенно такъ разсуждаютъ: отдѣльный человѣкъ не въ состояніи своимъ трудомъ обезпечить удовлетвореніе своихъ нуждъ; отсюда—необходимость раздѣленія труда между многими лицами, и, слѣдовательно, необходимость соединенія этихъ лицъ въ одно общество; раздѣленіе труда создаетъ солидарность, взаимную зависимость людей другъ отъ друга и слѣдовательно общеніе. Но вѣдь жизнь первобытныхъ людей была крайне несложна: человѣкъ тогда довольствовался простѣйшимъ удовлетвореніемъ своихъ нуждъ, конечно, очень немногихъ, а средства къ тому природа давала въ изобиліи. Если-бы человѣкъ имѣлъ надобность заботиться о томъ только, чтобы *какъ-нибудь* удовлетворить свои жизненныя потребности, то раздѣленіе труда было бы излишне: для такой цѣли немного нужно, какъ и дѣйствительно животныя обходятся безъ того сложнаго раздѣленія труда, какое свойственно человѣческому обществу, даже, можно сказать, вовсе безъ труда (ни сѣютъ, ни жнутъ). Но, какъ существо мыслящее, человѣкъ отличается отъ животнаго и въ способѣ удовлетворенія своихъ животныхъ потребностей: онъ имѣетъ въ виду возможно лучшее, а не какое-либо удовлетвореніе, и для сего неудовольствуется употребленіемъ одной физической силы, но съ самаго начала прилагаетъ къ дѣлу и свои духовныя силы, что выразилось, напр., въ изготовленіи орудій, сначала несовершенныхъ, а затѣмъ постепенно все болѣе усовершаемыхъ, при томъ разнобразныхъ по формѣ и назначенію; необходимъ былъ навыкъ, нужна была опытность, нѣкотораго рода искусство и въ приготовленіи и въ употребленіи орудій. И вотъ собственно эта потребность обладанія нѣкоторымъ знаніемъ и умѣньемъ, необходимымъ для общеполезныхъ цѣлей,

слѣдовательно, потребность духовная, а не физическая и была основаніемъ для раздѣленія труда: одни могли быть болѣе искусны и опытны въ изготовленіи орудій, другіе— въ ихъ употребленіи. И въ этомъ дѣлѣ интересъ общественный соединялся съ нѣкоторой свободою индивидуальности, ибо разнообразіе орудія по формѣ и величинѣ свидѣтельствуетъ, что способъ приготовленія ихъ, въ нѣкоторой мѣрѣ былъ дѣломъ личной изобрѣтательности самихъ производителей. И въ первобытномъ своемъ состояніи человѣкъ не ограничиваетъ своего труда однѣми лишь насущными, матеріальными нуждами, и, слѣдовательно, не въ нихъ, или, по крайней мѣрѣ, не только въ нихъ было основаніе для раздѣленія труда. Извѣстно, что и дикари любятъ украшать себя и заботиться о пріобрѣтеніи навыковъ, необходимыхъ въ охотничьемъ быту, а также относящихся къ военному дѣлу, по причинѣ нерѣдко бывающихъ при этомъ враждебныхъ столкновеній между разными племенами. Правильный трудъ могъ, однако, начаться только вмѣстѣ съ началомъ осѣдлой жизни, послѣ того какъ возникло земледѣліе. Безъ сомнѣнія, охотничій бытъ продолжался несравненно болѣе того времени, когда люди, какъ предполагаютъ, питались плодами. Поэтому очень вѣроятно, что качества, пріобрѣтенныя и наиболѣе цѣнимыя въ охотничьемъ быту, наложили свою печать на формы человѣческаго быта послѣдующихъ временъ. Главная, и наиболѣе цѣнимая, добродѣтель въ быту охотничьемъ—неустрашимость, обратной стороной которой служатъ хитрость и изворотливость. Чтобы быть искуснымъ ловцомъ, недостаточно одной физической силы, хотя бы и очень значительной, важно въ особенности умѣнье ею пользоваться, а потому и нельзя принять безъ оговорокъ того положенія, что въ первоначальныхъ обществахъ кто былъ сильнѣе другихъ, тому и власть доставалась. Еще очевиднѣе второстепенное значеніе физической силы въ быту пастушескомъ, въ которомъ главное значеніе получаетъ право

собственности; для пріобрѣтенія, а затѣмъ въ особенности для сохраненія и правильнаго пользованія собственностію, необходима опытность, въ нѣкоторой мѣрѣ житейская мудрость. Наконецъ, во всѣхъ формахъ древнѣйшаго быта первостепенное значеніе имѣла кровная связь, при чемъ старѣйшіе всегда пользовались почетомъ,—ясно почему,—потому что чрезъ долголѣтіе наживается опытность, увеличивается мудрость. Не различіе въ размѣрѣ физической силы, но гораздо болѣе разность въ отношеніи иныхъ преимущественно духовныхъ качествъ была и въ первобытныя времена основаніемъ раздѣленія труда, а равно и раздѣленія классовъ общества. Конечно, достаточно превосходства въ отношеніи физической силы, чтобы одолѣть и заставить повиноваться себѣ другого, но добровольное повиновеніе не можетъ основываться на одномъ принужденіи, на насиліи однихъ лицъ надъ другими.

Важнѣе другой вопросъ объ обществѣ, именно—вопросъ о благопріятныхъ и неблагопріятныхъ для труда условіяхъ жизни общественной. Впрочемъ, сказанное о происхожденіи жизни общественной даетъ нѣкоторое, предварительное, основаніе для рѣшенія этого вопроса. Если въ процессѣ происхожденія общественной жизни главное значеніе имѣютъ духовныя начала человѣческой природы, то ясно, что развитіе и процвѣтаніе труда много зависитъ отъ того, насколько въ жизни общественной духовныя начала имѣютъ подобающее имъ значеніе и вліяніе. Именно съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ обозрѣвать и обсуждать антиноміи, возникающія и имѣющія мѣсто въ средѣ общественной жизни относительно положенія и оцѣнки труда.

Укажемъ здѣсь эти антиноміи.

1) Взятый самъ по себѣ, т. е. по принципіальному понятію о немъ, въ сущности своей, трудъ не можетъ не быть желательнымъ и достойнымъ предпочтенія, составляя преимущество человѣка, будучи выраженіемъ его высшаго

достоинства и предназначенія. Но въ дѣйствительности трудъ бываетъ такъ тяжелъ и невыносимъ, что является желаніе избавленія отъ него и праздность, свобода отъ труда предпочитается труду, который посему считается наказаніемъ, злосчастнымъ опредѣленіемъ судьбы, постигающимъ, къ прискорбію, не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ. Мы видимъ, что множество людей рѣшаются вести даже преступную жизнь, не желая обрекать себя на правильный трудъ; многіе завидуютъ тѣмъ, которыхъ положеніе дѣлаетъ свободными отъ необходимости трудиться. Дѣло въ томъ, очевидно, что не самъ по себѣ трудъ не желателенъ, но условія, которыми трудъ обставленъ, бываютъ нерѣдко таковы, что даютъ лишь чувствовать тяжесть труда, но при томъ не даютъ вознаграждающаго эту тяжесть нравственнаго духовнаго удовлетворенія: человѣкъ не видитъ и не признаетъ важности, необходимости моральной и плодотворности лежащаго на немъ труда. Конечно, можетъ это происходить отъ непониманія для чего дѣлается и считается нужнымъ дѣлать то или другое, но непониманіе должно возмѣщаться довѣріемъ къ тѣмъ, кто возлагаетъ этотъ кажущійся непонятнымъ трудъ, и совсѣмъ худо, если такого довѣрія не имѣется.

Земледѣльческій трудъ несомнѣнно тяжелъ, но человѣкъ охотно несетъ тяжесть этого труда, видя и понимая его важность и плодотворность; далеко не такъ очевидны важность и необходимость многихъ отправленій, исполняемыхъ низшими агентами огромной и сложной машины государственнаго управленія; по этой причинѣ одни стараются увѣрить себя въ важности и необходимости того, что они вынуждены дѣлать, и это выражается въ слѣпомъ и непреклонномъ формализмѣ таковыхъ дѣятелей, формализмѣ, поддерживаемомъ и даже до крайности доводимомъ тѣми государственными людьми, которые единообразіе, обращающее всякое живое дѣло въ механическій процессъ, отождествля-

ютъ съ порядкомъ, согласіемъ, единствомъ; другіе же съ крайнимъ равнодушіемъ и даже пренебреженіемъ относятся къ своимъ обязательнымъ занятіямъ. Съ другой стороны, возможно, что цѣль труда не возбуждаетъ никакого сомнѣнія, но самый процессъ труда до того бываетъ мелоченъ и однообразенъ, что не только дѣлается для исполнителя скучнымъ и противнымъ, но можетъ довести его до совершенной тупости, и потому такой видъ труда, т. е. процессъ его, нельзя не признать безчеловѣчнымъ, унизительнымъ для человѣческаго достоинства. Всякое ремесло, какъ дѣло личное индивидуальное, есть занятіе почтенное, и можетъ возбуждать любовь къ себѣ и благородное соревнованіе въ стремленіи къ усовершенію пріемовъ исполненія и формы продуктовъ. Но машинное производство въ сферѣ фабрично-заводской промышленности, доводя до крайности раздѣленіе труда, именно раздробляя процессъ производства на мелкія части, обращаетъ и самихъ исполнителей дѣла въ машины, однообразно и безконечно повторяющія все одну и ту же мелкую часть общаго труда. Въ этомъ случаѣ мы опять таки имѣемъ заслуживающую вниманія антиномію: машины были изобрѣтаемы и усовершаемы въ видахъ облегченія тяжести физическаго труда, но, создавъ фабрично-заводскую промышленность въ существующемъ нынѣ столь широкомъ размѣрѣ, именно машинное производство привело къ тому, что человѣкъ сдѣлался рабомъ, слѣпымъ исполнителемъ этого производства, лишеннымъ всякой иниціативы и самодѣятельности, такъ что въ противовѣсъ тяжести труда приходится заботиться о томъ, чтобы хотя другой элементъ трудовой жизни—отдыхъ, досугъ сдѣлать по возможности привлекательнымъ въ умственномъ и моральномъ отношеніи, такъ чтобы было нѣкоторое равновѣсіе между подавляющимъ и угнетающимъ, съ одной стороны, а съ другой—возбуждающимъ и оживляющимъ состояніемъ трудовой жизни; важно,

конечно, и возможное улучшеніе условій жизни рабочаго класса.

2) Въ промышленности фабрично-заводской трудъ и капиталъ (матеріалъ и орудія производства) одинаково необходимы, тѣмъ болѣе, что капиталъ тоже есть не что иное, какъ накопленный трудъ; но интересы представителей труда и капитала на дѣлѣ настолько расходятся, что послѣдствіемъ этого является взаимное нерасположеніе и даже борьба между тѣми и другими. Предприниматели хлопочутъ объ уменьшеніи издержекъ производства въ видахъ удешевленія и большаго распространенія товаровъ, рабочіе же стремятся къ увеличенію издержекъ, требуя возвышенія заработанной платы и сокращенія ежедневной продолжительности труда. Должно, однако, признать, что стачки, устраиваемыя рабочими съ этою цѣлью и сдѣлавшіяся на Западѣ столь обычными, кромѣ зла, прежде всего самимъ же рабочимъ, ничего не приносятъ, производя въ промышленности разстройство, послѣдствія котораго столь бѣдственны для самихъ рабочихъ.

3) Раздѣленіе труда признается необходимымъ для того, чтобы трудъ развивался и усовершался. Въ то же время раздѣленіе общества на классы, тѣсно связанное съ раздѣленіемъ труда, отрицается какъ предразсудокъ, какъ остатокъ пережитой старины, хотя столь употребительное сравненіе общества съ организмомъ ведетъ къ тому заключенію, что раздѣленіе общества на классы необходимо. И дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ раздѣленіе это все болѣе устраняется и сглаживается, жизнь общественная все болѣе опошляется и дѣлается безцвѣтной.

Столь явныя противоположности, трудно согласимыя въ общественныхъ условіяхъ труда и въ стремленіяхъ порождаемыхъ этими условіями, побуждаютъ изслѣдователей общественной жизни вырабатывать теоріи объ этой жизни, имѣю-

щія цѣлью содѣйствовать измѣненію ея къ лучшему, къ усовершенію ея. Но въ самихъ этихъ теоріяхъ также нѣтъ согласія. Ибо различно понимаются, во-первыхъ, способы осуществленія желаемыхъ перемѣнъ къ лучшему въ общественной жизни. Одни говорятъ, что жизнь общественная, какъ и все въ мірѣ, подлежитъ необходимымъ законамъ. Этимъ, конечно, не исключается стремленіе къ измѣненію условій и формъ общественной жизни, а только требуется проекты перемѣнъ сообразовать съ необходимыми законами развитія общественной жизни. Другіе справедливо указываютъ на то, что еще никто въ точности не опредѣлилъ законовъ, которые были бы общими для жизни общественной у всѣхъ народовъ; вмѣсто того обыкновенно считается закономъ то, что принято у многихъ народовъ, конечно, наиболѣе просвѣщенныхъ; вѣрнѣе всего считать источникомъ такого мнѣнія склонность подражать во всемъ примѣру тѣхъ народовъ, которыхъ привыкли считать достойными подражанія. Вмѣсто проблематическихъ—общеловѣческихъ законовъ соціальной жизни, благоразуміе требуетъ имѣть постоянно въ виду начала жизни установившіяся въ исторіи собственнаго народа, и съ этими именно началами сообразовать всякаго рода стремленія къ усовершенію общественной жизни. Ничто такъ не важно для успѣховъ общенародной дѣятельности, для процвѣтанія труда общественнаго, какъ то, чтобы развитіе этой дѣятельности, вообще всякаго труда, было *органическимъ*. А важнѣйшая черта органическаго развитія—преемственность. Вѣрный признакъ отсутствія такого развитія состоитъ въ томъ, что начатое и сдѣланное однимъ не находитъ для себя продолжателей, а вмѣсто того то же самое начинается вновь, и такимъ образомъ повсюду видится только рядъ попытокъ что то сдѣлать, а настоящее дѣло не двигается впередъ, или же такое движеніе едва замѣтно, на каждомъ шагу тормозится множествомъ сталкивающихся и расходящихся въ

разныя стороны направленій и взглядовъ. Такое довольно хаотическое состояніе общественныхъ стремленій является послѣдствіемъ привычки подражать другимъ, ибо образцы для подражанія берутся разные и самый выборъ—дѣло произвола. Дѣйствительная увѣренная въ себѣ послѣдовательность развитія возможна лишь тогда, когда все заимствуемое обращается лишь въ матеріалъ для самодѣятельности, источникъ же самодѣятельности и залогъ успѣха всякихъ начинаній заключается въ сохраненіи связи съ народнымъ духомъ. И самыя цѣли для желаемыхъ перемѣнъ также понимаются различно. Всѣ желаютъ блага общественнаго, но неодинаково таковое опредѣляется. Одни считаютъ высшимъ благомъ, котораго слѣдуетъ добиваться—свободу, другіе же свободѣ предпочитаютъ порядокъ, единство жизни, всеобщую связь. И это дѣйствительно есть высшее благо, при осуществленіи котораго достигается и свобода въ истинномъ значеніи этого слова. Худо только, что единство, крѣпость общественно народнаго союза нерѣдко смѣшивается съ наружнымъ однообразіемъ формъ, съ отсутствіемъ всякаго разнообразія и личной, вообще частной, предпріимчивости на пользу общую. При ложномъ поверхностномъ пониманіи единства, свобода дѣйствительно если не вовсе исключается, то до высшей степени ограничивается.

Указанныя антиноміи очевидно заключаютъ въ себѣ проблемы о соціальныхъ условіяхъ труда. Проблемы эти касаются насущныхъ жизненныхъ интересовъ и потому способны возбуждать страсти. Отъ того рѣшеніе ихъ зависитъ не столько отъ спокойнаго изслѣдованія, которое имѣетъ, впрочемъ, немаловажное значеніе, сколько отъ взаимодѣйствія и борьбы различныхъ общественныхъ силъ и есть дѣло такого свойства, что исполненіе его принадлежитъ исторіи, т. е. совершается медленно и постепенно при посредствѣ такихъ общественныхъ учрежденій, каковы: школа, церковь

и государство, при содѣйствіи литературы и искусства составляющихъ важнѣйшіе органы общественной дѣятельности.

Назначеніе школы опредѣляется тѣмъ, что въ дѣятельности человѣческой должно различать самыя дѣла (элементъ измѣнчивый) отъ свойствъ ими проявляемыхъ (элементъ постоянный). Теперь, при оцѣнкѣ человѣческой дѣятельности, обыкновенно обращается главное вниманіе на отношеніе къ обществу, а потому многимъ кажется, что безразлично каковъ человѣкъ по своимъ свойствамъ, лишь бы онъ съ пользою служилъ обществу. Но вѣдь достоинство человѣческихъ дѣлъ зависитъ именно отъ свойствъ человѣческой души, и пренебреженіе къ дѣлу образованія своей личности неминуемо должно отразиться и на характерѣ нашей дѣятельности. Поэтому надо различать двоякую задачу образованія: съ одной стороны, необходима разработка личныхъ свойствъ, образованіе человѣческой личности, духа человѣческаго, а съ другой стороны, не менѣе необходима предварительная подготовка къ той или иной общественной дѣятельности. Отсюда должно быть и два разряда школъ: школы общеобразовательныя и школы спеціальныя. Въ послѣднихъ главное значеніе принадлежитъ наукамъ прикладнымъ, изъ коихъ почерпаются познанія важныя въ практическомъ отношеніи. Всѣ спеціальныя школы должны имѣть основаніе свое въ воспитаніи вполнѣ національномъ по своему духу, дабы и самое приготовленіе въ школѣ къ будущей общественной дѣятельности направлялось по преимуществу къ задачамъ національнаго развитія и совершенствованія. Въ школахъ же общеобразовательныхъ національное воспитаніе должно соединяться съ образовательными началами значенія *общечеловѣческаго*, ибо, не будучи очищаемо и возвышаемо чрезъ такого рода образовательныя начала, само по себѣ національное воспитаніе и недостатки, пороки и предразсудки національные, можетъ обращать въ добродѣтели, т. е. въ нѣчто должное и по-

хвальное. Необходимо при этомъ устранить одно очень распространенное недоразумѣніе. Такія элементарныя науки, какъ ариѳметика, геометрія, грамматика во всѣхъ школахъ преподаются, а вѣдь науки эти имѣютъ значеніе общечеловѣческое. Но когда говорится объ общечеловѣческомъ и національномъ, то не безличныя, и не безразличныя, въ духовномъ смыслѣ, проявленія человѣческаго познанія,—таковы чувственныя представленія, составляющія область голаго эмпиризма, и дѣйствія разсудочныя—операціи чисто формальныя,—надо имѣть въ виду, а такія проявленія духа человѣскаго, которыя имѣютъ характеръ личный, но при томъ, по содержанію своему, обладаютъ достоинствомъ и значеніемъ важнымъ для всякаго человѣка, въ случаѣ же преобладанія въ нихъ мѣстныхъ и временныхъ элементовъ народной жизни бываютъ лишены такого значенія. Таковы мысли, чувствованія, стремленія, сужденія, вообще идеи, получившія выраженіе въ литературѣ, въ искусствѣ, въ философіи, въ дѣяніяхъ отдѣльныхъ лицъ, извѣстныхъ въ исторіи, въ историческихъ событіяхъ. По обилію элементовъ, имѣющихъ общечеловѣческое значеніе въ особенности важно все то, что произвели классическіе народы древности, Греки и Римляне, почему и усвояется классическому образованію значеніе образованія общаго, а не спеціальнаго.

Различію школъ спеціальныхъ и общеобразовательныхъ соотвѣтствуетъ различіе существующее между *церковью* и *государствомъ*. Государство—учрежденіе вполнѣ національное, оно продуктъ и выраженіе исторіи развитія національнаго, поэтому въ своихъ дѣяніяхъ и стремленіяхъ является по преимуществу практическимъ; ко всему отдаленному отъ требованій интересовъ практической жизни отношеніе его не прямое непосредственное, а косвенное, состоитъ въ покровительствѣ и содѣйствіи. Церковь, напротивъ, содержитъ въ себѣ начала, имѣющія общечеловѣческое значеніе и стре-

мится къ насажденію ихъ въ жизни, поэтому и характеръ ея дѣятельности не столько практическій, сколько *идеальный*, т. е. она не просто сообразуется съ данными условіями и требованіями жизни, а стремится воздѣйствовать на нихъ въ духѣ своихъ началъ. Если наша Церковь, содержа начала общечеловѣческія, вмѣстѣ съ тѣмъ получила въ нашей исторіи значеніе народнаго начала, то это надо признать особымъ преимуществомъ и счастіемъ нашей исторической судьбы. Ибо, такъ какъ наша національная жизнь, съ присущими ей интересами, не расходится съ началами христіанскими, напротивъ, сходится съ ними, то поэтому и не существуетъ для насъ никакихъ побудительныхъ причинъ, въ видахъ національнаго преуспѣянія, избирать пути и средства противныя истинному духу христіанской нравственности, лицемѣрно прикрываясь одною лишь видимостію благонамѣренности и благожелательства. Между тѣмъ, необходимость для нѣкоторыхъ западныхъ народовъ избирать для цѣлей національнаго благосостоянія пути и средства, сомнительныя съ точки зрѣнія христіанской нравственности, ведетъ къ тому, что постоянно возникаютъ смѣлыя попытки научнымъ образомъ низвергнуть христіанскую мораль, какъ уже отжившую свое время, и замѣнить ее нѣкоторою новою моралью, обыкновенно очень близко граничащею съ безнравственностію. Интересы нашего національнаго развитія не вынуждаютъ насъ идти въ разрѣзъ съ христіанскою нравственностію, но сильно укоренившаяся привычка къ подражанію иноземнымъ примѣрамъ и образцамъ и въ настоящемъ случаѣ даетъ себя знать. И у насъ также существуетъ, но уже не лицемѣрная, а скорѣе простодушная вѣра въ близкое окончательное торжество нѣкоторой новой морали совсѣмъ отличной отъ христіанской.

Школа должна научить трудиться, въ этомъ заключается смыслъ ея существованія: она должна пробудить дрем-

люція силы къ дѣятельности, возбудить въ учащихся любовь къ труду, давъ возможность испытать сладость самостоятельнаго труда. Школа плохо выполняетъ и даже вовсе не выполняетъ свое назначеніе, если учащіеся носятся съ мечтами о томъ, какъ бы устроиться въ жизни такъ, чтобы по возможности больше было выгодъ, преимуществъ и какъ можно менѣе труда. Государство предопредѣляетъ для будущихъ дѣятелей, приготовляемыхъ къ жизни школой, задачи, и основные начала дѣятельности, зависимыя отъ естественныхъ и историческихъ условій его существованія, а церковь воодушевляетъ на предстоящую въ жизни борьбу за добро и противъ зла и поддерживаетъ бодрость духа въ этой борьбѣ.

Наконецъ, литература и искусство даютъ возможность видѣть и оцѣнивать плоды дѣятельности общественной, степень ея развитія, успѣхи и препятствія на пути этого развитія, вообще состояніе ея въ каждое данное время, соотвѣтствующее, либо не соотвѣтствующее указаннымъ сейчасъ цѣлямъ и началамъ дѣятельности, и заключающимся въ существѣ названныхъ общественныхъ учрежденій.

Говорятъ, что литература есть зеркало, въ которомъ отражается жизнь общественная. То же и объ искусствѣ можетъ быть сказано. Лишь въ томъ разница, что въ искусствѣ отражается болѣе глубокое теченіе жизни, и потому оно вѣрнѣе выражаетъ болѣе существенныя и основныя черты общественнаго и народнаго духа. Если мы бросимъ взглядъ на нашу литературу и на искусство наше, то какія данныя мы найдемъ въ нихъ для заключеній о степени развитія и характерѣ нашего общественно-народнаго труда?

Что касается прежде всего ученой и учебной литературы, стоящей въ ближайшей связи съ состояніемъ школьнаго образованія, то литература эта отличается очевиднымъ

преобладаніемъ переводныхъ сочиненій съ разныхъ иностранныхъ языковъ, и малымъ сравнительно количествомъ трудовъ оригинальныхъ; при этомъ замѣчательно, что обиліе переводныхъ трудовъ свидѣтельствуетъ не столько о существованіи въ обществѣ требованія на такого рода произведенія, сколько объ избыткѣ лицъ, предлагающихъ свой трудъ для занятій этого рода; объ этомъ свидѣтельствуетъ перепроизводство переводныхъ книгъ, усиленно предлагаемыхъ на литературномъ рынкѣ и, вѣроятно, плохо потребляемыхъ обществомъ; спѣшность и небрежность въ исполненіи этого сорта работы о томъ же свидѣтельствуетъ. О трудахъ оригинальныхъ достаточно замѣтить, что наиболѣе значительные относятся къ области естествознанія, привлекающаго къ себѣ наибольше умственныхъ силъ; напротивъ, литература ученая и учебная въ области наукъ гуманныхъ—филологическихъ, историческихъ, юридическихъ, философскихъ, требующая несравненно большей высоты духовнаго развитія, поражаетъ скудостію и безплодіемъ. Здѣсь господствуетъ археологія, что свидѣтельствуетъ о полномъ отсутствіи творчества, оригинальности. Повсюду и въ огромныхъ массахъ накопляется матеріалъ, но силъ необходимыхъ для разработки матеріала не оказывается. Выше сказано, что надо различать постоянно присущія духу неизмѣнныя и основныя его свойства отъ измѣнчиваго проявленія таковыхъ. Несомнѣнно, что духовныя силы или свойства русскаго духа велики и прочны (о чемъ свидѣтельствуютъ изумительные подвиги въ случаяхъ чрезвычайныхъ, напр., въ дѣлахъ военныхъ), но въ обычное время силы эти остаются въ состояніи потенціи; склонность къ дѣятельному обнаруженію ихъ недостаточно развита; полагаютъ, что есть много неодолимыхъ къ тому препятствій въ самомъ строѣ нашей государственной жизни, но, кажется, вѣрнѣе изъяснять это явленіе тѣмъ, что наша школа не выполняетъ своего назначенія, состояніе ея крайне несовер-

шенно. Какъ и все жизненное, школа можетъ соотвѣтствовать своему назначенію тогда лишь, если она въ главныхъ своихъ основаніяхъ создана самою жизнью—народно-общественною, а не есть произведеніе искусственное; она должна органически усовершаться и развиваться присущими ей собственными силами. Высшій надзоръ и попеченіе объ ней должны бы направлять главное свое вниманіе на результаты школьнаго труда, дѣломъ ихъ должна быть также постановка задачъ, но самый процессъ труда, методъ, пріемы, вся техника школьнаго дѣла должны свободно вырабатываться самой школой и не должны тормозиться никакими посторонними, часто придирчивыми, и по своей отвлеченности, безполезными указаніями и запрещеніями, совѣтами.

Въ свое время нѣкоторыми изъ славянофиловъ былъ поднятъ вопросъ о національности въ наукѣ. Несомнѣнно, что національный духъ налагаетъ свою печать и на произведенія научныя. Но это относится въ особенности къ наукамъ гуманнымъ, но не къ наукамъ математико-естественнымъ. Потому научная наша дѣятельность въ области этихъ наукъ крайне слаба, что національное наше развитіе не достигло еще той высоты и силы, чтобы проявить свое плодотворное вліяніе въ высшихъ сферахъ труда. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, именно о слабости нашего національнаго, или что то же самобытнаго духовнаго развитія, и состояніе нашей повременной литературы. Въ литературѣ этой господствуетъ пессимизмъ, оттого что, для оцѣнки проявленій нашей общественно-народной жизни, она обыкновенно пользуется сравненіемъ этой жизни съ показною стороною жизни другихъ европейскихъ народовъ,—слѣдствіемъ этого являются постоянныя причитанія о нашей отсталости, малокультурности, о безцвѣтности нашей жизни. Самостоятельно выработанныхъ у насъ идеаловъ нѣтъ; идеалами для насъ служатъ все еще примѣры и образцы чужеземные.

Самостоятельно выработанные идеалы, если бы таковые были, должно бы дать намъ наше искусство. Но извѣстно, что и въ искусствѣ нашемъ отражаются идеи и направленія иноземныя. Зависимость нашего искусства отъ постороннихъ вліяній дѣлаетъ невозможнымъ стройное органическое развитіе его. Такое развитіе въ нѣкоторой мѣрѣ можно находить у насъ развѣ только въ изящной литературѣ; здѣсь дѣйствительно замѣчается преемственность и постепенность развитія, но главнымъ образомъ въ выработкѣ языка. Черты національнаго духа отразились замѣтнымъ образомъ и въ разнообразномъ содержаніи литературныхъ произведеній значительно въ большей мѣрѣ и съ большею ясностію, нежели въ другихъ искусствахъ. И это, быть можетъ, потому, что въ литературномъ искусствѣ, въ отличіе отъ другихъ искусствъ, почти все значитъ талантъ, дарованіе, и очень мало значенія имѣетъ сторона техническая, требующая въ другихъ искусствахъ постояннаго, усиленнаго труда изученія и неослабнаго стремленія къ самоусовершенію.

Вообще должно сказать, что для правильнаго, т. е. жизненнаго рѣшенія всѣхъ проблемъ, относящихся къ положенію, условіямъ и задачамъ общественно народнаго труда, для успѣшнаго и бодраго развитія дѣятельности общественной необходима вѣра въ силу и могущество человѣческаго духа, и эту то вѣру необходимо постоянно и надлежащимъ образомъ возбуждать и поддерживать. Матеріальныя силы и средства необходимы, какъ орудія, но худо если, изучая матеріальную сторону жизни и трудясь надъ разработкою и примѣненіемъ матеріальныхъ силъ, приходятъ къ тому, что именно въ матеріальной сторонѣ жизни полагаютъ весь смыслъ человѣческаго существованія. Душевное равновѣсіе, при которомъ и трудное кажется легкимъ, нарушается, без-

мѣрно увеличивается требовательность; является страсть къ порицанію безпринципному, т. е. свидѣтельствующему лишь о глухомъ постоянномъ раздраженіи, объ отсутствіи спокойствія, необходимаго для здравой критики.

Объ искусствѣ.

Характеристическія черты искусства, основныя начала искусства и современное его состояніе.

Едва-ли когда искусство имѣло такое важное значеніе въ жизни общественной какъ въ наше время. Были эпохи процвѣтанія искусства и соотвѣтственно высотѣ, на какой стояло искусство въ эти эпохи, велико было, конечно, и значеніе его. Но тогда искусство не было вполнѣ самостоятельнымъ, ибо почерпало свою творческую силу и жизненность изъ посторонняго для него (по теперешнимъ понятіямъ объ искусствѣ) источника, именно изъ религіозной вѣры. Такъ было, напр., не говоря уже о восточныхъ народахъ древности, и въ древней Греціи, гдѣ религіозные идеалы и вѣрованія нашли для себя самое совершенное выраженіе именно въ искусствѣ. Въ греческихъ представителяхъ искусства дѣйствовало и оплодотворяло ихъ творческую силу религіозное воодушевленіе. Поэтому Геродотъ могъ сказать, что Гомеръ и Гезіодъ создали греческихъ боговъ, т. е. дали наиболѣе совершенное и потому общепринятое затѣмъ у Грековъ выраженіе ихъ народныхъ вѣрованій. Въ XVI в. въ Италіи, въ эпоху возрожденія классицизма, то же классическое искусство, отъ Грековъ перешедшее къ Римлянамъ и отчасти ими измѣненное, должно было послужить матеріаломъ для художественнаго воплощенія иного рода религіозныхъ представленій и вѣрованій, именно христіанскихъ.

Христіанское искусство заимствовало у древнихъ пластическую выразительность и красоту, но съ этими чертами соединило духовную высоту и чистоту христіанскихъ идеаловъ. Въ новое время, подъ вліяніемъ, сильно возбужденнаго реформаціей религіознаго чувства, высокаго развитія достигла музыка—вокальная и инструментальная,—искусство въ высшихъ его проявленіяхъ по преимуществу христіанское. Нѣтъ надобности указывать на искусство средневѣковое, связь котораго съ религіозною вѣрою очевидна. У насъ господствуетъ стремленіе къ созданію своего національнаго искусства; литературное, иначе словесное искусство мы уже имѣемъ; какъ извѣстно, произведенія этого искусства поразили западныхъ писателей важностію затрогиваемыхъ въ нихъ религіозно-нравственныхъ проблемъ. Но опять-таки и у насъ національное искусство можетъ развиться лишь на почвѣ религіозной жизни, если не будетъ ограничиваться воспроизведеніемъ старыхъ, конечно, несовершенныхъ, примитивныхъ образцовъ. Итакъ, то великое значеніе, какое и прежде имѣло и теперь имѣетъ для насъ искусство давно прошедшихъ временъ, должно быть отнесено въ значительной степени на долю религіозной вѣры, изъ которой оно почерпало и свои идеалы и вдохновеніе. Въ наше время искусство, повидимому, самостоятельно вполнѣ, ибо свободно отъ вліянія на него религіозной вѣры. Теперь искусство имѣетъ по преимуществу свѣтскій, мірской, а не духовный характеръ: даже духовно-религіозныя темы трактуются нерѣдко въ свѣтскомъ духѣ. Поэтому если общественное значеніе искусства теперь велико, если вліяніе его сдѣлалось теперь болѣе обширнымъ, нежели въ какое-либо прежнее время, то не обязано ли оно этимъ своимъ значеніемъ собственно себѣ самому, т. е. тому, что сдѣлалось самостоятельнымъ? Въ новое время не такъ еще давно былъ провозглашенъ лозунгъ: *искусство для искусства.* Только то странно, что именно въ наше время былъ рѣшительно отвергнутъ этотъ лозунгъ; гово-

рятъ, что искусство не для себя, а для жизни существуетъ, оно не должно быть забавою для праздныхъ людей, а должно приносить пользу обществу. Итакъ, искусство попрежнему не самостоятельно; прежде оно было подвластно авторитету религіозной вѣры, теперь оно должно сообразоваться съ требованіями, настроеніями и вкусами общества. Теперь въ мнѣніи общества авторитетъ науки имѣетъ большее значеніе, нежели авторитетъ религіозной вѣры, и вотъ мы видимъ, что искусство находится подъ вліяніемъ ученыхъ доктринъ. Но такъ ли благотворно для него воздѣйствіе научныхъ вѣяній,—это мы увидимъ, а теперь покамѣстъ для насъ очевидно, что искусство не можетъ быть въ строгомъ смыслѣ самобытнымъ, что оно развивается либо подъ вліяніемъ религіи, или подъ вліяніемъ науки. Есть, однакожъ, такія черты искусства, которыя твердо установлены теоріей искусства, и которымъ искусство не можетъ измѣнить безъ того, чтобы оно не измѣнило при томъ самой своей сущности. И вотъ разсмотрѣніе этихъ необходимыхъ признаковъ искусства и должно показать,—съ чѣмъ наиболѣе родственно искусство, съ религіей или съ наукой, и потому, какое вліяніе слѣдуетъ признать наиболѣе способствующимъ процвѣтанію искусства.

Всякое художественное произведеніе, а слѣдовательно вообще искусство, можетъ подлежать двоякому разсмотрѣнію,—а) какъ предметъ творческой производительности и b) какъ предметъ эстетическаго удовольствія, получаемаго отъ созерцанія его. Поэтому для характеристики искусства требуется показать: въ чемъ состоитъ эстетическое удовольствіе, получаемое отъ созерцанія художественнаго произведенія и отъ чего зависитъ это удовольствіе, а затѣмъ необходимо также разъяснить,—въ чемъ состоитъ процессъ творчества, переживаемый самимъ исполнителемъ художественнаго произведенія?

Источникъ эстетическаго удовольствія отъ созерцанія художественнаго произведенія полагаютъ прежде всего въ симпатіи, возбуждаемой въ насъ содержаніемъ, формою, или смысломъ и значеніемъ произведенія, вообще въ томъ невольномъ очарованіи, которое мы испытываемъ при созерцаніи художественнаго произведенія и которое исходитъ отъ цѣлаго произведенія, такъ что мы не всегда можемъ дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что именно въ данномъ произведеніи намъ нравится въ особенности. Ибо сущность художественнаго впечатлѣнія заключается въ созерцаніи, а созерцаніе обнимаетъ художественное произведеніе все цѣликомъ, и уже дѣло художественной критики разбираться потомъ, чѣмъ именно, какими своими сторонами и элементами художественное произведеніе оказываетъ чарующее впечатлѣніе на нашу душу, но и для художественной критики эта задача не всегда подъ силу, ибо художественное произведеніе, если оно истинно таково, всегда отличается цѣльностію, строгимъ единствомъ; поэтому и дѣйствіе, производимое имъ на душу, должно имѣть и имѣетъ всегда соотвѣтственный характеръ. И это-то собственно для насъ дорого и важно, ибо цѣльное впечатлѣніе, если оно пріятно, оживляетъ и возбуждаетъ равномѣрно всѣ силы нашей души, простираетъ свое благотворное дѣйствіе на весь строй нашей душевной жизни; а это такъ рѣдко бываетъ въ жизни: трудъ, возлагаемый на насъ жизнью, обыкновенно требуетъ отъ насъ разрозненнаго дѣйствія то одной, то другой силы нашего существа, и оттого утомляетъ насъ, ибо разрозненность силъ, напряженіе одной и подавленіе другой или другихъ не соотвѣтствуетъ основному закону нашей духовной жизни—именно единству и цѣльности ея. Вотъ почему эстетическое наслажденіе имѣетъ характеръ какъ бы отдохновенія послѣ труда и утомительнаго однообразія жизни. Мы чувствуемъ себя при этомъ легко и свободно, испытываемъ радостный подъемъ духа, освѣженіе душевныхъ силъ, утомленныхъ житейскою борьбою. Подъ

вліяніемъ такого дѣйствія на насъ художественнаго произведенія и возникъ взглядъ на искусство какъ на источникъ удовольствій и развлеченій, которыхъ ищутъ и стараются получить въ досужее время, въ часы отдыха послѣ труда. Но, вѣдь, бываютъ удовольствія и развлеченія частью грубыя, частью же хотя и невинныя, но не имѣющія ничего общаго съ искусствомъ, а потому подобный взглядъ на происхожденіе и значеніе искусства,—какъ на удовлетвореніе потребности предаваться иногда забавамъ и развлеченіямъ, никакъ не можетъ быть принятъ безъ надлежащихъ оговорокъ и ограниченій. Легко, безъ труда достается воспріятіе и созерцаніе художественнаго предмета, но не легко дается созданіе этого самаго предмета; необходимъ для этого большой трудъ.

Правда, искусство акробата, лихого наѣздника, клоуна, борца, фокусника тоже безъ большого труда не пріобрѣтается. Однако всякій настоящій художникъ въ правѣ оскорбиться, если ему скажутъ, что произведенія и художественная его дѣятельность, по значенію своему, не различаются отъ названныхъ способовъ доставленія обществу увеселенія и развлеченія. Въ извѣстной пьесѣ Гоголя—*Театральный разъѣздъ* писатель художникъ съ горечью говоритъ о томъ, что для многихъ художественныя литературныя произведенія не что иное какъ побасенки. Не напрасно говорится въ приложеніи именно къ художественному творчеству о мукахъ рожденія. Когда говорятъ о творчествѣ художественномъ, какъ нѣкоторомъ душевномъ процессѣ, то обыкновенно процессъ этотъ такъ понимается, что художникъ испытываетъ при этотъ особое удовольствіе, дѣлающее и самый трудъ созданія художественнаго произведенія легкимъ и пріятнымъ. Дѣйствительно, всякое занятіе, которому человѣкъ отдается по своей доброй волѣ, съ охотою, и которое требуетъ большого участія нашихъ духовныхъ силъ, не можетъ не сопровождаться нѣкоторымъ пріятнымъ

душевныхъ возбужденіемъ. Говорятъ, что не можетъ быть большаго наслажденія, какъ переживаніе этого особаго душевнаго состоянія, называемаго вдохновеніемъ. Но тутъ есть другая сторона дѣла, можно сказать, важнѣйшая. Прежде всего такое состояніе дѣлается возможнымъ тогда лишь, когда человѣкъ, одаренный болѣе или менѣе, т. е. расположенный къ нѣкоторому возвышающему духъ занятію, приготовилъ себя къ этому дѣлу долгимъ упорнымъ трудомъ и уже въ достаточной степени овладѣлъ этимъ своимъ дѣломъ, изучилъ его техническую сторону и воспиталъ въ себѣ высокій духъ, глубокое пониманіе истинныхъ задачъ своего труда; для этого же всего необходимо, чтобы, не увлекаясь никакими посторонними для дѣла побужденіями, расчетами на успѣхъ, на выгоды, человѣкъ, одаренный для нѣкотораго художественнаго дѣла, въ исполненіи этого дѣла былъ послушенъ единственно голосу своего внутренняго чувства, своего духовнаго инстинкта, скажемъ прямо, своей художественной совѣсти. Не даромъ называютъ представителей искусства жрецами, а служеніе искусству понималось всегда какъ нѣкое священнодѣйствіе: отъ художника требуется вѣрность своему призванію, выполненіе, самое искреннее и не лицемѣрное, своего долга, возложеннаго на него Богомъ. Эта то вѣрность своему призванію во что бы то ни стало, это водительство въ своемъ дѣлѣ исключительно инстинктомъ своей художественной натуры, голосомъ своей совѣсти, и невниманіе ко всякимъ случайнымъ и не идущимъ къ дѣлу запросамъ общества и капризнымъ, нерѣдко низменнымъ, вкусамъ непризванныхъ цѣнителей, выдѣляетъ художника изъ среды того общества, на виду котораго приходится ему нести свой трудъ, и въ нѣкоторой мѣрѣ, что нерѣдко бываетъ, дѣлаетъ его одинокимъ, чужимъ среди своихъ. Къ сожалѣнію такое положеніе художника въ обществѣ, было нерѣдко выражаемо въ несоотвѣтственной формѣ и потому освѣщалось невѣрно, неправильно было понимаемо,

а это приводило къ досаднымъ недоразумѣніямъ. Отчужденіе отъ общества, невниманіе къ неумѣстнымъ часто запросамъ современниковъ казалось многимъ пренебреженіемъ къ своимъ ближнимъ, превозношеніемъ надъ другими, достойными людьми, не прощавшими такого мнимаго ихъ оскорбленія, тѣмъ болѣе, что допускалось неумѣстное обзываніе цѣлаго общества именемъ толпы, черни и под. По нашему же мнѣнію необходимымъ и дѣйствительнымъ свойствомъ всякаго истиннаго художника надо признать скорѣе скромность, а никакъ не высокомѣріе; не приходится много думать о себѣ, о своихъ достоинствахъ, о своихъ отношеніяхъ къ обществу, тому, у кого почти все вниманіе поглощено своимъ дѣломъ, да притомъ человѣкъ съ тонкой и сильной впечатлительностію, изощреннымъ вкусомъ, скорѣе всякаго другого почувствуетъ и замѣтитъ малѣйшую ложь, дурной тонъ и въ своемъ поведеніи, и въ поведеніи съ нимъ другихъ лицъ. Поэтому о томъ, что будто бы людямъ свыше одареннымъ и ознаменовавшимъ себя важными заслугами въ области искусства, свойственно презирать другихъ и даже къ цѣлому обществу относиться съ пренебреженіемъ,—не приходится говорить: въ подобныхъ мнѣніяхъ больше нетерпимости и самолюбія, нежели правды со стороны тѣхъ, кто такъ думаетъ. Скорѣе, наоборотъ, грубое непониманіе, иногда же полное равнодушіе къ искусству, чѣмъ такъ нерѣдко общество награждаетъ своихъ великихъ людей, должны причинять этимъ людямъ тяжелыя минуты, сильныя огорченія. Такое явленіе, какъ можно видѣть изъ біографіи многихъ прославленныхъ лицъ,—до того обычно, что громкій и слишкомъ широкій и быстрый успѣхъ, достигнутый кѣмъ-либо на поприщѣ искусства, по всей справедливости, слѣдуетъ считать сомнительнымъ и въ значительной степени подозрительнымъ. Единственно только вѣра въ свое дѣло, въ великую его важность и необходимость для людей, можетъ закалить характеръ художника, сдѣлать его несокрушимымъ, а эта вѣра

не свидѣтельствуетъ ли о нѣкоторомъ родствѣ истиннаго искусства съ вѣрою религіозною, такъ что вслѣдъ за упадкомъ религіознаго одушевленія неминуемо долженъ послѣдовать упадокъ искусства, что и дѣйствительно мы видимъ въ наше время.

Не такъ еще давно было въ ходу то опредѣленіе искусства, что задача его—изображеніе дѣйствительности, что оно состоитъ въ воспроизведеніи дѣйствительной жизни. Не трудно видѣть, что подъ это опредѣленіе совсѣмъ не подходятъ такія искусства, какъ архитектура и музыка. Какую дѣйствительность изображаютъ эти искусства? Теперь же говорятъ, что искусство состоитъ въ изображеніи не дѣйствительности, а жизни. Жизнь дѣйствительно служитъ содержаніемъ искусства, такъ что въ художественномъ изображеніи даже бездушныя вещи, предметы неодушевленные дѣлаютъ такое впечатлѣніе, какъ будто и въ нихъ есть жизнь, или по крайней мѣрѣ имѣютъ очевидное отношеніе къ жизни. Но надо знать, какая жизнь изображается въ художественныхъ произведеніяхъ. Не та-ли жизнь, какую художникъ наблюдаетъ вокругъ себя, въ обществѣ и въ природѣ? Но зачѣмъ изображать эту жизнь, коль скоро всякій ее и самъ можетъ наблюдать; уже-ли копія можетъ замѣнить оригиналъ? Если же искусство дѣлаетъ ту услугу, что изображаетъ многое, недоступное почему-либо нашему наблюденію, то искусство не имѣетъ въ такомъ случаѣ самостоятельнаго значенія, являясь пособіемъ науки, сообщая наглядность, ясность и выразительность тѣмъ свѣдѣніямъ, какія добываетъ и распространяетъ въ обществѣ наука. И такое значеніе можетъ имѣть собственно только живопись, отчасти скульптура. Но уже поэзія, даже изобразительная, сообщаетъ не столько картины живой дѣйствительности, сколько настроенія, чувствованія, вообще душевныя состоянія, зародившіяся въ душѣ поэта подъ вліяніемъ впечатлѣній, полученныхъ отъ дѣйствительности и воплотившіяся въ художе-

ственныхъ образахъ, для которыхъ картины дѣйствительности могли послужить только матеріаломъ. Итакъ, вѣрно, что искусство изображаетъ жизнь, но только не ту жизнь, какую художникъ видитъ и наблюдаетъ кругомъ себя, а ту жизнь, какая содержится въ собственномъ его духѣ, какою живетъ онъ самъ. Въ этомъ смыслѣ говорятъ, что художникъ можетъ правдиво и сильно выразить лишь то, что самъ онъ пережилъ, но дѣло въ томъ, какъ понимать самое это переживаніе. Ужели Гоголь долженъ былъ самъ на себѣ испытать и пережить ту отвратительную скупость, которую онъ такъ ярко изобразилъ въ лицѣ Плюшкина? Могучая фантазія, сильное воображеніе дѣлаетъ то, что художникъ въ своемъ живомъ воображеніи можетъ представить во всѣхъ деталяхъ и такъ прослѣдить своимъ зоркимъ умственнымъ окомъ любую картину, настроеніе, страсть, какъ бы все это онъ въ дѣйствительности пережилъ. Художникъ истинный обладаетъ великимъ даромъ такого проникновенія въ жизнь, что онъ легко можетъ мысленно войти въ положеніе и состояніе другого, перечувствовать за другого то самое, что этотъ другой долженъ пережить дѣйствительно въ своемъ положеніи; и этотъ, то дивный даръ необходимо дѣлаетъ истиннаго и великаго художника человѣкомъ любвеобильнымъ, по истинѣ человѣчнымъ, способнымъ понять и почувствовать всякую бѣду, постигающую кого-бы то ни было, откликнуться на всякое человѣческое чувство, сильно возмегодовать противъ всякой неправды, не въ дѣйствительности случившейся, и просто лишь представленной въ воображеніи, а въ дѣйствительности лишь могущей всегда случиться и подлинно бывающей нерѣдко.

Богатство свойственное натурѣ художника внутренней духовной жизни состоитъ въ томъ, что при живой воспріимчивости и способности проникновенія въ сокровенные мотивы жизни, неистощимая фантазія преобразуетъ воспринимаемыя впечатлѣнія въ конкретные образы и такого рода

формы, въ которыхъ воплощается и настроеніе художника то радостное, то печальное, то сочувствующее, то негодующее, а также получаетъ свое выраженіе мысль художника то спокойная, то тревожная и направляющаяся то въ глубину, то въ ширину и высоту. Извѣстный музыкальный критикъ Эдуардъ Гансликъ въ своей книгѣ о музыкально прекрасномъ говоритъ такъ: „если насъ спросятъ, что именно выражаетъ музыка всѣмъ своимъ звуковымъ матеріаломъ, то мы отвѣтимъ: *музыкальныя мысли*“. „Въ природѣ нѣтъ ни мелодіи, ни гармоніи: онѣ созданы духомъ человѣка“. „Въ музыкѣ все должно быть соизмѣримо; въ звукахъ же природы ничего соизмѣримаго нѣтъ“. „Композиторъ долженъ ждать счастливаго часа, когда музыка запоетъ и заиграетъ въ немъ: тутъ онъ погрузится въ себя и вызоветъ къ жизни созданіе, не имѣющее себѣ подобнаго въ природѣ, созданіе не отъ міра сего“. „Содержаніемъ музыки служатъ послѣдованія звуковъ, созданныя по законамъ музыкальнаго мышленія“ [1]). Дѣло въ томъ, что настроеніе, присутствіе котораго чувствуется, созерцается въ художественномъ произведеніи художникъ могъ и не испытывать, какъ нѣтъ надобности ему переживать страсть, бѣдствіе, зло и добро, имъ изображаемыя, а только мысленно, т. е. подъ руководствомъ извѣстной мысли, темы, фантазія дѣлаетъ такое построеніе, которое способно въ созерцающемъ это построеніе возбудить извѣстныя настроенія, мысли, чувства. Важнѣе всего во всякомъ искусствѣ самое это построеніе, служащее формою, въ которую облечено нѣкоторое содержаніе, а именно мысль, настроеніе, идея, вообще нѣкоторое проявленіе духовной жизни, жизнь въ индивидуальномъ, или общественномъ ея проявленіи. Всегда признавалось и признается важнѣйшимъ элементомъ въ искусствѣ форма. Въ созданіи формы и состоитъ тотъ особый творческій даръ художника, который называется

---

[1]) *О музыкально прекрасномъ*. 1895, стр. 151, 158, 162, 163.

геніемъ, геніальностію, талантомъ. Нѣкоторые, особенно въ наше время, полагаютъ, что важнѣе та сторона художественнаго произведенія, которую, въ отличіе отъ формы, можно назвать содержаніемъ. Говорятъ, что художественная дѣятельность только тогда можетъ успѣшно развиваться, когда она не стѣснена никакими формальными требованіями, вполнѣ свободна. Не есть ли это педантизмъ—требовать, чтобы то, что желаетъ выразить художникъ въ своемъ произведеніи, было заключено въ извѣстную опредѣленную форму? Тѣ, которые подобнымъ образомъ разсуждаютъ о формальной сторонѣ художественнаго произведенія, очевидно полагаютъ, что форма нѣчто отдѣльное отъ всякаго опредѣленнаго содержанія, напередъ установленное, а главное—произвольно измышленное школьными теоретиками искусства. На самомъ дѣлѣ теорія искусства указываетъ лишь такіе общіе формальные признаки, которые нимало не стѣсняютъ свободы творческой дѣятельности и настолько вмѣстѣ съ тѣмъ необходимы, вытекаютъ изъ существа дѣла, что безъ нихъ созданіе художественнаго произведенія просто не мыслимо. Собственно говоря никакое дѣло не можетъ быть производимо безъ опредѣленнаго формальнаго порядка и вида, безъ слѣдованія нѣкоторымъ формальнымъ требованіямъ, такъ какъ требованія эти вытекаютъ изъ существа человѣческаго духа: основное свойство человѣческой духовной природы есть стремленіе къ единству, но къ единству не пустому и безразличному, а такому, въ которомъ заключалось бы разнообразіе частей, элементовъ, слѣдовательно, къ единству, имѣющему характеръ цѣльности.

Если при установленіи общихъ понятій объ искусствѣ особенное вниманіе обращается на формальную сторону, то лишь потому, что въ искусствѣ съ особенною силою и самымъ наглядымъ образомъ проявляется свойственное человѣку стремленіе къ совершенству, а въ понятіе совершенства необходимо входятъ два признака: полнота, слѣдователь-

но цѣльность, а съ другой стороны раздѣльность, вслѣдствіе чего цѣльность получаетъ характеръ согласія, гармоніи, взаимно восполняющихъ другъ друга частей или элементовъ цѣлаго. Эти общія формальныя требованія очевидно таковы, что нимало не препятствуютъ каждому художественному произведенію имѣть свою особую форму, ибо и расчлененіе цѣлаго, и порядокъ въ расположеніи частей, и величина и характеръ частей,—все это можетъ быть различно. Если бы существовала общая форма для всякаго содержанія, въ такомъ случаѣ не было бы столь тѣсной и неразрывной связи между формою и содержаніемъ, какая обыкновенно свойственна художественнымъ произведеніямъ. Во всякомъ художественномъ произведеніи форма такъ связана съ содержаніемъ, что первая служитъ только яснѣйшимъ выраженіемъ содержанія, такъ что, въ сущности, само же содержаніе, т. е. творческій духъ художника, образующій содержаніе для художественнаго произведенія, создаетъ и форму соотвѣтственную содержанію. Творчество есть такой духовный процессъ, въ которомъ слиты въ одно нераздѣльное цѣлое и форма и содержаніе произведенія. Созданіе художественнаго цѣльнаго произведенія есть дѣйствіе духа человѣческаго, почему творческая сила, проявляемая этимъ духомъ, называется геніемъ, геніальностію; а такъ какъ необходимое свойство духа есть единство, то не удивительно, что и произведеніе духа необходимо отличается тѣмъ же свойствомъ единства и цѣльности.

Предразсудокъ, высказываемый иногда, что форма можетъ быть стѣснительною для свободнаго проявленія дѣятельности художественной,—вотъ какимъ образомъ могъ произойти. Существуютъ въ обществѣ издавна утвердившіяся въ жизни и общепринятыя формы поведенія въ частныхъ и общественныхъ сношеніяхъ, обычаи и нравы, ставшіе обязательными болѣе или менѣе для всѣхъ членовъ общества. Необходимы такія формы въ общественныхъ сношеніяхъ для

устраненія личнаго произвола, а также возможныхъ недоразумѣній, и для избѣжанія напрасной траты силъ на придумываніе всякій разъ того какъ поступить въ данномъ случаѣ. Но неудобство, сопряженное съ мелочными правилами, опредѣляющими каждый шагъ въ общественномъ поведеніи человѣка, состоитъ въ томъ, что такія правила не даютъ мѣста для проявленія личныхъ свойствъ, бываютъ стѣснительны для личной свободы, вынуждаютъ дѣлать много такого, что не соотвѣтствуетъ настроенію человѣка; понятно, что, при такомъ условіи, искренность въ поступкахъ людей очень часто отсутствуетъ; не по влеченію, вѣдь, а по необходимости говорится и дѣлается то или другое.—Художникъ въ своемъ дѣлѣ вполнѣ свободенъ, не стѣсненъ никакими общепринятыми правилами къ существу дѣла мало относящимися, а ради общественнаго порядка существующими: общество ни на кого не налагаетъ обязанности быть художникомъ и не можетъ предъявлять никакихъ требованій относительно того, какъ ему слѣдуетъ творить. Творческая дѣятельность художника въ этомъ смыслѣ совершенно свободна и самостоятельна, такъ что если можно говорить о самостоятельности и свободѣ искусства, то лишь въ этомъ смыслѣ отсутствія въ отношеніи искусства всякаго внѣшняго воздѣйствія, что нисколько не мѣшаетъ искусству внутренно и совершенно свободно подчиняться то одному, то другому вліянію, соотвѣтственно, разумѣется, духу времени, то вліянію религіозной вѣры, то вліянію науки.

Такъ какъ форма художественнаго произведенія создается вполнѣ свободно, по внутреннему влеченію творческой силы, то и не удивительно, что полная и совершенная искренность чувствуется въ каждомъ художественномъ произведеніи: художникъ безъ боязни, вполнѣ непринужденно, а главное—безъ всякой задней мысли, безъ всякихъ расчетовъ, а единственно по влеченію своей натуры открываетъ предъ изумленнымъ зрителемъ или слушателемъ свою душу,

самыя затаенныя движенія души. Искренность и прямота, если только является свойствомъ великой души, не можетъ не быть привлекательною, и въ этомъ заключается тайна того бодрящаго и освѣжающаго дѣйствія, какое исходитъ отъ дѣйствительно великихъ произведеній искусства.

Искусство не есть подражаніе, простое воспроизведеніе жизни реальной. Искусство обладаетъ своею особою жизнью, въ сопоставленіи съ которой такъ или иначе освѣщается и жизнь реальная. Несомнѣнно, что жизнь, коею запечатлѣны высшія и наиболѣе совершенныя произведенія искусства, не только отлична отъ жизни реальной, но и превосходнѣе ея уже тѣмъ, что это есть жизнь болѣе напряженная, цѣльная, сосредоточенная. Отсюда понятно желаніе, такъ сказать, пріобщиться этой жизни, насладиться созерцаніемъ художественныхъ образовъ, испытать и пережить чувства, рождаемыя въ душѣ этимъ созерцаніемъ. Даже пессимистъ Шопенгауеръ признаетъ наслажденіе, почерпаемое въ созерцаніи художественныхъ образовъ, важнымъ убѣжищемъ противъ золъ реальной жизни. Если жизнь свойственная искусству есть высшая, болѣе совершенная, то это, конечно, должна быть жизнь духовная по преимуществу. И дѣйствительно въ наиболѣе совершенныхъ произведеніяхъ искусства она именно такова. Конечная цѣль искусства представить духъ какъ бы освобожденнымъ отъ узъ матеріальнаго, тягостнаго существованія, сопряженнаго съ недугами и мелочными заботами, опошляющими жизнь, дѣлающими ее скучною, неинтересною и однообразною. Весь смыслъ историческаго развитія искусства можно, по справедливости, полагать именно въ этой идеѣ постепеннаго освобожденія духа отъ узъ плоти. Духовный элементъ, начиная съ искусства восточнаго, все болѣе освобождается отъ тяжелаго гнета матеріальности, и пріобрѣтаетъ господство надъ нею, проникается самосознаніемъ, овладѣваетъ собою. Отсюда послѣдовательность историческая искусствъ такова: архитектура и ваяніе, живопись и музыка

(вокальная и инструментальная); словесное же искусство проходитъ всѣ стадіи, какъ бы сопровождая развитіе другихъ искусствъ, слѣдствіемъ чего является разнообразіе формъ этого искусства; эпосъ, драма, лирика въ своемъ различіи представляютъ переходъ отъ объективнаго созерцанія къ субъективности, при чемъ замѣчательно, что и вначалѣ, именно въ эпосѣ—первичной формѣ словеснаго искусства, какъ въ зародышѣ, заключались и другія формы этого искусства, подобно тому въ современной повѣствовательной формѣ (романъ, повѣсть, разсказъ) объединяются всѣ формы того же искусства. Относительно стремленія къ господству надъ матеріальностію должно замѣтить, что и въ наиболѣе матеріальномъ изъ искусствъ, въ архитектурѣ, это стремленіе проявляется въ томъ, напр., что важнѣйшая часть—колонна, постепенно съуживаясь снизу вверхъ, наглядно выражаетъ этимъ какъ бы торжество надъ косностію и тяжестью матеріи. Если искусство выражаетъ жизнь духовную, то ясно, что оно должно состоять въ ближайшей связи съ религіей, какъ областью духовной жизни по преимуществу. Дѣйствительно, какъ было указано вначалѣ, искусство всегда имѣло ближайшую связь съ вѣрованіями и представленіями религіозными. Нынѣ также въ составъ религіознаго культа входятъ всѣ почти искусства (архитектура, скульптура, живопись, пѣніе, поэзія—искусство стихотворное). По замѣчанію одного эстетика художественная натура погружается въ эстетическое созерцаніе безъ всякой цѣли, между тѣмъ какъ натуры прозаическія вполнѣ трезвыя и удовольстіямъ предаются съ разсчетомъ, не безъ цѣли. Это значитъ, что эстетическія удовольствія возбуждаютъ любовь, энтузіазмъ, повышенное душевное настроеніе и потому имѣютъ характеръ безкорыстный, тогда какъ иного рода удовольствія, которыми пользуются съ разсчетомъ, отличаются характеромъ корыстнымъ, т. е. чувственнымъ. Теперь различаютъ свѣтское искусство отъ духовнаго, но первое все

болѣе получаетъ характеръ промышленный, становится низменнымъ. Отношеніе между истиннымъ искусствомъ и религіозною вѣрою таково: религіозная вѣра даетъ постоянныя, неизмѣнныя начала, а искусство создаетъ измѣнчивые образы и формы, въ которыхъ эти начала какъ бы воплощаются и выражаются, дѣлаясь чрезъ то доступными непосредственно созерцанію. Сверхъ того, искусство освѣщаетъ этими началами явленія дѣйствительной жизни, реальной, и такимъ образомъ устанавливаетъ правильное къ нимъ отношеніе, т. е. надлежащее ихъ пониманіе и должную оцѣнку. Основныя начала жизни постоянно тѣ же. Но чувствованія и представленія измѣнчивы. Отсюда задача искусства въ томъ, чтобы измѣнчивую сторону жизни поставить въ связь съ неизмѣнными ея началами и представить въ духѣ этихъ началъ. Чтобы общимъ отвлеченнымъ началамъ придать конкретный характеръ, для этого необходимо выразить ихъ въ формѣ доступной созерцанію чувственному или духовному, послѣднее—необходимая принадлежность эстетическаго удовольствія. Выше показано, что существенный элементъ художественнаго впечатлѣнія или воспріятія составляетъ созерцаніе. А созерцаніе отличается цѣльностію, т. е. для него нѣтъ раздѣленія между формою и содержаніемъ. Отсюда ясно, что требованіе единства одинаково должно относиться и къ содержанію произведенія, а не только къ формѣ. Конечно, содержаніе художественнаго произведенія такъ же разнообразно можетъ быть, какъ разнообразна сама жизнь, но въ основаніи этого разнообразія должны быть общія начала. Таковыми началами для искусства, объединяющими самое содержаніе, должны быть *идеи правды и добра*. Съ точки зрѣнія этихъ началъ художественное произведеніе имѣетъ положительный или отрицательный характеръ, освѣщая несоотвѣтствіе даннаго содержанія съ названными началами, или же представляя образы, въ коихъ проявляется стремленіе къ проведенію въ жизнь названныхъ началъ, ча-

стію и самая реализація таковыхъ. Само собою понятно, что тѣмъ болѣе самъ творецъ художественныхъ произведеній не можетъ не быть одушевленъ тѣми же началами. Свидѣтельствомъ этого служитъ наивность, иначе искренность, составляющая необходимую черту настоящаго искусства, какъ выраженіе дѣйствительной вѣры въ добро и правду. Искренность въ дѣйствительной жизни хотя желательна, но, какъ сказано, рѣдко бываетъ принадлежностію реальныхъ отношеній жизни; въ области же идеальныхъ стремленій эта черта составляетъ необходимое ихъ свойство.

Въ единствѣ формы и содержаніи, въ цѣльности произведенія заключается *красота*—то свойство, по которому художественныя произведенія никогда не теряютъ своего значенія, всегда привлекательны, вѣчно юны, и таковыя произведенія справедливо признаются *образцовыми.* Достиженіе такого совершенства въ художественномъ произведеніи, т. е. цѣльности, вслѣдствіе которой оно прекрасно, возможно только для цѣльной натуры. Цѣльность же натуры состоитъ въ томъ, что у художника не имѣется какого-либо особаго пониманія названныхъ выше общихъ началъ, именно идей добра и правды, напротивъ, онъ всецѣло проникнутъ общимъ пониманіемъ ихъ, свойственнымъ цѣлому народу, т. е. народному смыслу или духу. Пониманіе это, имѣющее свой корень въ религіозной вѣрѣ, въ вѣрѣ народной, почему и художникъ не можетъ не быть народнымъ, въ основныхъ чертахъ своего характера,—должно быть для послѣдняго, т. е. художника, какъ бы врожденнымъ. Коль скоро же нарушено равновѣсіе нравственнаго сознанія въ творческой натурѣ, цѣльность настроенія, единство міросозерцанія, если художникъ запасся особымъ пониманіемъ жизни, отрѣшился отъ народнаго міросозерцанія, то сила творческая терпитъ ущербъ, разстраивается. Художникъ, сдѣлавшійся философомъ, проповѣдникомъ, утратившимъ наивную вѣру, перестаетъ быть художникомъ. Это вовсе не значитъ, что идеи

истины или правды и добра должны быть только инстинктивными, безотчетными и непродуманными. Конечно, справедливо говорятъ, что человѣкъ съ художественною натурою мыслитъ не отвлеченными понятіями, а образами; но доступно художнику тоже и отвлеченное изложеніе одушевляющихъ его идей, безъ вреда для цѣльности натуры, именно это бываетъ въ томъ случаѣ, когда свои мысли выражаетъ онъ не въ видѣ длинныхъ разсужденій, но только въ формѣ краткихъ, но мѣткихъ изреченій, служащихъ истинными блестками геніальности.

Что дѣйствительно созданіе истинно-художественныхъ произведеній возможно только при условіи, если художникъ одушевленъ общенароднымъ, т. е. религіознымъ пониманіемъ жизни и вытекающими оттуда стремленіями, въ этомъ убѣдиться не трудно.

Предположимъ, что художникъ самъ выработалъ или усвоилъ какое-либо особое пониманіе началъ истины и добра, отличное отъ общенароднаго, въ такомъ случаѣ въ своихъ произведеніяхъ ему прійдется проводить это особое пониманіе основныхъ началъ жизни. Но въ какомъ видѣ можетъ быть выполнена такая задача? Ясно, что свое міровоззрѣніе художникъ можетъ выражать лишь въ конкретныхъ образахъ, если онъ желаетъ оставаться художникомъ. А матеріалъ для созданія такихъ образовъ, онъ, конечно, можетъ заимствовать только изъ реальной жизни; между тѣмъ матеріалъ то этотъ имѣетъ въ основаніи своемъ вовсе не то пониманіе основныхъ началъ жизни, какое желаетъ выразить художникъ. Примѣры и образы, взятые изъ дѣйствительности, какъ получившіе всѣ свои отличительныя свойства подъ вліяніемъ общенароднаго пониманія началъ жизни, очевидно не могутъ подходить подъ особое пониманіе тѣхъ же началъ самаго художника. Итакъ для художника, съ его особымъ пониманіемъ основныхъ началъ жизни, возможно лишь отрицательное отношеніе ко всему матеріалу реальной

дѣйствительности. Правда и отрицательное отношеніе къ реальной жизни можетъ быть выражаемо въ художественныхъ образахъ (формами художественными такого отношенія къ явленіямъ жизни служатъ сатира, комедія, каррикатура), но для этого необходимо, чтобы опорою такого отрицательнаго отношенія къ жизни служило все-таки общенародное міросозерцаніе. Это мы видимъ, напр., въ произведеніяхъ Гоголя, который говоритъ, что смѣхъ сквозь слезы единственное честное лицо среди лицъ, выведенныхъ имъ въ своихъ произведеніяхъ, т. е. самъ писатель, которому принадлежитъ смѣхъ, и есть этотъ положительный элементъ, безъ котораго искусство не можетъ обходиться, но смѣхъ писателя въ настоящемъ случаѣ потому только и могъ имѣть значеніе художественное, что исходилъ изъ общенароднаго пониманія началъ жизни, ибо, какъ извѣстно, у Гоголя, кромѣ общенароднаго міросозерцанія, никакого иного не было. Извѣстно также, что гр. Левъ Толстой выражалъ и выражаетъ подобное же и даже болѣе рѣшительное отрицательное отношеніе къ русской дѣйствительности, но какъ это отношеніе исходитъ у него не изъ общенароднаго, а изъ особаго, лично принадлежащаго ему міровоззрѣнія, то поэтому и не имѣетъ и не можетъ имѣть художественнаго характера и значенія, а предлагается въ видѣ разсужденій, заявленій, не всегда отличающихся даже простыми литературными достоинствами. Вообще произведенія, имѣющія видъ художественныхъ, коль скоро проводится въ нихъ какое-либо особое пониманіе жизни не сходное съ общенароднымъ, отличаются тенденціозностію,—недостатокъ,—о которомъ надо сказать, что бываетъ иногда онъ слѣдствіемъ несовершенствъ художественнаго дарованія,—но является неизбѣжнымъ, даже при наличіи крупнаго таланта, коль скоро произведеніе не имѣетъ для себя почвы въ общенародномъ міросозерцаніи.

Утверждая, что согласіе съ общенароднымъ пониманіемъ жизни для художника есть необходимое условіе про-

изводительности художественной, мы, конечно, имѣемъ въ виду лишь соотвѣтствіе духу народному, а никакъ не обязательность для художника случайныхъ и временныхъ настроеній. Скажутъ, что народное пониманіе жизни можетъ быть дикое и грубое. Въ такомъ случаѣ не было бы почвы для возникновенія и развитія искусства. Пока народъ грубъ, и искусство его первобытно и грубо. Впрочемъ, возможно, что, при наружной грубости и всяческихъ недостаткахъ, народъ обладаетъ возвышеннымъ и тонкимъ пониманіемъ жизни, именно это рѣшительно утверждали и утверждаютъ славянофилы относительно нашего народа русскаго.

Разсмотримъ тотъ же вопросъ объ основныхъ началахъ искусства съ другой, болѣе общей стороны.

Для эстетическаго созерцанія дѣйствительно и имѣетъ интересъ только то, въ чемъ есть жизнь. Поэтому искусство и предметы неодушевленные оживляетъ, даетъ имъ жизнь. Архитектурное произведеніе намъ нравится только когда отличается легкостію и изяществомъ, и всѣми своими частями и въ цѣломъ выражаетъ глубокожизненный смыслъ. Живописецъ, изображающій такъ называемую мертвую натуру, въ самомъ видѣ и расположеніи изображаемыхъ предметовъ даетъ чувствовать особое отношеніе таковыхъ къ жизни, при которомъ предметы эти являются свидѣтельствомъ тихаго и мирнаго теченія ея и имѣютъ на себѣ нѣкоторый какъ бы отпечатокъ этого спокойнаго и счастливаго состоянія жизни.

Итакъ, жизнь и ея проявленія вотъ настоящій предметъ искусства. Важнѣе, конечно, жизнь тѣхъ существъ, которыя обладаютъ ею въ формѣ ощущенія, а не простого прозябанія. При этомъ если бытіе такого живого существа, чувствующаго это свое бытіе, соотвѣтствуетъ его природѣ, то бытіе это есть наиболѣе для него удовлетворительное. Значеніе же бытія не просто достаточнаго, а истиннаго и

благого, т. е. совершеннаго—жизнь можетъ имѣть только для существа, обладающаго сознаніемъ себя самого, не только живущаго, но и представляющаго собственную жизнь, а также мыслящаго, т. е. оцѣнивающаго собственную жизнь, именно для человѣка. Бытіе же другихъ существъ, только ощущаемое ими, лишь для посторонняго созерцателя того бытія можетъ быть опредѣляемо съ точки зрѣнія идей истины или правды и блага. Поэтому, эстетическая точка зрѣнія есть *субъективная*, есть собственно человѣческая. Субъективность эстетической точки зрѣнія вотъ въ чемъ состоитъ: природа человѣка настолько богата и разнообразна въ своихъ свойствахъ и проявленіяхъ, что для человѣка недостижимо въ настоящихъ условіяхъ бытіе вполнѣ соотвѣтственное стремленіямъ этой природы, или иначе, существу ея. Потому такое бытіе возможно для человѣка лишь умственно созерцать, т. е. наслаждаться такимъ бытіемъ лишь какъ состояніемъ идеальнымъ, только представляемымъ, но не какъ даннымъ въ реальной дѣйствительности. Конечно, стремленіе къ истинѣ и добру, т. е. къ существованію согласному съ природою человѣка, не можетъ оставаться совершенно безплоднымъ и въ реальной жизни; слѣдовательно, отдѣльныя по крайней мѣрѣ черты и проявленія, сообразнаго съ истиною бытія и сопровождаемаго, поэтому, чувствомъ удовлетворенія не могутъ не быть и въ дѣйствительности. Художникъ частію изъ наблюденій надъ жизнью, а еще болѣе изъ собственнаго внутренняго опыта, при содѣйствіи, главнымъ образомъ, своей прозорливости и геніальнаго проникновенія въ смыслъ дѣйствительности, возводитъ эти дробныя черты въ одинъ цѣльный образъ правдивой и блаженной жизни и, такимъ образомъ, получается то важное для человѣка художественное содержаніе, безъ котораго немыслимо настоящее искусство.

Конечно, этимъ понятіемъ объ искусствѣ предполагается, что въ основныхъ своихъ чертахъ природа человѣ-

ческая неизмѣнна, что не можетъ выработаться современемъ изъ человѣка нѣкоторое совсѣмъ отличное отъ него существо (сверхчеловѣкъ). Для настоящаго художника такое предположеніе о неизмѣнности жизни человѣческой въ основахъ—необходимо, ибо онъ долженъ быть вѣренъ основнымъ неизмѣннымъ началамъ жизни, т. е. долженъ искренно и нелицемѣрно признавать таковыя начала неизмѣнными. Если же у него нѣтъ этой вѣры, если, напротивъ, онъ полагаетъ, что истинное теперь можетъ оказаться во всеобщемъ мнѣніи людей въ другое время ложнымъ, что такимъ образомъ нѣтъ ни безусловной истины, ни безусловнаго блага, что и эти понятія, подобно всѣмъ инымъ, условны и относительны, въ такомъ случаѣ ничего болѣе не остается для него, т. е. для художника, не имѣющаго вѣры въ безусловную правду и безусловное добро,—какъ только слѣдовать измѣнчивымъ теченіямъ мыслей и желаній своего времени, руководствоваться лишь тѣми идеалами, какіе признаются въ данное время обществомъ, къ которому художникъ принадлежитъ. Духовная самостоятельность при этомъ условіи для художника невозможна, ибо не онъ, въ сущности, своими произведеніями оказываетъ вліяніе на своихъ современниковъ, а, наоборотъ, послѣдніе властвуютъ надъ нимъ и содержатъ его въ подчиненіи своимъ настроеніямъ и взглядамъ. Капризная измѣнчивость общественныхъ вкусовъ, господство моды должны сдѣлаться правящимъ закономъ не только для художественной промышленности, состоящей въ изготовленіи одеждъ и разнообразныхъ предметовъ домашней обстановки, но и для самого искусства, что мы и видимъ въ настояще время, когда такъ называемая эволюціонная теорія отрицаетъ возможность и необходимость неизмѣнныхъ идеальныхъ началъ жизни.

Вначалѣ было сказано, что никогда еще искусство не имѣло, повидимому, для общества столь важнаго значенія, какъ въ наше время. Прежде искусство было роскошью до-

ступною только для немногихъ избранныхъ. Значительное большинство могло обходиться безъ музыки—художественной, безъ живописи, даже безъ художественной поэзіи. Теперь же искусство сдѣлалось, можно сказать, общею потребностію: народные театры только въ наше время стали появляться, музыкальное образованіе все болѣе распространяется, произведенія живописи дѣлаются доступными огромному большинству общества. На ряду съ популяризаціей науки быстро идетъ впередъ популяризація искусства. Графъ Л. Н. Толстой только тѣ произведенія искусства признаетъ имѣющими художественную цѣнность, которыя доступны всякому мужику. Гюйо разсматриваетъ искусство единственно съ точки зрѣнія соціальной, и такая оцѣнка искусства, единственно въ отношеніи его общественнаго значенія и связи съ жизнью общественною, видимо имѣетъ успѣхъ. Много пишутъ (впрочемъ, не у насъ) статей и книгъ объ искусствѣ; издаются журналы о каждомъ искусствѣ въ отдѣльности и историческія обозрѣнія разныхъ искусствъ. Устраиваются выставки художественныя. А въ то же время говорятъ объ упадкѣ искусства, и господствующее направленіе въ области искусства называется декаденствомъ. Что это значитъ? Какъ это объяснить? Объяснить это можно такъ: идеальныя потребности и влеченія не могутъ быть совершенно заглушены, изъяты изъ жизни, иначе человѣкъ не былъ бы человѣкомъ. Между тѣмъ религіозная вѣра въ обществѣ ослабѣваетъ, въ наукѣ также преобладаетъ практически-утилитарное направленіе: реалистическое міровоззрѣніе господствуетъ и въ жизни и въ понятіяхъ значительнаго большинства. Итакъ, остается искусство главнымъ, а для многихъ, быть можетъ, единственнымъ пріютомъ идеальныхъ влеченій человѣческой души. Однако хотя главное назначеніе искусства—выражать и временные и еще болѣе вѣчные идеалы въ удобо-воспринимаемой, сильно дѣйствующей на душу формѣ, тѣмъ не менѣе и въ область искусства втор-

гается, и болѣе или менѣе овладѣваетъ имъ госводствующее въ наше время міровоззрѣніе реалистическое. Сущность этого міровоззрѣнія можно охарактеризовать такъ: не идеи важнѣе и выше реальной дѣйствительности, а, наоборотъ, дѣйствительность, какова бы ни была, выше и существеннѣе всякихъ идей. Если такъ, то значитъ и нормою, съ чѣмъ нужно сообразоваться въ дѣлѣ оцѣнки идей, должна быть дѣйствительность, а не наоборотъ, не идеи должны служить нормою для оцѣнки дѣствительности. Отсюда слѣдуетъ, далѣе, что важнѣе всего изучать дѣйствительность, какъ она есть, и ее, эту дѣйствительность, надо изображать и воспроизводить въ произведеніяхъ искусства. Посмотримъ теперь какой характеръ должно получить искусство, каковымъ оно должно оказаться, если повѣрить въ серьезность и важность такого требованія.

То отличительное свойство искусства, которое всегда считалось необходимою принадлежностью художественныхъ произведеній, именно единство,—цѣльность, составляетъ прямую противоположность реальной дѣйствительности, ибо въ дѣйствительной жизни никогда не бываетъ полноты, законченности, цѣльности ни въ послѣдованіи перемѣнъ, ни въ пространственной группировкѣ отдѣльныхъ предметовъ. Итакъ, когда на искусство возлагается задача—изображать дѣйствительность, какъ она есть, то является необходимость пренебречь тѣмъ свойствомъ, которое составляетъ преимущество искусства, его красоту. И вотъ мы видимъ, что повѣсти, разсказы новыхъ писателей имѣютъ характеръ эпизодическій: разсказывается сцена, дѣлается характеристика положенія, лица, нѣкотораго общественнаго явленія, и подобныя произведенія, по содержанію своему, имѣютъ видъ *случая*, взятаго изъ дѣйствительности, безъ начала и конца, т. е. безъ завязки и развязки,—нѣчто въ родѣ полицейскаго протокола: разсказы изъ военнаго быта, изъ судебной практики, изъ народнаго быта теперь замѣняютъ изящную литературу. Большого

таланта, творческаго дара теперь не требуется отъ писателя, а лишь наблюдательность и умѣнье разсказывать. Такова фактическая сторона современной литертуры. Что касается идейнаго содержанія, то эта сторона лишена всякой оригинальности, не отличается ни глубиною, ни такимъ своеобразіемъ, въ которомъ выступила бы личность писателя. По причинѣ предпочтенія фактовъ идеямъ, изобрѣтательность ограничивается тенденціознымъ подборомъ фактовъ, идеи же составляютъ общее достояніе времени, напрокатъ взятое изъ общедоступныхъ научныхъ теорій. Такъ, напр., извѣстный французскій писатель Зола написалъ цѣлый рядъ романовъ съ цѣлью доказать дѣйствительность закона наслѣдственности, которому приписывается столь важное значеніе теоріей Дарвина, какъ будто романъ, повѣсть можетъ имѣть значеніе научнаго доказательства. Литературная критика была прежде художественной (Бѣлинскій у насъ), затѣмъ она сдѣлалась соціологической и силится сдѣлаться научной. Въ особенности большое значеніе для современнаго искусства имѣетъ извѣстная теорія эволюціонизма, прямо направленная противъ того, что составляетъ высшее достоинство классическаго искусства, т. е. по истинѣ образцовыхъ произведеній художественнаго творчества. Прежнее искусство одушевлялось вѣрою въ идеалы незыблемые, вѣчные блистающіе неувядаемою красою, далеко возносящіеся надъ перемѣнчивостію земныхъ судебъ. Воодушевляемые этой вѣрой, художники стремились достигнуть въ своихъ произведеніяхъ такой законченности и полноты выраженія, такого совершенства формы, чтобы получалось впечатлѣніе величаваго спокойствія, достиженія цѣли послѣ упорной борьбы, впечатлѣніе побѣды надъ силами враждебными всякому совершенству, слѣдовательно, и красотѣ. Теперь господствуетъ иное міровоззрѣніе: теорія эволюціонизма ничего твердаго, незыблемаго ни въ устройствѣ физическаго міра, ни въ свойствахъ и началахъ міра

духовнаго не признаетъ. Она учитъ, что все измѣняется. Измѣняется вся вселенная: новые міры нарождаются, образуются; другіе—постепенно разрушаются. Измѣняется непрерывно міръ существъ живущихъ на землѣ. Полагая, что человѣкъ былъ нѣкогда вовсе даже не человѣкомъ, а животнымъ, надо думать, по этой теоріи, что въ отдаленномъ будущемъ изъ него выработается нѣкоторое отличное отъ человѣка существо, а это значитъ, ничто человѣческое, ничто изъ того, чѣмъ человѣкъ доселѣ живъ былъ, нельзя признать непреложнымъ и имѣющимъ для него безусловное значеніе. Итакъ, въ духѣ этой теоріи и самые основные начала искусства, идеи добра и правды надо признать подлежащими измѣненію: нѣтъ, говорятъ, ни правды безусловной, ни добра безусловнаго, чѣмъ очевидно устраняется вѣра въ идеальныя начала жизни. На долю искусства остается выражать, вмѣсто этой вѣры, случайныя временныя и измѣнчивыя настроенія, частію общественныя, частію индивидуальныя какъ бы капризны и уродливы ни были эти настроенія; настроенія эти иногда вѣдь переходятъ въ ничѣмъ не оправдываемую прихоть.

Иллюстраціей господствующей нынѣ мысли о всеобщей измѣнчивости и отсутствіи всякихъ незыблемыхъ нормъ служитъ, напр., орнаментація, введенная въ моду такъ называемымъ декаденствомъ: вмѣсто прямыхъ и плавно закругленныхъ линій, выражающихъ единство и полноту, стройность и гармоничность, мы видимъ господство линій ломаныхъ, либо волнующихся безъ опредѣленнаго строгаго порядка, выражающихъ лишь текучесть: аксесуарами служатъ водяныя лиліи и обитатели водной стихіи, долженствующей служить символомъ всеобщей измѣнчивости и непостоянства: въ заглавіяхъ буквы не идутъ въ рядъ и не стоятъ спокойно, а прыгаютъ какъ пьяные и наклоняются въ разныя стороны.

Еще Лессингъ занимался вопросомъ о границахъ, раздѣляющихъ разныя искусства, руководясь, разумѣется, тою мыслью, что каждое искусство имѣетъ свои границы и можетъ достигать наибольшаго совершенства лишь въ этихъ своихъ границахъ. Такъ какъ теперь менѣе всего думаютъ о достиженіи наибольшаго совершенства, не вѣря въ возможность какихъ бы то ни было совершенствъ, при отсутствіи при томъ же необходимыхъ для того дарованій и терпѣнія, то и не удивительно, что теперь всѣ искусства смѣшались, такъ что никакое искусство, можно сказать, не помышляетъ болѣе о своихъ необходимыхъ границахъ, уже не считаютъ болѣе нужнымъ самоограниченіе въ этомъ отношеніе, и что было прежде, по всей вѣроятности, лишь рѣдкимъ исключеніемъ, что было дозволяемо себѣ нѣкоторыми геніальными художниками только въ видѣ опыта, не придававшими, конечно, особенно важнаго значенія подобнымъ опытамъ, то самое теперь сдѣлалось, ко вреду искусства, общимъ правиломъ. Каждое искусство имѣетъ свои особыя задачи, зависящія отъ средствъ, которыми оно располагаетъ. Теперь же отдѣльныя искусства не довольствуются выполненіемъ собственныхъ задачъ, даже пренебрегаютъ ими, а берутъ на себя задачи имъ не свойственныя, одно у другого заимствуя таковыя. Такъ, напр., современная живопись силится изображать душевныя настроенія, различныя состоянія и свойства души человѣческой, что вполнѣ выполнимо и несравненно лучше конечно, только для музыки; такое направленіе живописи считается новымъ видомъ этого искусства и называется импрессіонизмомъ, неоромантизмомъ. Музыка же стремится къ выполненію такихъ задачъ, которыя могутъ относиться лишь къ живописи; именно такъ называемая програмная музыка состоитъ въ изображеніи посредствомъ звуковъ картинъ природы, миѳическихъ и историческихъ образовъ, разныхъ сценъ изъ жизни человѣческой,— задачи, очевидно, для музыки не выполнимыя и ей не свойственныя.

Пояснимъ это наше замѣчаніе о смѣшеніи искусствъ примѣромъ. Довольно извѣстна картина нашего живописца Нестерова, на которой представленно два монаха, идущихъ одинъ за другимъ въ церковь: деревья, мимо которыхъ идутъ монахи, своимъ тощимъ и крайне вытянутымъ вверхъ видомъ должны изображать свойственное монахамъ—настроеніе, именно постоянное возношеніе въ своихъ помыслахъ отъ земли къ небу. Не трудно видѣть, что такой способъ выражать душевное настроеніе можетъ быть свойственъ лишь архитектурѣ, именно церковному зодчеству, которое, дѣйствительно, посредствомъ готическаго стиля, характеризуетъ стремленіе вѣрующихъ душъ вознестись отъ земли къ небесному. Напротивъ, живопись обладаетъ болѣе выразительнымъ способомъ представлять настроенія и свойства душъ человѣческихъ, именно посредствомъ изображенія лицъ, такъ какъ лицо—зеркало души; дѣйствительно старая итальянская живопись, въ эпоху ея процвѣтанія, пользовалась только этимъ средствомъ,—но дѣло въ томъ, что легче нарисовать дерево, чѣмъ лицо человѣческое, нарисовать такъ, чтобы это лицо подлинно выражало то, что художникъ намѣревался выразить. На картинѣ Нестерова лица монаховъ нарисованы въ профиль, такъ что выраженія этихъ лицъ нельзя видѣть. Между симфоніями Бетховена есть дивная, по своей *музыкальной* красотѣ, шестая симфонія, именуемая пасторальною, но дѣло въ томъ, что музыка этой симфоніи пріурочена къ сценамъ сельской жизни: прежде всего слышится пастушеская игра на свирѣли, затѣмъ изображается гроза въ величественныхъ и грозныхъ звукахъ, слышатся раскаты грома и свистъ бури, послѣ чего погода разъясняется и опять продолжается нѣжная мелодическая музыка, которая заканчивается великолѣпнымъ финаломъ. Воображаемыя, при слышаніи этой симфоніи, сцены сельской жизни, никакого значенія не имѣютъ, ибо музыка безотносительно, сама по себѣ, прекрасна, прекрасна не потому, что изображаетъ дорогія, быть можетъ, многимъ по воспоминаніямъ

сцены сельской жизни, а потому, что сочинилъ ее великій композиторъ Бетховенъ и композиція счастливо удалась. Но тому же композитору Бетховену, уже въ концѣ жизни, и, быть можетъ, не безъ нѣкотораго посторонняго вліянія это произошло, вздумалось изобразить въ симфоніи весь ходъ всемірной исторіи (эту же задачу въ поэтической формѣ, но самымъ туманнымъ и невразумительнымъ способомъ, символически исполнилъ Гете во 2-й части своего Фавста). И вотъ эта девятая симфонія считается величайшимъ твореніемъ; выражается это какъ аксіома, но убѣдиться въ правильности этой аксіомы никакъ невозможно; музыкальныя ея достоинства не таковы, чтобы можно было наслаждаться при слушаніи этой симфоніи, какъ мы наслаждаемся музыкой пятой и шестой симфоній; понять же происхожденіе означенной аксіомы не трудно. Увлеченные примѣромъ Бетховена, Шуманъ и затѣмъ Вагнеръ стали настойчиво проводить мысль о необходимости и важности програмной музыки, какъ особаго высшаго рода музыкальнаго искусства, сообразуя съ этой идеей и свою композиторскую дѣятельность. У насъ этою же мыслію былъ увлеченъ извѣстный Сѣровъ, и так. обр. народилась у насъ, по примѣру Запада, школа новой програмной музыки, имѣющая уже довольное число представителей. Но какъ ни восхваляетъ этихъ нашихъ композиторовъ и эту новую школу неумѣренный и въ похвалахъ и въ порицаніи Стасовъ, однако ни въ комъ эта музыка не возбуждаетъ не то что энтузіама, но даже симпатіи, и не диво. Вѣдь главнымъ достоинствомъ програмной музыки считается не музыкальная красота, а выразительность, характерность. Мусоргскій, напр., въ музыкѣ пытается изображать даже безчинство пьяныхъ людей; можно догадываться, каково должно быть благозвучіе подобной музыки. Эта школа новой музыки сдѣлала у насъ то, что и досель Глинка, можно сказать, остается единственнымъ представителемъ музыкальнаго искусства въ духѣ національномъ, такъ что мы все еще остаемся лишь при самомъ началѣ

развитія у насъ подлинной музыки. Настоящей чистой музыки (инструментальной, а не вокальной) у насъ все еще нѣтъ. Музыкальные инструменты (а не пѣніе) то же, что телескопъ и микроскопъ въ области оптики. Только чрезъ инструментальную музыку можетъ быть проявлено все богатство душевныхъ движеній,—чувствъ, настроеній и стремленій, въ значительной части своей невыразимыхъ посредствомъ словъ.

Подражать недостаткамъ, ошибкамъ и заблужденіямъ геніальныхъ художниковъ всегда легче, нежели ихъ достоинствамъ; поэтому нерѣдко въ области искусства ложный шагъ, ошибочный опытъ разрастается въ цѣлую школу, въ особое направленіе.

Яркимъ образчикомъ смѣшенія разнородныхъ элементовъ, господствующаго теперь въ искусствѣ, можетъ служить декадентская поэзія, дозволяющая себѣ самый необузданный произволъ въ употребленіи словъ, въ сочетаніи разнородныхъ представленій: встрѣчаются здѣсь и цвѣтные звуки и звучащіе цвѣты и многое тому под.

Получается вотъ что: разныя искусства, въ погонѣ за эффектами имъ чуждыми, пренебрегаютъ прямымъ своимъ дѣломъ, конечно, по безсилію произвести въ своей области что-либо значительное. Музыка, стремясь быть выразительною, именно посредствомъ неопредѣленныхъ звуковъ пытаясь выражать нѣчто опредѣленное, не заботится о художественной музыкальности. Поэзія же, напротивъ, въ заботахъ о музыкальности стиховъ пренебрегаетъ опредѣленностію смысла и становится безсмысленною. Недавно Рихартъ Штраусъ написалъ музыкальную поэму на слова извѣстнаго сочиненія Ницше: Такъ сказалъ Заратустра. Ницше, какъ извѣстно, оправдывалъ свое философствованіе тѣмъ единственнымъ аргументомъ, что такъ ему угодно философствовать, что такова его воля. Кто такъ философствуетъ, тотъ не долженъ имѣть претензіи на то, чтобы философія его и для другихъ имѣла такое же значеніе, какъ и для него са-

мого. Такъ оно и есть. Конечно, Ницше въ названномъ сочиненіи хотѣлъ выразить то, что онъ признавалъ за истину, а оказалось, что онъ далъ лишь матеріалъ для музыкальныхъ опытовъ. Какъ видите теперь музыкальные сочинители такъ же нуждаются въ матеріалѣ для своихъ сочиненій, какъ и археологи, историки, экзегеты. Получается музыка ученая, но не музыкальная, а поэзія музыкальная, но лишенная всякаго поэтическаго достоинства.

Всякое искусство можетъ произвести истинно великое, разумѣется, при наличіи дарованій, только оставаясь въ своихъ предѣлахъ. Истина эта такъ ясна, что, повидимому, достаточно ее высказать; доказательствъ не требуется, а между тѣмъ, этой ясной истиной пренебрегаютъ. Музыка стремится къ опредѣленности и точности представленій и понятій, будучи по существу своему неопредѣленною въ этомъ отношеніи. Поэзія, напротивъ, пренебрегаетъ опредѣленностію выраженій, а старается приблизиться къ неопредѣленности звуковыхъ или тональныхъ выраженій.

Современная эстетика учитъ, что прекрасное не есть цѣль искусства, ибо въ область искусства входитъ же и безобразное, а не только прекрасное. Не трудно догадаться почему теперь высказываются подобные взгляды на искусство: создать безобразное куда легче, нежели прекрасное.

Каковъ смыслъ современнаго состоянія искусства? Одни вѣдь признаютъ это состояніе упадкомъ; другіе видятъ въ немъ начало новаго искусства. Первое вѣрнѣе послѣдняго. Справедливо, однакожъ, указываютъ на то, что жизнь все болѣе усложняется и становится все болѣе труднымъ обезпеченіе насущныхъ нуждъ: заботы объ этомъ поглощаютъ время и силы большинства, а для многихъ и эта столь прозаическая цѣль оказывается неосуществимою въ достаточной степени. Понятно, что при такомъ положеніи, для серьезнаго развитія и поддержанія на должной высотѣ идеальныхъ стремленій не остается мѣста. На ряду съ этимъ, вслѣдствіе развитія промышленнаго и техническаго труда, которое по-

всюду все болѣе увеличивается, значительнѣйшее большинство лицъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, стремится къ обладанію благами культурной жизни. И вотъ мы видимъ, что спросъ на блага культурной жизни все увеличивается не отъ того, что повышается уровень духовнаго развитія, возрастаетъ духовная энергія, а только подъ вліяніемъ желанія сколько-нибудь усладить жизнь, смягчить и уравновѣсить тяжесть обыденнаго непрерывнаго труда. Поэтому, неудивительно, что и продукты художественной, какъ равно и научной производительности, отличаются большею частію среднимъ и даже менѣе чѣмъ среднимъ достоинствомъ; эстетическій вкусъ у большинства мало развитъ. Образцовыхъ произведеній всегда было немного; крупные таланты рѣдки; поэтому приходится довольствоваться произведеніями не высокаго достоинства и къ дѣятельности художественной привлекаются дарованія умѣренныя; даже и совсѣмъ безъ дарованій многіе теперь принимаются за художественный трудъ. Школы, гдѣ изучаются разныя искусства, выдвигаютъ такія требованія, для исполненія которыхъ достаточно одного терпѣнія, механической работы, т. е. приспособляютъ преподаваніе къ большинству малодаровитыхъ работниковъ. Все это не исключаетъ, однакожъ, того, что могутъ явиться крупныя силы, которыя, конечно, по естественному влеченію своей натуры возвратятся къ прежнимъ болѣе строгимъ требованіямъ и нормамъ художественнаго вкуса, а съ тѣмъ вмѣстѣ возвысится и эстетическая цѣнность художественныхъ произведеній. Въ особенности надо ожидать, быть можетъ, въ ближайшемъ будущемъ, повышенія духовной энергіи и производительности въ области искусства у насъ русскихъ, какъ народа болѣе свѣжаго и молодого, ибо западные народы въ области искусства сдѣлали повидимому все, что могли сдѣлать. А потому, никакъ нельзя сочувствовать существующему въ настоящее время господству у насъ подражанія западнымъ направленіямъ и образцамъ въ области искусства.

Къ вопросу о законѣ развитія.

Въ одной статьѣ, имѣющей такое заглавіе: Vorbemerkungen zu einer „Allgemeinen Entwickelungsgeschichte“, философскаго журнала Archiv für Philosophie (XI Bd., Heft. 2, 1905), въ самомъ началѣ вотъ что сказано: „Уже полтораста лѣтъ протекло, какъ стала появляться въ свѣтъ энциклопедія Дидро, Даламбера и ихъ сотрудниковъ—Руссо и Вольтера, несравненный памятникъ свободнаго отъ предразсудковъ изслѣдованія. Съ того времени наука, освобожденная отъ трансцендентныхъ представленій, особенно во второй половинѣ протекшаго столѣтія, поднялась на такую высоту, о какой нельзя было мечтать.

Но среди великихъ пріобрѣтеній оказались пробѣлы, и это послужило основаніемъ для реакціоннаго движенія. Начато было это движеніе, съ одной стороны, врагами науки, а съ другой, тѣми учеными, которые, въ досадѣ на то, что не всѣ загадки были разрѣшены, оставили путь, приведшій уже къ разрѣшенію столь многихъ и значительныхъ задачъ. Послѣдніе, сами того не вѣдая, работали въ руку первыхъ, когда вводили въ науку такія ненаучныя понятія, какъ жизненная сила, потенціи развитія и под.

Приверженцы принципа эволюціи, конечно, не считаютъ правильными во всѣхъ подробностяхъ космологическую теорію Канта и Лапласа о развитіи, біологическую теорію Дарвина и Геккеля, философскую теорію Конта и Спенсера, но они не сомнѣваются, что путь къ истинѣ можно найти только

идя по слѣдамъ Канта и Лапласа, Дарвина и Геккеля, Конта и Спенсера. Какъ ни велики пробѣлы нашего эволюціоннаго начертанія міра, они могутъ быть восполнены въ будущемъ единственно на основаніи принципа эволюціи, а потому допущенію другихъ принциповъ слѣдуетъ рѣшительно противиться, какъ для науки безполезному и даже вредному.

Къ попятному движенію въ наукѣ присоединяется еще превосходящее всякую мѣру раздробленіе научныхъ силъ. Ученые и ихъ ученики все больше погружаются въ частичныя изысканія, а чрезъ то наше время постепенно лишается способности имѣть единое всеобъемлющее міросозерцаніе. А вѣдь только на основаніи единящаго научнаго міросозерцанія можно перебросить мостъ надъ пропастями, раздѣляющими народы, достижимо объединеніе человѣчества въ человѣчности,—что составляетъ общую цѣль всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ нашего времени, каковыми въ первой линіи являются друзья мира и возвышенной этической культуры, борцы за освобожденіе отъ клерикализма и за соціальную справедливость.

Чтобы сдѣлать возможнымъ такое единящее научное міросозерцаніе на основаніи, свободнаго отъ предразсудковъ, изслѣдованія, съ необозримыми благотворными его послѣдствіями для нашего времени, нужно создать новую энциклопедію подъ заглавіемъ *всеобщая исторія развитія*. Этимъ названіемъ обозначается не словарь, а систематическое изложеніе важнѣйшихъ наукъ съ точки зрѣнія эволюціонной, которое должно быть выполнено учеными разныхъ странъ. Задача таковой энциклопедіи—начертать исторію міра и человѣка въ прошедшемъ, настоящемъ и, по возможности, въ будущемъ: изобразить постепенное происхожденіе ихъ, развитіе до высшей точки, слѣдующее за тѣмъ омертвѣніе и, наконецъ, медленное разрушеніе. Она должна попытаться прекратить существующіе донынѣ безпорядокъ и разбросанность человѣческаго знанія, съ этою цѣлью объединивъ и

упорядочивъ важнѣйшія науки, образовавъ изъ нихъ какъ бы центральную массу, имѣя въ виду присоединеніе къ этой массѣ и другихъ наукъ въ качествѣ отдѣльныхъ членовъ связной системы. Осуществленіе такой цѣли должно получиться чрезъ двоякое примѣненіе *принципа развитія*, а именно — въ качествѣ основанія, съ одной стороны, для изложенія каждой отдѣльной науки, а съ другой — для общаго раздѣленія наукъ.

Въ философскомъ отношеніи новая энциклопедія должна быть далека и отъ *матеріализма*, не признающаго абсолютнаго своеобразія процессовъ сознанія, какъ равно и отъ *идеализма*, который сомнѣвается въ дѣйствительности процессовъ движенія. Тенденціямъ ея всего лучше соотвѣтствовалъ бы осмотрительный *реализмъ*, который, съ точки зрѣнія *гносеологической*, признаетъ первенство сознанія (пріоритетъ), а съ точки зрѣнія *онтологической* — первенство бытія. Для насъ міръ данъ въ нашей головѣ, но самая голова находится въ мірѣ. Изъ всѣхъ гипотезъ наиболѣе вѣроятною для умѣреннаго реализма представляется та, что космологическіе процессы, химическіе и физическіе предшествовали біологическимъ и только какъ входящій въ ихъ составъ частичный процессъ произошло наше сознаніе и все вообще человѣческое сознаніе. Естество-научныя основныя понятія, какъ, напр., атомы, осторожный реализмъ принимаетъ за символическія, но не можетъ отказаться отъ таковыхъ при построеніи единаго міросозерцанія“.

Вотъ какое важное значеніе усвояется теперь идеѣ развитія. Требуется, чтобы это, а не иное понятіе, было положено въ основу всего научнаго міросозерцанія нашего времени. И дѣйствительно, это понятіе является въ настоящее время господствующимъ и въ наукѣ, и въ жизни. Слѣдуетъ, поэтому, обратить вниманіе на то, какъ сложилось это много-

объемлющее понятіе въ современномъ его смыслѣ и значеніи, насколько оно правильно понято въ разныхъ ученіяхъ, какъ обычно понимается и какъ это обычное пониманіе его отражается въ жизни, насколько оно правильно, и не слѣдуетъ ли въ чемъ-либо исправить его и дополнить, вообще измѣнить? Впрочемъ, хотя бы по возможности уяснить смыслъ идеи развитія, дабы употреблялась она болѣе или менѣе съ должнымъ разумѣніемъ,—и это уже немаловажная задача.

Что называется развитіемъ? Гдѣ нѣтъ никакой перемѣны, тамъ развитія нѣтъ. Поэтому развитію противополагается застой, неподвижность, мертвенный покой, словомъ отсутствіе всякой перемѣны. Итакъ, развитіе въ томъ только случаѣ имѣется, когда замѣчается нѣкоторая перемѣна. Но всякая ли перемѣна есть развитіе? Положимъ, разрушено зданіе, даже много зданій, бурею, землетрясеніемъ. Перемѣна здѣсь есть, и не маленькая, но никто не назоветъ такую перемѣну развитіемъ. Перемѣна эта состоитъ въ разрушеніи, а развитіе есть перемѣна творческая, созидательная. Разрушеніе происходитъ иногда очень быстро, даже мгновенно. Землетрясеніе въ нѣсколько минутъ можетъ разрушить цѣлый городъ. Можно, правда, довольно быстро построить городъ, а все же не такъ быстро, какъ разрушить; но главное то, что городъ быстро построенный является произведеніемъ искусственнымъ, ибо естественный ростъ городовъ и вообще населенныхъ мѣстъ происходитъ медленно. Тамъ, гдѣ совершается дѣйствительное созиданіе (созиданіе, творчество разумѣется здѣсь въ смыслѣ условномъ, въ смыслѣ преобразованія или новообразованія), при участіи естественныхъ силъ природы, развитіе является такого рода измѣненіемъ, которое осуществляется медленно: не скоро растетъ дерево; животное также возрастаетъ и образуется постепенно и медленно; когда дитя быстро развивается, то это считается нехорошимъ признакомъ... Если же только медленно,

происходящую перемѣну слѣдуетъ считать признакомъ развитія, то это значитъ, что собственно подъ названіемъ развитія разумѣется *цѣлый рядъ перемѣнъ*, тѣсно между собою связанныхъ. Человѣкъ, когда растетъ, то проходитъ рядъ возрастовъ: младенчество, дѣтство и т. д. Ясно, что на развитіе должно смотрѣть, какъ на единый связный и постепенно совершающійся процессъ.

Всякій сложный и медленный процессъ, само собою разумѣется, имѣетъ опредѣленные *начало* и *конецъ*. Это важнѣйшіе моменты или части процесса. Посему для характеристики процесса служитъ то, что обращается главное вниманіе либо на начальный, либо на конечный пунктъ процесса. Пусть будетъ обращено вниманіе на конецъ процесса; какое получится въ этомъ случаѣ новое опредѣленіе, служащее къ уясненію того процесса, который называется развитіемъ? Когда человѣкъ задумываетъ какое-либо дѣло, требующее для своего исполненія много времени, то мысль его останавливается обыкновенно на концѣ дѣла; не даромъ говорится: конецъ—дѣлу вѣнецъ; дѣло не доведенное до благополучнаго конца и брошенное на половинѣ, или въ началѣ, все равно, что не начато,—даже было бы лучше его вовсе не начинать,—такъ бываетъ иногда. Конецъ, завершеніе дѣла, пока еще мыслится, но въ исполненіе не приведено, называется *цѣлью*: всякое дѣло мы предпринимаемъ, имѣя въ виду извѣстную цѣль; это значитъ, что цѣль въ развитіи всякаго дѣла мы признаемъ важнѣйшимъ моментомъ, а потому и самое развитіе понимается, какъ процессъ осуществленія извѣстной цѣли. Цѣль имѣетъ важное господственное значеніе не только въ человѣческихъ дѣлахъ, но и въ процессахъ природы, какъ только процессы эти совершаются при участіи человѣка; садовникъ сколько прилагаетъ старанія, чтобы довести ростъ плодовыхъ деревьевъ до благополучнаго конца, т. е. чтобы получить отъ нихъ плоды. Но природа, предоставленная самой себѣ, можетъ ли задаваться ка-

кими-либо цѣлями, дѣйствовать по плану, когда образуетъ роды и виды растительныхъ и животныхъ организмовъ? Это правда, что въ устройствѣ органическихъ тѣлъ замѣчается всегда нѣкоторый планъ, порядокъ расположенія частей и правильное согласованіе ихъ въ цѣломъ. До такой степени замѣчательна эта правильность, что человѣкъ, не будучи въ состояніи ничего лучшаго придумать, является только *подражателемъ* природы въ искусственномъ, напр., произведеніи цвѣтовъ, въ изображеніи животныхъ, растеній, а тѣ, которые изучаютъ во всѣхъ деталяхъ устройство организмовъ, удивляются замѣчательно тонкому, недосягаемому для человѣческаго искусства, едва уловимому даже для познанія, отчасти-же и вовсе недоступному для человѣческаго познанія мастерству природы въ строеніи и расположеніи самыхъ мелкихъ частицъ въ сложномъ до крайности составѣ организмовъ. И тѣмъ не менѣе странно представить себѣ, что природа размышляетъ, придумываетъ для своихъ дѣйствій и произведеній планъ и исполняетъ задуманное, хотя отъ подобнаго антропоморфизма всегда было трудно человѣку отрѣшиться въ своихъ представленіяхъ о природѣ. Антропоморфизмъ въ представленіяхъ о природѣ обыкновенно считается слѣдствіемъ и проявленіемъ невѣжества. Но это объясненіе антропоморфизма поверхностное и недостаточное, какъ это видно изъ того, что сами естествоиспытатели философствующіе не затрудняются атомамъ—воображаемымъ частицамъ матеріи приписывать сознаніе, душу. Быть можетъ природа только слѣпо исполняетъ то, что ей предназначено инымъ дѣятелемъ, не тождественнымъ съ природою, а подобнымъ человѣку, только болѣе могущественнымъ. Если предположить, что цѣли для дѣйствій природы предназначены иною высшею силою; въ такомъ случаѣ, какъ мы должны понимать эти цѣли? Когда человѣкъ задается какою-либо цѣлью, то всегда эта задуманная имъ цѣль представляется для мысли въ видѣ *неподвижной точки*, а самое

исполненіе дѣла состоитъ въ томъ, что онъ медленно, но неуклонно подвигается къ этой неподвижной точкѣ, когда же дошелъ до нея, и дѣло исполнено, человѣкъ успокаивается, чувствуетъ довольство. Допустимъ, что есть въ природѣ цѣли. Очевидно, и здѣсь эти цѣли мы должны мыслить, какъ неподвижныя и неизмѣнныя точки въ ряду перемѣнъ природы. Дѣйствительно, существовала увѣренность, что такими неизмѣнными и неподвижными точками для природы служатъ *формы* или иначе *типы* организмовъ, ибо мы видимъ, что отдѣльные представители (индивидуумы) какого-либо вида рождаются и умираютъ, а форма неизмѣнно повторяется и остается все тою же. Теперь распространено противное такой увѣренности мнѣніе, и даже признается научно-установленной истиной, что видовыя формы организмовъ также измѣняются. Послѣ извѣстныхъ изслѣдованій Дарвина считается вполнѣ доказаннымъ, что формы организмовъ вовсе не остаются неподвижными и неизмѣнными точками въ ряду перемѣнъ органической природы. По ученію Дарвина, органическія формы, при ближайшемъ, т. е. научномъ ихъ разсмотрѣніи, сами разлагаются на ряды перемѣнъ, совершающихся правда съ крайнею медленностію, тѣмъ не менѣе дѣйствительныхъ. Согласно съ этимъ ученіемъ Дарвина развитіе понимается теперь, какъ *измѣняемость формъ*, и это есть то, что подразумѣвается подъ названіемъ *эволюціи*. Эволюція состоитъ въ преобразованіи формъ, въ переходѣ изъ одной формы въ другую.

Безспорно, ученіе Дарвина произвело огромное вліяніе на умы, но, какъ многіе полагаютъ, не столько созидательное, сколько разрушительное, такъ что это еще вопросъ — слѣдуетъ ли поставить ученіе Дарвина въ ряду научнаго развитія, или же оно представляетъ собою временное разстройство этого развитія, обходное движеніе: вѣдь правильнаго стройнаго развитія безъ задержекъ, обходовъ, уклоненій нигдѣ, а тѣмъ болѣе въ наукѣ, не бываетъ. Что касается

вліянія на умы ученія Дарвина, то прежде всего важно отмѣтить вотъ какое послѣдствіе этого вліянія. Насколько прежде главное значеніе во всемъ придавалось формальному элементу, теперь въ такой же мѣрѣ повсюду оказывается пренебреженіе къ этому элементу, даже тамъ, гдѣ несомнѣнно формальное начало имѣетъ важное значеніе,—напр., въ наукѣ, въ искусствѣ, въ обученіи. Но это послѣдствіе отдаленное, для котораго могутъ быть указаны иныя причины. Важнѣе для нашей цѣли указать на ближайшій результатъ или выводъ ученія Дарвина. Если формы органическія нельзя признать цѣлями, то значитъ въ природѣ вообще не существуетъ цѣлей; въ такомъ случаѣ нѣтъ и цѣлесообразности, Одно съ другимъ связано: съ одной стороны, цѣль, а съ другой, стремленіе сообразовать съ цѣлью свои дѣйствія. Если нѣтъ цѣлей, то, конечно, не существуетъ въ природѣ и стремленія сообразовать съ какою-либо цѣлью происходящія въ ней перемѣны, т. е. нѣтъ *цѣлесообразности.*

Впрочемъ, для нѣкоторыхъ даже естествоиспытателей. вопросъ о цѣлесообразности въ природѣ представляется особымъ самостоятельнымъ вопросомъ, вовсе независящимъ отъ того доказалъ Дарвинъ или не доказалъ измѣняемость видовъ. Такіе сомнѣвающіеся естествоиспытатели,—сомнѣвающіеся въ томъ значеніи, какое придаютъ теоріи Дарвина, разсуждаютъ такъ: если нѣтъ въ природѣ цѣлесообразности, въ такомъ случаѣ то удивительное устройство организмовъ, на которое выше указано, есть дѣло случая; оно произошло само собою, безъ всякаго съ чьей-либо стороны намѣренія произвести именно такое, а не иное устройство организмовъ; не намѣренно значитъ случайно. Дѣйствительно, Дарвинъ самъ долженъ былъ признать случайнымъ первоначальное возникновеніе всякаго видового отличія, происходящее обыкновенно въ видѣ нѣкотораго уклоненія отъ существовавшаго типа у кого-либо изъ представителей этого типа;—предположимъ, напр., что тѣ животныя, которыхъ природа надѣлила

рогами, вначалѣ не имѣли роговъ; случайно появились у нѣкоторыхъ первые зародыши роговъ; отъ употребленія эти, случайно появившіяся орудія борьбы, стали развиваться, расти, а законъ наслѣдственности сдѣлалъ остальное, т. е., упрочилъ обладаніе ими въ потомствѣ... Но вѣдь это значитъ слишкомъ много предоставить на долю случая. Итакъ, существуетъ ли въ природѣ цѣлесообразность, это и для естествоиспытателей—вопросъ еще спорный, и не считается рѣшеннымъ.

Для насъ же несомнѣнно, что теорія Дарвина на самомъ дѣлѣ не обходится безъ мысли о цѣлесообразности въ природѣ. Всякое живое существо можетъ существовать только въ извѣстной средѣ; для всѣхъ вообще такою средою служитъ природа, данныя на землѣ условія жизни, въ частности, напр., рыбы живутъ въ водѣ, птицы въ воздухѣ и на землѣ, и еще частнѣе въ лѣсахъ, на поляхъ, въ садахъ и т. д. Чтобы живое существо могло сохранять свою жизнь, существовать, необходимо для него *приспособленіе* къ средѣ, а приспособленіе есть уже выраженіе цѣлесообразности. Приспособленіе—это есть добываніе пищи, устройство помѣщенія для себя и потомства, пріобрѣтеніе средствъ защиты противъ стихійныхъ воздѣйствій природы, а также противъ нападенія враговъ; а развѣ всѣ такія дѣйствія, будутъ ли они сознательными или безсознательными, не имѣютъ характера цѣлесообразности? Этого мало. Дарвинъ прямо говоритъ *объ усовершенствованіи* органическихъ формъ. Измѣняемость формъ органическихъ онъ понимаетъ какъ постепенное усовершеніе ихъ; при этомъ важное значеніе въ процессѣ усовершенія, какъ извѣстно, придаетъ такъ назыв. *естественному подбору*. По теоріи Дарвина природу можно сравнить съ дальновиднымъ хозяиномъ, который хочетъ получить лучшую породу какихъ-либо домашнихъ животныхъ, и вотъ тѣ экземпляры этихъ животныхъ, отъ которыхъ онъ ожидаетъ улучшеннаго потомства, онъ сохраняетъ и отдѣ-

ляетъ отъ другихъ. Если природа это дѣлаетъ, то значитъ въ природѣ есть цѣлесообразность, ибо очевидно, что, при искусственномъ подборѣ, съ которымъ у Дарвина сравнивается естественный подборъ, выдѣленіе и сохраненіе лучшихъ экземпляровъ дѣлается намѣренно, съ расчетомъ. Положимъ, что въ теоріи Дарвина усовершеніе органическихъ формъ отождествляется съ процессомъ приспособленія, а не отдѣляется отъ него, но все же и процессъ приспособленія, какъ бы ни толковать его, есть выраженіе цѣлесообразности.

Все это свидѣтельствуетъ о недостаточной выдержанности мысли у Дарвина, объ отсутствіи строгой послѣдовательности. Какъ сказано было выше, развитіе есть процессъ имѣющій начало и конецъ, и для истолкованія этого процесса большую важность имѣетъ то,—обращается ли главное вниманіе на начальный моментъ или же на конечный пунктъ развитія. Дарвину предстояло рѣшить вопросъ о происхожденіи видовъ. Происхожденіе—это исходный пунктъ развитія, то, съ чего процессъ развитія начинается. Слѣдовательно, Дарвину надлежало все вниманіе сосредоточить на этомъ начальномъ пунктѣ. Но нерѣшительность его въ этомъ случаѣ проявилась въ томъ, что онъ совсѣмъ оставляетъ своего читателя въ неизвѣстности, какъ онъ думаетъ о происхожденіи жизни на землѣ, какіе организмы онъ признаетъ первобытными. Говоря же о приспособленіи, о подборѣ, онъ, очевидно, вниманіе свое направляетъ на конечный пунктъ развитія; итакъ, мысль его нерѣшительно направляется то въ одну, то въ другую сторону. Если нѣтъ цѣлей и цѣлесообразности въ природѣ, то незачѣмъ было говорить объ усовершенствованіи видовъ, ибо понятіе объ усовершенствованіи заставляетъ различать лучшихъ отъ худшихъ, болѣе совершенныхъ отъ менѣе совершенныхъ; при серьезномъ же отрицаніи цѣлесообразности, слѣдовало бы только ограничиваться указаніемъ на факты, что въ борьбѣ за существованіе такіе то виды одержали верхъ надъ другими, имѣли *успѣхъ*. Развѣ

можно назвать приспособленіе къ условіямъ усовершенствованіемъ? Напротивъ, при тѣхъ условіяхъ, при какихъ у нашихъ крестьянъ существуютъ лошади, рогатый скотъ, болѣе *совершенныя* породы не могли бы существовать. Дѣло въ томъ, что Дарвинъ не былъ философомъ. Привести въ порядокъ его мысли, исправить и дополнить оказалось возможнымъ только при содѣйствіи во многомъ родственнаго съ нимъ по своимъ воззрѣніямъ *Спенсера.*

Спенсеръ, дѣйствительно, главное вниманіе обращаетъ на начальный пунктъ развитія и сообразно съ тѣмъ установляетъ и самое понятіе о развитіи. У него мы видимъ серьезную попытку отдѣлаться отъ всякой мысли о цѣлесообразности въ природѣ (хотя, какъ увидимъ, это не удалось Спенсеру, да и не могло удасться, ибо мысль о цѣлесообразности есть необходимая).

Съ чего начинается развитіе? Всегда начинается оно съ *простого* сравнительно съ дальнѣйшимъ теченіемъ его. Сравнительно простое постепенно усложняется, дѣлается все болѣе и болѣе сложнымъ, и въ этомъ состоитъ, по Спенсеру, процессъ развитія. У насъ (въ ученыхъ и философскихъ статьяхъ), когда разсуждаютъ о развитіи, то употребляютъ безразлично всякіе термины: и *усложненіе*, и *приспособленіе*, и *подборъ*. Между тѣмъ, понятіе развитія получаетъ различное значеніе и смыслъ въ зависимости отъ того, какой признакъ берется преимущественно во вниманіе. Наиболѣе распространенное теперь пониманіе развитія,—обозначаемое терминомъ—*эволюція*—есть то, которое установлено Спенсеромъ и важнѣйшій признакъ развитія полагаетъ въ процессѣ *усложненія*. Важно то, что развитіе при такомъ его пониманіи, получаетъ значеніе *общемірового закона*: вѣдь усложненіе вездѣ происходитъ—не только въ органической природѣ, но и въ природѣ неорганической, не только въ области явленій жизни, но и въ мертвой природѣ. Представимъ себѣ разсѣянное состояніе матеріи: атомы соединяют-

ся между собою и образуютъ *молекулы*, изъ молекулъ состоятъ простыя тѣла; изъ простыхъ тѣлъ образуются болѣе или менѣе сложныя соединенія. Наиболѣе сложное химическое соединеніе представляетъ собою *протоплазма*; изъ протоплазмы состоятъ простѣйшіе организмы, такъ называемые одноклѣточные, или просто клѣтки. Изъ клѣтокъ—образованы ткани; изъ тканей—органы и системы органовъ, далѣе въ порядкѣ усложненія слѣдуютъ организмы и ихъ сочетанія въ видѣ обществъ.—Итакъ, вездѣ мы видимъ процессъ усложненія. Это и есть *эволюція*. Спенсеръ подробно объясняетъ какъ происходитъ самое усложненіе. Сейчасъ приведенные примѣры усложненія представляютъ собою процессъ *интеграціи*, или *интегрированія*, т. е. образованіе цѣлаго изъ разрозненныхъ, отдѣльныхъ частей. Совмѣстно и одновременно съ этимъ процессомъ происходитъ обратный процессъ *раздѣленія* цѣлой массы на подчиненныя цѣлому и соподчиненныя другъ другу отдѣльныя части цѣлаго. Это такъ называемая *дифференціація*. Этотъ процессъ заслуживаетъ особаго вниманія по своему значенію для установленія понятія объ эволюціи или развитіи. Дѣло въ томъ, что процессъ дифференціаціи происходитъ главнымъ образомъ, можно сказать, почти только въ организмахъ: однородная вначалѣ органическая матерія распредѣляется по частямъ, образуя ткани и органы; въ зародышѣ живого существа, въ сѣмени, въ яйцѣ, нѣтъ явственнаго раздѣленія на части; но по мѣрѣ того, какъ изъ зародыша развивается живое существо, образуются отдѣльныя части и этотъ процессъ раздѣленія чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усложняется. Итакъ, и интеграція и дифференціація равно состоятъ въ *усложненіи*. Изъ этихъ двухъ процессовъ, какъ сказано, особенно важенъ процессъ дифференціаціи. Говоря объ этомъ процессѣ Спенсеръ встрѣчается вотъ съ какимъ недоумѣніемъ, дѣйствительно заслуживающимъ особаго вниманія. Дифференціація понимается Спенсеромъ какъ развитіе, или какъ одинъ изъ

процессовъ развитія. Но вѣдь и болѣзненное разстройство организма, а также разрушеніе по смерти тоже состоитъ въ раздѣленіи цѣлаго на части. Если и это относить къ процессу дифференціаціи, то окажется, что дифференціація состоитъ и въ образованіи живого существа и въ разложеніи его. Чтобы избѣгнуть необходимости подводить подъ одно понятіе и обозначать однимъ названіемъ столь противоположныя вещи, какъ жизнь и смерть, развитіе и разрушеніе, Спенсеръ находитъ нужнымъ точнѣе такъ опредѣлить дифференціацію: она состоитъ въ образованіи не только *разнороднаго изъ однороднаго*, но еще *опредѣленнаго* изъ *неопредѣленнаго*. Когда происходитъ болѣзненное разстройство, разрушеніе, то получается на мѣсто опредѣленнаго неопредѣленное, безпорядочное, хаотическое. А дифференціація состоитъ именно въ томъ, что изъ неопредѣленной массы, образуется опредѣленное, т. е. *правильно устроенное* цѣлое; это значитъ, что дифференціація состоитъ въ образованіи опредѣленной органической *формы*. Вмѣсто простого усложненія (вѣдь накопленіе массы песку въ одномъ мѣстѣ тоже есть усложненіе), мы теперь имѣемъ процессъ *формированія* подъ названіемъ дифференціаціи. Форма, въ качествѣ цѣли, повидимому, была уже устранена, а теперь она снова оказалась благополучно занимающею свое мѣсто въ понятіи развитія, мѣсто конечной цѣли, такъ какъ къ образованію опредѣленной органической формы направляется процессъ дифференціаціи. Можно, пожалуй, подумать, что это большой важности не имѣетъ: какая бѣда въ томъ, что приходится признать существованіе въ природѣ цѣлесообразности, и если въ качествѣ цѣлей или конечныхъ пунктовъ развитія оказываются органическія формы? Положимъ, по Дарвину, органическія формы измѣняемы; этимъ, повидимому, отрицается принадлежащее имъ значеніе конечныхъ пунктовъ развитія. Но вѣдь какъ велика измѣняемость органическихъ формъ,—это еще вопросъ не рѣшенный; вѣдь если и про-

исходитъ измѣненіе формъ органическихъ, то съ такою чрезвычайною медленностію, что мы въ правѣ смотрѣть на нихъ, какъ на относительно неизмѣнные и постоянные пункты среди всяческихъ перемѣнъ, какъ на такіе пункты, которые собою означаютъ предѣлъ развитія органическихъ формъ. Но надо обратить вниманіе на то, какой, при этомъ взглядѣ на органическія формы, получается выводъ. Если мы признаемъ органическія формы конечными пунктами развитія, въ такомъ случаѣ должно допустить существованіе въ природѣ особыхъ началъ, проявляющихъ свою дѣятельность въ образованіи органическихъ формъ и въ сохраненіи ихъ. Начала эти должны быть отличны отъ матеріальныхъ элементовъ; ибо матеріальнымъ элементамъ свойственно только движеніе, состоящее въ перемѣщеніи, а также въ распредѣленіи частицъ, но направленіе ихъ движенія къ опредѣленному неизмѣнному пункту, къ образованію опредѣленной неизмѣнной формы можетъ быть дѣломъ только такого начала, которому свойственно дѣйствовать по идеѣ цѣли, и дѣйствія котораго имѣютъ поэтому характеръ идеальный, состоящій въ цѣлесообразности, т. е. въ соотвѣтствіи съ идеей цѣли. Такое формальное начало, отличное отъ матеріи, всегда называлось жизненной силой—въ низшихъ организмахъ, особенно же называется *душей*. Однако, если признать существованіе души, какъ особаго начала, отличнаго отъ матеріи, то получится метафизика, а вѣдь весь смыслъ эволюціонной теоріи въ томъ и заключается, чтобы устранить метафизику. Слово развитіе потому и было признано неудобнымъ, что въ прежнее время всегда это названіе соединялось съ представленіемъ особаго начала жизненныхъ явленій, такого начала, которое одно признавалось способнымъ къ развитію; все матеріальное не развивается, а только перемѣняется: когда, напр., теплота или электричество превращается въ механическое движеніе, и обратно—движеніе превращается въ теплоту, въ электричество, или, напр., вода превращается либо въ

паръ, или въ жидкость, или въ ледъ (и вообще всѣ неорганическія тѣла могутъ быть и бываютъ въ различныхъ состояніяхъ аггрегаціи своихъ частицъ), то нельзя назвать такихъ перемѣнъ развитіемъ. Развитіе—это постепенное и медленное возрастаніе живого существа; при чемъ постепенно образуется опредѣленная форма, по которой мы и различаемъ одно живое существо отъ другого. Но живое существо потому только и можетъ развиваться, что въ немъ есть особое жизненное начало, существуетъ въ немъ душа. Вотъ теперь и говорятъ (давно уже это говорятъ), что слова *жизнь*, *душа* лишены всякаго опредѣленнаго значенія; никто не въ состояніи точно опредѣлить, что такое жизнь, душа. И вотъ, чтобы отбросить столь неясныя представленія, а главное чтобы показать, что развитіе вовсе не есть какой-то особый процессъ, отличный отъ всѣхъ иныхъ, чисто матеріальныхъ перемѣнъ, состоящихъ въ движеніи или перемѣщеніи, называютъ *эволюціей* то самое, что прежде называли развитіемъ. Конечно, нельзя же отрицать того, что есть особый разрядъ явленій жизненныхъ и психическихъ. Эволюціонисты, иначе называемые дарвинистами, признаютъ это; но они говорятъ, что вообще перемѣны, происходящія въ природѣ, дѣлятся на разряды или классы: есть явленія *механическія*, *химическія*, *органическія*, *психическія*; но къ этому добавляютъ, что именно только *явленія*, т. е. *перемѣны*, единственно и подлежатъ нашему изученію, и мы можемъ познавать только законы этихъ явленій; причины же, которыми производятся столь разнородныя явленія, намъ неизвѣстны, научному познанію недоступны, а потому мы и не имѣемъ права и основанія разсуждать о какихъ то началахъ, различаемыхъ метафизикой подъ названіемъ матеріи, души, духа. Вотъ почему эволюціонисты, подобно тому какъ слово *развитіе* замѣняютъ словомъ *эволюція*,—не говорятъ *о душѣ*, какъ о чемъ самостоятельномъ, отличномъ отъ тѣла, но замѣняютъ слово душа словомъ *психика*, когда приходится касаться ду-

шевныхъ явленій. Психика—это слово греческое множественнаго числа и есть названіе обозначающее явленія душевныя (феномены), какъ слово физика означаетъ науку о явленіяхъ матеріальныхъ и есть общее обозначеніе этихъ явленій.

Итакъ, въ послѣдующемъ разсужденіи будемъ имѣть это въ виду, что теперь считается не научнымъ говорить о какихъ бы то ни было началахъ, и что кругъ понятій научныхъ долженъ быть ограниченъ *явленіями* и *законами* явленій (есть законы явленій механическихъ, физическихъ, химическихъ, физіологическихъ, психическихъ, общественныхъ). Итакъ, нѣтъ цѣлесообразности въ природѣ, а есть только явленія, которыя кажутся цѣлесообразными (при ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ этотъ призракъ исчезаетъ); нѣтъ души, а есть только явленія душевныя. Вотъ истинно научныя положенія: такъ думаютъ эволюціонисты.

Теперь, когда мы знаемъ, въ чемъ сущность эволюціонной теоріи, посмотримъ, какъ примѣняется въ разныхъ случаяхъ и къ чему приводитъ разнообразное примѣненіе этой теоріи.

Процессъ эволюціи состоитъ въ постепенномъ усложненіи. Но слѣдуетъ ли вмѣстѣ съ этимъ признакомъ эволюціи удержать еще и другой признакъ, указываемый Дарвиномъ, именно усовершеніе, совершенствованіе? То правда, что усложненіе вездѣ мы видимъ, и въ природѣ неорганической; ибо есть здѣсь тѣла и состоянія тѣлъ различной степени сложности, но странно прилагать мысль объ усовершеніи къ природѣ мертвой. Если маленькая кучка песку, нанесеннаго вѣтромъ въ одно мѣсто, превращается дѣйствіемъ той же причины въ огромную насыпь, то здѣсь есть усложненіе, но можно-ли говорить въ настоящемъ случаѣ объ усовершеніи? Повидимому, тамъ только возможно усовершеніе вмѣстѣ съ усложненіемъ, гдѣ происходитъ дифференціація—процессъ распредѣленія и выдѣленія отдѣльныхъ частей въ цѣломъ, какъ такой процессъ, который свойственъ почти только тѣ-

ламъ органическимъ, т. е. живымъ тѣламъ [1]). Однако и, по Спенсеру, даже въ тѣлахъ органическихъ, какъ выше показано, не всякое раздѣленіе цѣлаго на части слѣдуетъ называть дифференціаціей; такъ, разложеніе, болѣзненное разстройство, хотя и есть *раздѣленіе* сложнаго и однообразнаго на отдѣльныя и различныя части, но не есть дифференціація. Надо замѣтить, что зволюціонисты большіе любители точности, и это понятно; во всѣхъ своихъ положеніяхъ они опираются на данныхъ изъ области наукъ точныхъ. Но въ настоящемъ случаѣ Спенсеръ допускаетъ большую неточность, можно сказать, произволъ; дифференціапія значитъ выступленіе, обнаруженіе разностей, раздѣленіе. Почему же не всѣ случаи раздѣленія Спенсеръ согласенъ обозначать названіемъ дифференціаціи? Дѣло въ томъ, что дифференціація, по теоріи эволюціи, означаетъ развитіе, но странно было бы называть развитіемъ болѣзненное разстройство, разложеніе, разрушеніе. Хотя и говорятъ о развитіи болѣзни, но въ этомъ случаѣ представляютъ болѣзнь въ видѣ живого самодѣйствующаго начала—начала болѣзнетворнаго, что на самомъ дѣлѣ и есть, когда болѣзнь происходитъ отъ микробовъ, которымъ, какъ существамъ живымъ, также свойственно развитіе. Итакъ, ясно, что дифференціація—терминъ не точный, ибо дифференціація значитъ раздѣленіе, а раздѣленіе бываетъ то *органическое*, то просто *химическое*.

---

[1]) Процессъ дифференціаціи, по Спенсеру, происходитъ и въ томъ случаѣ, когда изъ разсѣянной массы матеріи, такъ называемой туманности, образуется планетная система. Но дифференціація возможна въ этомъ случаѣ только потому, что соединеніе разсѣянныхъ частицъ матеріи происходитъ слишкомъ медленно, почему одновременно съ интеграціей могутъ происходить и происходятъ теченія независимыя отъ интеграціи и—что главное—оставляющія послѣ себя прочные слѣды въ видѣ раздѣленія массы на отдѣльныя части,—на этомъ основаніи планетную систему можно назвать подобіемъ организма, по отсутствію въ ней точно опредѣленной формы.

Слѣдовало бы главнымъ признакомъ развитія считать не раздѣленіе, которое бываетъ и при разложеніи, разстройствѣ, а *усовершеніе*, именно постепенное формированіе, болѣе и болѣе ясное выступленіе формы. Но въ такомъ случаѣ развитіе относилось бы только къ живымъ существамъ, а не было бы общеміровымъ закономъ; между тѣмъ, такіе признаки, какъ *усложненіе,* раздѣленіе, или соединяя ихъ вмѣстѣ, *усложняющее раздѣленіе*, можно относить и къ тѣламъ неорганическимъ, а это собственно и важно, когда есть желаніе показать, что нѣтъ существенной разности между живымъ и мертвымъ, органическимъ и неорганическимъ. Такова научная точка зрѣнія. Согласимся и мы считать признакомъ развитія—*усложняющее* соединеніе и раздѣленіе, но только съ добавленіемъ, котораго не могутъ отрицать и эволюціонисты, именно, что усложненіе иногда есть вмѣстѣ и усовершеніе—въ природѣ органической, иногда же—въ природѣ неорганической—оно не есть усовершеніе.

Для насъ да и для эволюціонистовъ, конечно, всего важнѣе приложеніе понятія о развитія къ человѣку, къ жизни человѣческой, а въ этой области явленій дѣйствительно существуетъ стремленіе къ усовершенію. Значитъ если вмѣстѣ съ эволюціонистами мы должны считать признакомъ развитія—*усложненіе*, будетъ ли то дифференціація или интеграція, то болѣе сложное будетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и болѣе *совершеннымъ*. Человѣческій организмъ (главнымъ образомъ, по устройству нервной системы) сложнѣе другихъ организмовъ, потому и совершеннѣе. Но соединеніе людей въ общество еще болѣе сложно, можно сказать, безмѣрно сложнѣе отдѣльнаго человѣка. Итакъ, мы приходимъ къ выводу—имѣя въ виду сложность, какъ признакъ развитія и вмѣстѣ усовершенія,—что общество есть самый сложный и потому наиболѣе совершенный организмъ.

Наука объ общественномъ организмѣ есть *соціологія*. Конечно, и исторія человѣчества, а равно отдѣль-

ныхъ народовъ, также занимается разсмотрѣніемъ общественной жизни, но исторія—наука не точная. Однако и соціологія,—мы должны замѣтить это,—не дала пока никакихъ точныхъ знаній объ общественной жизни, именно о законахъ ея. И самое опредѣленіе общества, какъ наиболѣе совершеннаго организма, хотя и бывшее въ соціологическихъ теоріяхъ въ большомъ употребленіи, теперь самими эволюціонистами подвергается нѣкоторому сомнѣнію, и даже вовсе отрицается, а между тѣмъ, это понятіе объ обществѣ, какъ мы теперь видимъ, состоитъ въ тѣсной и неразрывной связи со всей эволюціонной теоріей; слѣдовало бы подвергнуть сомнѣнію и самую эту теорію, но пока этого нѣтъ. Главное неудобство того опредѣленія общества, о которомъ мы теперь говоримъ, находятъ въ томъ, что отдѣльное лицо, каждый индивидуумъ, при такомъ понятіи объ обществѣ, лишается всякаго самостоятельнаго значенія, есть только членъ, т. е., часть общества, и ничего болѣе. Никогда часть не можетъ быть больше и важнѣе цѣлаго. Согласно съ этимъ теперь вошло въ нравы всякое большинство предпочитать не то что отдѣльному лицу, но даже меньшинству. Исторія однако свидѣтельствуетъ, что могутъ быть отдѣльныя лица столь значительныя, что, по справедливости, ихъ слѣдуетъ поставить выше современнаго имъ общества. Это— великіе люди. На этомъ основаніи такъ называемый индивидуализмъ противъ соціологической теоріи объ обществѣ, какъ совершенномъ организмѣ, возражаетъ, что каждый индивидуумъ имѣетъ право на самостоятельность и свободу въ отношеніи своего общества, что отъ отдѣльныхъ лицъ нельзя требовать во всемъ безусловнаго подчиненія своему обществу. Такая теорія, говорятъ, угрожаетъ отдѣльному лицу утратою имъ всякой личности, угрожаетъ обезличеніемъ, исчезновеніемъ въ массѣ.

Но мы можемъ указать и другое неудобство въ понятіи объ обществѣ, какъ наиболѣе совершенномъ орга-

низмѣ,—неудобство, свидѣтельствующее о неудовлетворительности самой эволюціонной теоріи. Неудобство это вотъ въ чемъ заключается. Выше разъяснено, что сложность сама по себѣ не можетъ служить признакомъ усовершенія и нѣкотораго относительнаго совершенства, а только соединяется иногда съ относительнымъ совершенствомъ и усовершеніемъ. Значитъ, совершенство какъ явленіе самостоятельное, независимое отъ сложности, должно имѣть свой особый признакъ: признакомъ этимъ въ дѣйствительности оказывается *форма*—элементъ, служащій выраженіемъ единства, цѣльности, *индивидуальности*. Эволюціонизмъ пренебрегаетъ этимъ признакомъ, какъ неудобнымъ для него, но въ настоящемъ случаѣ нельзя оставить безъ вниманія этотъ признакъ. Имѣетъ ли общество индивидуальную форму? Если оно есть организмъ, то должна быть и органическая форма, принадлежащая обществу человѣческому. Да, общество имѣетъ форму, или по крайней мѣрѣ можетъ имѣть форму; не всякое общество доростаетъ до того, чтобы имѣть форму. Такою формою общественной жизни является *государство*; существуютъ и науки о государствѣ, разсматривающія его съ разныхъ сторонъ,—науки юридическія. Науки эти по самому предмету своему имѣютъ характеръ по преимуществу формальный, и оттого не удовлетворяютъ эволюціонистовъ, которые смотрятъ на юриспруденцію, какъ на устарѣлую форму науки; соціологія наука объ обществѣ, а не о государствѣ, должна замѣнить и исторію и юриспруденцію. Теперь спрашивается, какъ смотрѣть на государство, которое есть форма общественной жизни? Есть-ли это форма, создаваемая самой природой, подобно тому, какъ она создаетъ формы растеній и животныхъ, или же форму эту изобрѣлъ самъ человѣкъ? Прежде думали, что государство—изобрѣтеніе человѣка: люди заключили между собою договоръ—отказаться отъ произвола и установить власть. Теперь никто уже такъ не думаетъ о происхожденіи государ-

ства. Тѣмъ не менѣе государство не есть произведеніе природы, а установленіе человѣческаго разума, установленіе совершившееся не сразу и произвольно, а медленно, постепенно и съ нѣкоторою только не физическою, а психическою, или точнѣе логическою необходимостію. Это значитъ, что государство было создано душею человѣческою; если бы душа, какъ полагаютъ эволюціонисты, была собраніемъ, сложностію особаго свойства явленій, то она не обладала бы творческою, формирующею силою.—Итакъ, нельзя смотрѣть на общество, какъ на организмъ, потому что формы организмовъ производятся природою,—рождаются (вѣдь природа значитъ рожденіе), а государство не рождается, а постепенно силою человѣческаго генія образуется. Общество, получившее опредѣленную форму—не организмъ, а только *организація*.

Тѣ, которые отвергаютъ такъ называемую органическую теорію общества, теперь такъ опредѣляютъ предметъ *соціологіи*. Предметомъ этой науки, говорятъ, должно быть взаимодѣйствіе (главнымъ образомъ психическое) членовъ общества. И въ отношеніи этого опредѣленія необходимо сдѣлать поправку и разумѣется не въ духѣ эволюціонизма. Не самое взаимодѣйствіе членовъ общества, совершающееся незамѣтно и теряющееся въ такихъ мелочныхъ подробностяхъ, коорыхът ни выслѣдить, ни изучить невозможно, а только формы болѣе или менѣе постоянныя, формы взаимодѣйствія душъ человѣческихъ, могутъ быть наблюдаемы и изучаемы. Таковы формы: *бытъ семейный*, *бытъ родовой*, *сословный бытъ*, *корпоративный*, или *профессіональный*. Выше разъяснено было, что сложность сама по себѣ не есть признакъ ни усовершенія, ни относительнаго совершенства, а только можетъ соединяться съ нѣкоторымъ усовершеніемъ и совершенствомъ. Между тѣмъ, при рѣшеніи соціологическихъ вопросовъ, различіе въ степени сложности обыкновенно трактуется какъ различіе въ степени совершенства: выходитъ такъ, что чѣмъ сложнѣе извѣстная форма или состоя-

ніе жизни, тѣмъ совершеннѣе. Такъ, напр., семейная жизнь менѣе сложна, чѣмъ жизнь собственно общественная. На этомъ основаніи ограниченіе своей дѣятельности интересами семейнаго быта для просвѣщенной женщины представляется унизительнымъ, умаляющимъ ея достоинство. Общественная дѣятельность—хотя бы и незначительная, съ этой точки зрѣнія представляется болѣе почетною, нежели хозяйственная и воспитательная дѣятельность въ семьѣ. Такая неправильная оцѣнка дѣятельности по степени сложности,—при томъ же не самой дѣятельности, а только того круга общественнаго, къ которой дѣятельность относится и придаетъ женскому вопросу ту остроту, которой, разумѣется, не было бы, если бы этотъ вопросъ ставился исключительно на почвѣ практической и никакъ не въ связи съ эволюціонной теоріей.

Жизнь городская, какъ болѣе сложная, также считается совершеннѣе деревенской; поэтому, утратившіе человѣческій образъ бездомные и ни къ чему не могущіе себя пристроить герои Максима Горькаго, какъ принадлежащіе къ болѣе цивилизованному городскому населенію, должны быть поставлены выше деревенскихъ мужиковъ-земледѣльцевъ.

Постепенное усложненіе общественнаго устройства, именно усложняющее дифференцированіе, интегрированіе въ этой области, по эволюціонной теоріи, состоитъ въ томъ, что первобытное раздѣленіе общества на замкнутыя касты смѣняется болѣе смягченнымъ и подвижнымъ раздѣленіемъ на сословія, а послѣднее также, въ свою очередь, мало-по-малу отходитъ въ область прошлаго, уступая мѣсто болѣе дробному дѣленію по занятіямъ, или профессіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и раздѣленіе между отдѣльными народами все болѣе уступаетъ мѣсто взаимообщенію народовъ; единство занятій, интересовъ, вообще единство цивилизаціи сближаетъ между собою людей, принадлежащихъ къ разнымъ національностямъ, а этимъ намѣчается идеалъ будущаго общечеловѣческаго

братства. Конечно, такое состояніе общественности, которое простиралось бы на все человѣчество, обнимало бы всѣ народы. не можетъ имѣть никакой опредѣленной единой формы: нельзя представить все человѣчество въ видѣ единаго государства. Отсюда, повидимому, слѣдуетъ, что прогрессъ состоитъ не въ томъ, что общежитіе получаетъ опредѣленную форму, а скорѣе въ устраненіи всякой формы; вмѣсто формы является все болѣе усложняющаяся *ассоціація*. Такое заключеніе нельзя признать вѣрнымъ. Обращаютъ вниманіе на то, что одна форма общежитія устраняется вслѣдъ за другою, но опускается изъ виду, что на мѣсто одного формирующаго начала при этомъ постепенно выступаетъ другое болѣе прочное начало: по мѣрѣ ослабленія сословныхъ разностей, съ самаго начала новой исторіи, все болѣе выступаетъ и получаетъ господство принципъ національности. Поэтому идея общечеловѣческаго братства въ смыслѣ общежитія, свободнаго отъ всякихъ формальныхъ началъ, есть праздная мечта, не имѣющая для себя никакого реальнаго основанія. Или общежитіе, долженствующее обнять все человѣчество, будетъ имѣть форму (т. е. правила), въ такомъ случаѣ всегда найдутся такіе, которые будутъ отрицать эту форму, или будетъ состояніемъ безформеннымъ. Но это значитъ, что будетъ лишено всякихъ общественныхъ связей, слѣд. не будетъ братствомъ. Естественныя же влеченія (симпатія) могутъ образовать только небольшія группы.

Форма есть выраженіе начала дѣйствующаго цѣлесообразно, начала духовнаго, которое противоположно матеріальной сторонѣ жизни. Подъ формою разумѣется здѣсь не произвольно измышленный порядокъ, а то направленіе или тотъ строй духовнаго бытія, который образуется дѣйствіемъ организующихъ духовныхъ силъ жизни. Въ матеріальной сторонѣ жизни мы дѣйствительно видимъ сложность и постепенное усложненіе. Говорятъ, что по мѣрѣ развитія жизни умно-

жаются потребности. На самомъ дѣлѣ не потребности умножаются, а умножаются и дѣлаются болѣе разнообразными *средства* къ удовлетворенію потребностей. Законъ, свойственный духовной сторонѣ жизни, состоитъ, напротивъ, не въ усложненіи, а въ стремленіи къ единству и цѣльности. Духовно человѣкъ, при всѣхъ перемѣнахъ, остается все тѣмъ же. Матеріальныя условія жизни, обстановка,—теперь совсѣмъ иныя, чѣмъ были прежде; но въ умственной сферѣ древніе намъ столь же близки, какъ и современники наши. Эволюціонная теорія обращаетъ вниманіе лишь на матеріальную сторону жизни. Такъ называемый экономическій или историческій матеріализмъ прямо выставляетъ въ качествѣ принципа то положеніе, что въ исторіи наиболѣе важенъ и заслуживаетъ преимущественнаго изученія матеріальный прогрессъ, что въ этомъ сущность культуры. Въ связи съ этимъ находится преобладаніе въ настоящее время экономическихъ понятій и взглядовъ. Съ точки зрѣнія экономической все разсматривается, даже мышленіе. Принципъ раздѣленія труда, имѣющій большое значеніе въ области экономической, считается всеобщимъ закономъ жизненныхъ явленій. Всякаго рода производительность и въ научной области, и въ художественной, называется просто *работой*; это значитъ, что преимущественное вниманіе обращается на процессъ труда, какъ элементъ соотвѣтствующій понятію эволюціи, а не на форму и продуктъ труда; всѣ производители образуютъ одинъ общій классъ рабочихъ. Отъ исключительнаго вниманія къ матеріальной сторонѣ жизни и пренебреженія къ изученію и разработкѣ гораздо болѣе важной—идеальной или духовной ея стороны происходятъ тѣ бьющія всѣмъ въ глаза явленія, которыя можно признать характеристическими для нашего времени. Едва ли когда было столько яркихъ противорѣчій и контрастовъ, какъ въ наше время, которое поэтому одними чрезмѣрно восхваляется, а другими столь же

безмѣрно охуждается и порицается. Одни указываютъ на поразительные успѣхи цивилизаціи, на быстрое развитіе и повсемѣстное распространеніе культуры, на смягченіе нравовъ, на господство гуманности, другіе же въ самыхъ яркихъ краскахъ изображаютъ пустоту жизни, пошлость интересовъ, измелчаніе человѣчества. Въ особенности поразительно вотъ какое противорѣчіе. Никогда, кажется, не былъ болѣе развитъ духъ общенія во всѣхъ сферахъ труда; достаточно упомянуть о постоянныхъ съѣздахъ разнаго рода дѣятелей, о выставкахъ, которыя привлекаютъ людей, можно сказать, со всѣхъ концовъ міра, о небываломъ никогда прежде въ такихъ размѣрахъ оживленіи международныхъ сношеній и оффиціальныхъ и частныхъ, объ устроеніи всякаго рода постоянно дѣйствующихъ обществъ: духъ общественности до такой степени возобладалъ, что рѣшительно всѣ хотятъ быть участниками въ какой-либо дѣятельности общественной. Обмѣнъ дѣловыхъ свѣдѣній, мыслей и чувствъ быстро совершается въ огромныхъ размѣрахъ; можно сказать, что исторія дѣлается не скрытыми таинственными путями, но на виду у всѣхъ. Это только одна сторона современнаго состоянія. Посмотримъ на другую. Принципъ раздѣленія труда, которому теперь придается такое важное значеніе, все болѣе развиваясь, привелъ, наконецъ, къ такой спеціализаціи труда, что каждому дѣятелю приходится ограничивать себя самыми узкими и тѣсными предѣлами: рабочій на фабрикѣ постоянно исполняетъ такую незначительную и мелкую часть общаго дѣла, что трудно даже имѣть ему ясное общее представленіе о дѣлѣ, которому онъ служитъ въ полномъ его составѣ, ученый спеціалистъ ограничиваетъ свои постоянныя занятія столь узкими предѣлами, что не въ состояніи овладѣть въ достаточной полнотѣ даже тою наукою, къ которой относится его спеціальность, а необходимыя для каждаго общественнаго дѣятеля, общія воззрѣнія, сужденія и взгляды, по основнымъ вопро-

самъ жизни, приходится просто заимствовать изъ газетъ и журналовъ вмѣсто того, чтобы вырабатывать ихъ своими силами. Отсюда такъ мало серьезной критики въ наше время, такое легковѣріе въ отношеніи ко взглядамъ распространеннымъ, т. е. распространяемымъ въ обществѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ господство въ настоящее время производства машиннымъ способомъ, вмѣсто бывшаго прежде ручного труда, оказываетъ такое подавляющее дѣйствіе на жизнь, что аккуратность, исправность и машинообразная точность во всемъ сдѣлались главными требованіями; поэтому, можно сказать, что мы не живемъ, а какъ-бы несемъ на себѣ бремя жизни; удивляться ли тому, что такъ часты самоубійства, столь распространены болѣзни нервныя и душевныя. Крайне желательны серьезность, трудолюбіе и настойчивость во всемъ, и въ ученіи, и въ исполненіи должностныхъ обязанностей. Но качества эти не могутъ быть добыты принужденіемъ, давленіемъ чисто механическимъ насильственнымъ. Вмѣсто серьезности и дѣловитости преобладаніе механическаго труда и сообразнаго съ тѣмъ машинообразнаго жизненнаго строя рождаетъ лишь страсть къ развлеченіямъ, и какъ послѣдствіе этой страсти жажду обогащенія во что бы то ни стало; страсть къ развлеченіямъ и серьезныя занятія обращаетъ въ простое препровожденіе времени. Несомнѣнно, что главная причина столь яркихъ противорѣчій нашего времени заключается въ игнорированіи важнаго различія между духовными, иначе идеальными и матеріальными интересами, между духовною и тѣлесною сторонами человѣческаго существа. Эволюціонизмъ, которому принадлежитъ такое обширное вліяніе въ наше время все обезразличиваетъ, ко всему прилагаетъ одну мѣрку, научаетъ индиферентно относиться къ жизненнымъ явленіямъ, ничему не удивляться, ничего ни одобрять, ни порицать. На самомъ же дѣлѣ постепенное усложненіе можно признать закономъ единственно только ма-

теріальной стороны жизни. Но въ области духа господствуетъ иной законъ. Здѣсь закономъ, какъ сказано, является стремленіе къ единству и сосредоточенности. Духъ человѣка въ умственной сферѣ проявляетъ себя тѣмъ, что разнообразное сводитъ къ единству, сложное возводитъ къ простому, во всемъ ищетъ яснаго, простого и согласнаго. Съ точки зрѣнія духовнаго развитія важнѣе всего принципы, основныя начала, которыя всегда просты. Сложность и разнообразіе относятся къ обнаруженіямъ принциповъ, къ отдѣльнымъ фактамъ, а не къ законамъ. Извѣстно, что философы всегда сложности и многообразію жизни предпочитали простоту и скромность привычекъ. Пушкинъ сказалъ вѣрно, что служеніе музамъ не терпитъ суеты, а служеніе музамъ—это вся духовная дѣятельность простая и единая во всемъ многоразличіи своихъ проявленій. Разнообразіе, если въ немъ нѣтъ единства, только утомляетъ и разсѣеваетъ. Недаромъ когда то у насъ было такъ много говорено объ *опрощеніи* (идеалъ противоположный усложненію). Въ этихъ рѣчахъ проявилась нѣкоторая догадка объ истинѣ.

Нигдѣ, быть можетъ, не выступаетъ съ такою ясностію и не имѣетъ такой важности разность между явленіями духовной стороны жизни и явленіями стороны матеріальной,—какъ въ дѣятельности педагогической. Иное дѣло физическое воспитаніе, тѣлесныя гимнастическія упражненія и опять иное дѣло развитіе умственное, духовное. Задачи того и другого воспитанія и образованія разными способами и помощію разныхъ средствъ выполняются. Но эволюціонная теорія оказываетъ свое вліяніе и на пониманіе школьнаго дѣла. И приспособленіе къ условіямъ жизни и неизбѣжная для каждаго въ жизни борьба за существованіе, и сложность современной жизни, требующая будто бы сложнаго образованія, отъ чего происходитъ многопредметность школьной программы и разнообразныхъ знаній—все идетъ въ ходъ. Формальный элементъ, всегда

имѣвшій важное значеніе въ умственномъ развитіи, по возможности устраняется. Формальному развитію ума предпочитается усвоеніе реальныхъ знаній. Между тѣмъ, какъ въ организмѣ тѣлесномъ важное значеніе имѣетъ устройство, т. е. форма, на которую постоянно наталкивается эволюціонная теорія, столь же важное значеніе принадлежитъ формальной дѣятельности мышленія въ строѣ душевной или духовной жизни. Важно, поэтому, возбуждать и развивать мышленіе. Теперь много говорятъ о волѣ, о необходимости ея развитія и укрѣпленія. Но человѣкъ, лишенный всякихъ убѣжденій, не можетъ обладать крѣпкою и сильною волею. А безъ мыслительной работы можно ли пріобрѣсти какія либо убѣжденія.

Выше показано, что въ понятіи развитія эволюціоная теорія обращаетъ главное вниманіе на начальный исходный пунктъ развитія, а не на конечный. Между тѣмъ, только конечный пунктъ въ ряду перемѣнъ, составляющихъ процессъ развитія, именно и даетъ этому ряду перемѣнъ характеръ и значеніе развитія, ибо развитіе есть постепенное приближеніе въ порядкѣ восходящемъ къ желаемой цѣли, которая и есть конечный пунктъ развитія. Пока мы только употребляемъ усилія приблизиться къ конечному пункту, къ желаемой цѣли, этотъ пунктъ и цѣль эта представляется намъ какъ идеалъ. Итакъ, очевидно, оставляя безъ вниманія конечный пунктъ развитія, а признавая существенно важнымъ только начальный пунктъ перемѣнъ, эволюціонная теорія, въ сущности, отрицаетъ возможность и необходимость имѣть какой-либо идеалъ. Она, какъ говорятъ, трезво смотритъ на жизнь; она признаетъ важнымъ и необходимымъ только приспособленіе къ даннымъ условіямъ жизни, но не возвышеніе надъ ними. А это значитъ, что эволюціонная теорія, въ сущности, отрицаетъ идею развитія, ибо гдѣ нѣтъ восхожденія отъ низшаго къ высшему тамъ нѣтъ развитія, а только простая измѣняемость, то есть смѣна такихъ пере-

мѣнъ, изъ которыхъ одна ни лучше, ни хуже другой. Стало быть остается только жить такъ, какъ живется. Такого рода пассивность вполнѣ въ духѣ теоріи эволюціонной. Конечно, въ дѣйствительности мало кто такому правилу вполнѣ слѣдуетъ. Но это показываетъ лишь, до какой степени несообразна эволюціонная теорія со свойствами человѣческой натуры. Къ человѣку она не приспособлена, выражаясь языкомъ эволюціонной теоріи, ибо основанія свои она заимствуетъ, прежде всего и даже главнымъ образомъ, изъ природы мертвой, а за тѣмъ отчасти изъ наблюденій надъ жизненными явленіями низшихъ организмовъ, а также и самого человѣка, но только ограничивая въ этомъ случаѣ поле наблюденій лишь физическими данными, которыхъ, конечно, недостаточно для сужденій о человѣкѣ вообще. Впрочемъ, возможно все-таки жить, какъ живется, т. е. вполнѣ въ духѣ эволюціонной теоріи. Но въ дѣлѣ педагогическомъ никакимъ образомъ нельзя обходиться безъ идеала, безъ предварительнаго опредѣленія въ общихъ чертахъ конечной цѣли воспитательнаго и образовательнаго процесса. Поэтому эволюціонная теорія къ школьному дѣлу совершенно не примѣнима; если же и примѣняется,—воззрѣнія, распространенныя въ общественной жизни, не могутъ не воздѣйствовать на школу,—то это можетъ вести только къ пониженію уровня педагогическихъ понятій, къ ослабленію и упадку воспитательнаго и образовательнаго дѣла. Бездушный практицизмъ и реализмъ низменный въ состояніи лишь разрушить всякіе благородные и чистые зародыши духовной энергіи, изъ которыхъ развиваются высшія стремленія. Говорятъ иногда въ духѣ эволюціоннаго реализма, что развить въ молодой душѣ склонность къ идеальничанью и фантазерству значитъ сдѣлать человѣка на всю живнь жертвою мучительнаго разлада между суровыми требованіями жизни реальной и не имѣющими для себя въ этой жизни никакого оправданія иллюзіями,

чрезмѣрными вождѣленіями. Но это явное недоразумѣніе. Человѣкъ въ юные годы не можетъ обходиться безъ фантастическихъ плановъ и предположеній о будущемъ, но то важно въ какомъ духѣ и направленіи работаетъ фантазія. Реалистическое направленіе духа, именуемое обыкновенно трезвымъ, практичнымъ дѣйствительно можетъ возбудить и воспитать неумѣренныя требованія отъ жизни, направляя вниманіе въ сторону благъ матеріальныхъ. Но стремленія характера идеальнаго требуютъ для осуществленія ихъ, разумѣется по мѣрѣ силъ, въ матеріальномъ отношеніи—не многаго. Человѣкъ съ идеалистическимъ настроеніемъ съумѣетъ найти для себя удовлетвореніе и въ самомъ скромномъ положеніи.

Важнѣйшій признакъ серьезно образованнаго человѣка, прошедшаго хорошую школу и много потрудившагося надъ развитіемъ, разработкою своихъ духовныхъ силъ—это умѣнье различать главное отъ второстепеннаго и менѣе важнаго. Такое умѣнье даетъ возможность сложное упрощать, въ разнообразномъ и пестромъ зрѣлищѣ природы и жизни усматривать простые, основные законы и начала и все болѣе или менѣе сводить къ нимъ и ими освѣщать. Исторія наукъ свидѣтельствуетъ, что теоріи наиболѣе сложныя и запутанныя оказывались невѣрными, а теоріи болѣе простыя и не столь сложныя болѣе близки къ истинѣ. Единство и стремленіе къ единству—вотъ важнѣйшая черта человѣческаго духа. Единство и сосредоточенность сознанія дѣлаютъ духъ человѣка сильнымъ, способнымъ къ твердости, самообладанію и постоянству. Худо, если центръ душевный усложненіемъ жизни подавленъ и ослабленъ; тогда вмѣсто единства и гармоніи является въ душѣ хаосъ. Итакъ, допустимъ, что въ области матеріальныхъ интересовъ и тѣлесной природѣ сложность и усложненіе означаетъ развитіе, усовершеніе. Но въ области духа—простота важнѣе. Поэтому нельзя не желать, чтобы

во всѣхъ нашихъ отношеніяхъ жизненныхъ было какъ можно болѣе ясности, простоты и прямоты. Въ заключеніе остается разъяснить,—почему заслуживаетъ особаго вниманія то, господствующее нынѣ, пониманіе развитія, которое извѣстно подъ названіемъ эволюціонизма, ученія объ эволюціи, и почему важно убѣдиться въ неправильности этого пониманія процесса развитія.

Дѣло въ томъ, что съ точки зрѣнія эволюціонизма, т. е. понятія о развитіи расширеннаго въ смыслѣ всеобщей измѣняемости, въ смыслѣ закона или принципа дѣйствительности вообще,—исчезаетъ важное для человѣческой жизни различіе между основными ея началами и временными состояніями, переходными ея фазами. Утверждая всеобщую измѣняемость, какъ основной законъ дѣйствительности, эволюціонизмъ чрезъ то и жизнь человѣческую, можно сказать, все бытіе человѣчества, всю его исторію, превращаетъ въ одну изъ перемѣнъ, въ отдѣльный моментъ мірового бытія. Понятно, что съ этой точки зрѣнія различіе между основными началами или формами человѣческой жизни и ея преходящими состояніями оказывается не имѣющимъ существенной важности, ибо состоитъ лишь въ неодинаковой продолжительности во времени. Такія формы жизни, какъ семья, государство, не говоря уже о раздѣленіи общества на классы, сословія, обыкновенно признаются столь необходимыми и существенно важными, что, помимо этихъ формъ, нормальное теченіе и состояніе человѣческой жизни представляется немыслимымъ. Съ точки же зрѣнія эволюціонной,—такъ какъ самыя эти формы въ разное время у того же народа и въ одно время у разныхъ народовъ являются въ неодинаковомъ видѣ, слѣдовательно, подлежатъ измѣняемости, то и вообще не необходимо существуютъ, такъ что человѣчество можетъ обходиться и безъ этихъ формъ своего общежитія. Или возьмемъ не формы быта, а формы дѣятельности,—это

суть религія, наука, искусство, промышленность. И эти формы, по всей видимости, составляютъ необходимую принадлежность человѣческой жизни; конечно, какъ все человѣческое, формы эти подлежатъ закону развитія; сначала существуютъ какъ бы въ зачаточномъ несовершенномъ состояніи, затѣмъ постепенно усовершаются, и если та или иная форма жизнедѣятельности человѣческой приходитъ въ упадокъ, то вѣдь такое состояніе обыкновенно признается нарушеніемъ нормальнаго теченія человѣческой жизни, отступленіемъ отъ нормы, состояніемъ несовершеннымъ. Но такая характеристика жизненныхъ состояній, какъ предполагающая принципъ цѣлесообразности, съ точки зрѣнія эволюціонизма, отвергающаго этотъ принципъ, недопустима. Понятія о совершенномъ и несовершенномъ, объ упадкѣ и восхожденіи на степень высшую эволюціонизмъ отрицаетъ, какъ субъективизмъ; съ объективной же точки зрѣнія, жизнь представляетъ смѣну состояній ни хорошихъ, ни худыхъ, ибо *одинаково необходимыхъ*: если религіозная вѣра теперь въ упадкѣ, то значитъ время для нея прошло или проходитъ и напраснымъ было бы трудомъ пытаться возстановить прежнее; правда, какъ бы по инерціи продолжается нѣкоторое время существованіе того, что уже пережито, но главное русло, наиболѣе энергичное теченіе жизни идетъ мимо этого пережитка старины. Такъ слѣдуетъ разсуждать, если руководиться ученіемъ объ эволюціи, какъ необходимомъ законѣ дѣйствительности. Въ духѣ этого ученія слѣдуетъ утверждать, что настанетъ конецъ также и для такихъ формъ дѣятельности, какъ искусство и наука, и чтожъ? Слѣдуетъ ли признать желательнымъ такое состояніе человѣчества, когда не будетъ ни религіи, ни искусства, ни науки, а будетъ развѣ только одна промышленность и то, въ мѣру необходимости,—настолько, чтобы могло существовать общество. Это, конечно, будетъ состояніе равенства и братства, но та-

кое ли равенство желательно? Эволюціонистъ можетъ сказать на это слѣдующее: умѣстно говорить лишь такъ, что къ этому, а не иному направляется ходъ исторіи, что эволюція человѣческой жизни неминуемо произойдетъ такъ или иначе, что отъ насъ зависитъ замедлить, либо ускорить прогрессъ общественной жизни, а совершенно измѣнить ходъ исторіи мы не можемъ. Но если не слѣдуетъ различать совершеннаго состоянія жизни отъ несовершеннаго, нормальнаго отъ ненормальнаго, возвышенія отъ упадка, то равнымъ образомъ не слѣдовало бы также говорить о прогрессѣ и регрессѣ. Съ другой стороны, если въ нашей власти задержать или ускорить эволюцію жизни, то и это много значитъ; достаточно и этого, чтобы усомниться въ правильности эволюціонаго взгляда на жизнь человѣческую. По теоріи Дарвина формы организмовъ измѣняются, т. е. преобразуются съ необычайною медленностію, такъ медленно, что за весь историческій періодъ человѣчества не замѣчено ни малѣйшаго измѣненія существующихъ органическихъ формъ. Если эволюція есть общій законъ природы и потому одинаково повсюду дѣйствуетъ, то слѣдуетъ полагать, что начала человѣческаго бытія, формы жизни и дѣятельности человѣческой должны бы измѣняться съ такою же медленностію. Но къ удивленію къ формамъ человѣческой исторической жизни прилагается совсѣмъ иная мѣрка: оказывается, напр., по ученію Конта, что въ исторіи умственнаго развитія человѣчества уже пройдены періоды теологическій (т. е. религіозный) и метафизическій, а теперь уже наступилъ періодъ господства науки. Другіе изъ эволюціонистовъ религіозное міросозерцаніе считаютъ принадлежностію средневѣковой эпохи; если такъ скоро протекла эпоха религіознаго быта, то надо полагать, что съ не меньшею и даже, пожалуй, съ большею скоростію человѣчество переживатъ господство науки и затѣмъ настанетъ періодъ невѣжества и варварства.

Чтобы оправдать такую скорость эволюціи въ области явленій человѣческаго бытія, говорятъ, что съ теченіемъ времени ходъ исторической эволюціи въ человѣческой жизни все болѣе ускоряется. Но почему же это такъ? Отчего мы не видимъ такого же ускоренія въ природѣ? Не зависитъ ли это ускореніе отъ человѣческой воли. И если точно это есть результатъ добровольныхъ и намѣренныхъ человѣческихъ усилій, то эволюція очевидно не есть необходимый, самъ по себѣ помимо человѣческой воли дѣйствующій законъ, а есть только мысль, идея, прилагаемая къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ явленій человѣческой жизни, а самое ускореніе едва ли можно считать признакомъ утѣшительнымъ. Дѣло въ томъ, что, какъ сказано въ началѣ нашего разсужденія, всякая созидательная, творческая перемѣна, дѣйствительное, а не воображаемое развитіе происходитъ медленно, постепенно, съ большимъ трудомъ осуществляется, а быстро происходитъ только процессъ разрушенія. Впрочемъ, эволюція, какъ она понимается эволюціонистами, должна означать и то и другое, и созиданіе и разрушеніе,—даже скорѣе послѣднее, чѣмъ первое.

Начала общественной жизни.

Общественность—свойство не нажитое человѣкомъ, но первоначальное, всегдашнее и необходимое. Нельзя представить, чтобы человѣкъ жилъ когда-либо одинокимъ совершенно, а не въ состояніи общественности, разумѣя подъ общественностію такое или иное, близкое или отдаленное, посредственное или непосредственное, непрерывное или съ прерывами, отношеніе одного человѣка къ другому или къ другимъ. Надо признать безспорнымъ то Аристотелевское понятіе о человѣкѣ, что онъ есть существо общежительное. Какъ бы мы ни представляли самое первобытное состояніе человѣка, необходимо допустить, по крайней мѣрѣ, существованіе семьи, семейной жизни и въ то первоначальное время, а семья есть форма общенія, общежитія: племя, народъ, общество, государство есть прежде всего разросшаяся семья; кровная связь—основа національности; единство происхожденія всѣхъ людей естественное вѣрованіе, изъ котораго исходитъ потребность общенія между народами. Поэтому можетъ показаться страннымъ, что наука о такомъ явленіи, начало котораго по времени совпадаетъ съ происхожденіемъ человѣка на землѣ, наука объ общественной жизни возникла такъ поздно—уже въ наше время. Разумѣемъ *соціологію*, основанную извѣстнымъ французскимъ философомъ *Контомъ*. Что можетъ быть ближе и интереснѣе общественной жизни для человѣка; почему же эта жизнь только въ недавнее время сдѣлалась предметомъ научнаго изслѣдованія? Дѣло въ томъ, что исторія,

какъ письменное повѣствованіе о прошломъ извѣстнаго народа, существуетъ съ древнѣйшаго времени, а развѣ это не наука о жизни общественной? И о временахъ до-историческихъ существовали преданія, которыя затѣмъ были записаны и также послужили матеріаломъ для письменныхъ сказаній о временахъ давно минувшихъ. Правда, исторія сообщаетъ лишь фактическія свѣдѣнія; она повѣствуетъ объ отдѣльныхъ случаяхъ, отдѣльныхъ лицахъ, объ отдѣльныхъ событіяхъ, а такого рода свѣдѣнія, какъ чисто эмпирическія, не составляютъ научнаго знанія; содержаніемъ научнаго знанія можетъ быть только общее, а не отдѣльное, частное, то общее, что добывается посредствомъ анализа, критическаго изслѣдованія отдѣльныхъ фактовъ. Но критическій элементъ, этотъ необходимый признакъ научнаго знанія, входитъ и въ историческое повѣствованіе: требуется критическая провѣрка свѣдѣній, заимствуемыхъ историкомъ изъ извѣстныхъ, не всегда вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ, а хотя бы и достовѣрныхъ, но относительно которыхъ надо еще установить ихъ достовѣрность; въ исторію входитъ также психологическій анализъ душевныхъ состояній, побужденій и намѣреній, служившихъ подкладкою повѣствуемыхъ событій, а для этого нужны большая наблюдательность и практическая опытность. Если такого рода данныя—критическій смыслъ, наблюдательность, практическая опытность и проницательность имѣются у историка, то, кромѣ повѣствованій, отъ такого историка всегда можно ожидать и общихъ выводовъ, имѣющихъ безспорное научное значеніе. Допустимъ, что и этого недостаточно, чтобы признать полную научность исторической науки. Присоединимъ въ такомъ случаѣ къ исторіи еще философію исторіи, задача которой состоитъ въ томъ, чтобы выработать общія положенія и понятія, необходимыя для разсмотрѣнія исторической жизни народовъ, всего человѣчества. Кромѣ исторіи отдѣльныхъ народовъ есть еще такъ называемая всеобщая исторія, исторія человѣчества. Что же это за исторія? Если

это только сборникъ свѣдѣній о разныхъ народахъ, такъ сказать, историческая энциклопедія, то это не наука въ строгомъ смыслѣ, ибо систематическое единство, зависящее отъ единства предмета или господствующей идеи,—необходимая принадлежность науки. Ясно, что идею исторической общности, единства исторической жизни, объемлющаго если не всѣ, то важнѣйшіе народы, должна выработать и развить философія; поэтому всеобщая, всемірная исторія не что иное, какъ примѣненіе выработанныхъ философіей общихъ идей объ жизни общественной въ ея элементахъ и историческомъ развитіи, къ разсмотрѣнію историческихъ событій всѣхъ народовъ—древнихъ и новыхъ. Не очевидно ли, что соціологія только другое названіе для философіи исторіи? Но недаромъ придумано это другое названіе: дѣло въ томъ, что хотя соціологія также имѣетъ въ виду представить общій взглядъ на историческую жизнь человѣчества, освѣтить и осмыслить эту жизнь чрезъ примѣненіе къ разсмотрѣнію ея нѣкоторыхъ общихъ началъ, но главнымъ предметомъ для соціологіи служитъ устройство жизни общественной, изслѣдованіе объ элементахъ этой жизни и ихъ взаимоотношеніи. До такой степени соціологія занята изслѣдованіемъ вопросовъ объ устройствѣ жизни общественной, что значеніе историческаго преемства въ этой жизни, вообще исторической ея стороны, обыкновенно вовсе оставляется безъ вниманія; если соціологи и пользуются исторіей, то единственно для иллюстраціи и подкрѣпленія нѣкоторыхъ своихъ общихъ положеній, систематическое же изложеніе историческихъ взглядовъ у нихъ обыкновенно отсутствуетъ. И все же соціологія есть философія, хотя съ философіей исторіи не совпадаетъ вполнѣ. Поэтому соціологическія понятія и теоріи должны подлежать философской критикѣ, т. е. мы должны разсматривать эти понятія и теоріи съ точки зрѣнія требованій разума, именно—съ точки зрѣнія логической ихъ состоятельности и практической цѣлесообразности. Этими тре-

бованіями предполагается существованіе непреложныхъ началъ общественной жизни, началъ такого свойства, что къ познанію и выясненію ихъ существуетъ одинъ только путь,— путь самосознанія; главное значеніе на этомъ пути принадлежитъ дѣятельности мышленія анализирующаго и умозаключающаго; необходима работа мысли вдумчивой и осторожной, а не простая неразборчивая ссылка на какія-либо фактическія данныя. Всякаго рода фактическія данныя требуютъ разбора и критики; кто ограничивается простымъ указаніемъ на какіе-либо примѣры и факты безъ дальнѣйшаго ихъ разъясненія и анализа, ничего этимъ не доказываетъ; въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно такъ выражаются: вотъ примѣръ, вотъ фактъ, говорящій самъ за себя, но факты могутъ говорить что-нибудь только тѣмъ, кто уже обладаетъ ясными и твердыми понятіями о предметѣ; при отсутствіи же таковыхъ, при наличности такъ называемой умственной смуты, одинъ и тотъ же фактъ однимъ говоритъ одно, а другимъ совсѣмъ иное, или даже совсѣмъ ничего не говоритъ.

I.

Общество и индивидуумъ. Оцѣнка общественности. Индивидуализмъ и соціализмъ.

Общество есть цѣлое, состоящее изъ отдѣльныхъ лицъ. Это понятіе объ обществѣ самое простое, но недостаточное. Не всякое собраніе отдѣльныхъ лицъ можетъ быть названо обществомъ; бываютъ такія собранія лицъ, которымъ болѣе приличествуютъ названія толпы, сборища. Общество есть не безпорядочное и случайное, а извѣстнымъ образомъ и для извѣстной цѣли организованное собраніе лицъ. Необходимо, далѣе, различать искусственную организацію и естественную: одна вырабатывается путемъ теоріи, другая — практическимъ

путемъ, путемъ историческаго опыта и потому образуется не сразу, а постепенно. Организація, сложившаяся послѣднимъ способомъ – исторически несравненно прочнѣе и обыкновенно обширнѣе, нежели организація искусственно образованная, сразу. Такъ частныя общества, образуемыя для разныхъ спеціальныхъ цѣлей—ученыя, коммерческія товарищества и иныя, сами вырабатываютъ планъ своей организаціи и затѣмъ начертанный планъ приводятъ въ исполненіе, но даже и для такихъ обществъ приходится, по указанію обстоятельствъ и практическихъ условій, видоизмѣнять различнымъ образомъ теоретически начертанный планъ своей организаціи; между тѣмъ возникновеніе частныхъ обществъ со спеціальными цѣлями возможно лишь въ предѣлахъ большого общества, именуемаго государствомъ, организація котораго сложилась постепенно путемъ историческимъ, и на почвѣ порядка установившагося тѣмъ же способомъ. Обыкновенно общество противополагаютъ государству, но это противоположеніе имѣетъ такое же условное и относительное значеніе, какъ противоположность между *я* и *ты*. Я и ты—два лица, противостоящія другъ другу въ частныхъ случаяхъ, а съ общей точки зрѣнія являются членами единаго цѣлаго,—семьи, напр., или частнаго общества. Противоположность государства и общества состоитъ въ раздѣленіи общества на правительство и управляемыхъ: ни существованіе правительства немыслимо безъ управляемыхъ, ни наоборотъ. Государство—высшая форма общественной жизни, выработанная исторіей. Тѣ, которые желали бы устранить противоположность общества и государства, требуя, чтобы общество само собою управлялось, для чего оказалось бы неизбѣжнымъ раздѣлить государство на малыя общества (федерація)—ибо только малое общество можетъ управляться само собою и чрезъ себя—очевидно стремятся общество, достигшее высшей формы существованія, возвратить къ давно пережитому первобытному состоянію: государственному

быту предшествуетъ бытъ общинный, родовой или племенной, когда общество управлялось на основаніи обычнаго права, а не писанныхъ законовъ. Впрочемъ, и въ быту родовомъ все же существуетъ раздѣленіе, только менѣе совершенное по причинѣ несложности жизни въ такомъ обществѣ, на управляемыхъ и правителей, ибо лица стоящія во главѣ общества не вышедшаго еще изъ состоянія родового быта—родоначальникъ, старѣйшины — составляютъ правительство. Странно, что, признавая принципъ раздѣленія труда важнымъ и существеннымъ въ области экономической,—въ устройствѣ государства желаютъ устранить это самое столь необходимое начало. На правительственныхъ лицъ смотрятъ обыкновенно, какъ на привиллегированныхъ, пользующихся завидными преимуществами. Этимъ объясняется то явленіе, что едва-ли не всякій изъ общества считаетъ себя способнымъ участвовать въ управленіи государствомъ; въ этомъ сказывается лишь желаніе себѣ блага, соединенныхъ съ завиднымъ положеніемъ правительственнаго лица. Но слѣдуетъ въ особенности принимать во вниманіе обязанности, лежащія на лицахъ правительственныхъ и соединенную съ ними отвѣтственность: если взять во вниманіе эту сторону, то должно сознаться, что положеніе правительственныхъ лицъ вовсе не такъ привлекательно, какъ кажется.

Когда въ разсмотрѣніи общественной жизни исходятъ изъ того, недостаточнаго, какъ выше показано, понятія объ обществѣ, что это есть собраніе индивидуумовъ, то получается при этомъ такое представленіе, что индивидъ могъ бы и самъ по себѣ существовать внѣ всякихъ отношеній; вступая же въ общество и живя въ немъ, пріобрѣтаетъ общественныя склонности, а какъ общественныя склонности и составляютъ истинное достоинство человѣка, то оказывается такимъ образомъ, что только живя въ обществѣ, предаваясь общественнымъ интересамъ, принимая на себя ту или иную общественную дѣятельность, человѣкъ живетъ тогда

полною жизнью, ибо пользуется такими благами, какихъ, помимо общества, не могъ бы имѣть; жизнь изобилующая интересами общественными пріятнѣе и желательнѣе, чѣмъ жизнь просто индивидуальная, личная.

Когда восхваляютъ такимъ образомъ общественныя склонности, общественность, какъ свойства желательныя, о пріобрѣтеніи которыхъ слѣдуетъ заботиться, то общественность представляется при этомъ, какъ нѣчто добавочное къ индивидууму, получаемое имъ отъ общества. Индивидъ мыслится, какъ существо вполнѣ самостоятельное, существующее въ себѣ и чрезъ себя (монада); отношеніе къ иному, по этому представленію, есть какъ бы случайная принадлежность жизни индивидуальной. Но ужели общественность, общежительныя склонности прививаются къ человѣку подобно тому, какъ иные наживаютъ привычки—курить табакъ, пить вино,—привычки, которыхъ можно и не имѣть? Очевидно, что такое представленіе объ общественности и общественныхъ склонностяхъ недопустимо. А между тѣмъ индивидуализмъ, а тѣмъ болѣе анархизмъ такъ смотритъ на общественныя отношенія, именно какъ на нѣчто прибавочное къ индивиду, какъ на случайную принадлежность, отъ которой, пожалуй, не худо освободиться. Какъ противоположеніе общества государству можетъ имѣть нѣкоторое теоретическое значеніе, но въ смыслѣ практическомъ есть нелѣпость, такъ недопустимо и противоположеніе индивида обществу, ибо когда рѣшительно проводится въ практическую жизнь, то получаются несообразности, иногда бѣдственныя для общества.

Итакъ, повидимому, не слѣдуетъ восхвалять общественность и общественныя склонности и вмѣнять въ заслугу человѣку, ибо человѣкъ, въ силу необходимости своей природы, существо общежительное и инымъ быть не можетъ. Поэтому и стремленіе индивидуализма освободиться отъ общественныхъ связей, какъ чего-то тягостнаго

и подавляющаго индивидуальную свободу, также надо признать нелѣпымъ, противорѣчащимъ природѣ человѣка.

Нельзя разсматривать человѣка внѣ всякихъ отношеній, вполнѣ безотносительно. Основаніе для различныхъ отношеній заключается въ самой природѣ человѣка и потому отношенія эти не случайны для него. Таковы отношенія къ Богу, къ природѣ физической и къ людямъ. Это понятіе о принадлежности къ существу человѣка различныхъ отношеній обыкновенно такъ выражаютъ: какъ всякое живое существо, такъ и человѣкъ въ своемъ существованіи необходимо связанъ съ извѣстной средой; для отдѣльнаго человѣка необходимой средой служатъ природа и общество. Такъ какъ отношеніе къ средѣ, вообще къ внѣшнему міру не отдѣлимо отъ человѣка, заключено въ его природѣ, то, на этомъ основаніи, Спенсеръ, напр., полагаетъ, что ничего безусловнаго, безотносительнаго для человѣка нѣтъ и быть не можетъ, что все познаваемое нами познается не иначе, какъ состоящимъ въ различныхъ отношеніяхъ и что самъ человѣкъ есть поэтому лишенный всякой свободы (въ смыслѣ способности къ самоопредѣленію) продуктъ различныхъ отношеній къ средѣ. Но Спенсеръ не оцѣнилъ должнымъ образомъ, даже вовсе не принялъ во вниманіе того важнѣйшаго факта, что отъ человѣка зависитъ необходимымъ для него отношеніямъ въ извѣстной мѣрѣ придать характеръ отношеній свободныхъ, т. е. такихъ отношеній, которыя хотя имѣютъ основаніе свое въ его природѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ исходятъ изъ свободнаго самоопредѣленія его духа, и различнымъ образомъ имъ видоизмѣняются.

Конечно, человѣкъ является поставленнымъ уже въ началѣ своей жизни въ извѣстныя не имъ самимъ избранныя и установленныя отношенія, но этимъ не исключается возможность дальнѣйшаго, уже свободнаго, исходящаго отъ самаго человѣка, опредѣленія тѣхъ же отношеній, различнаго видоизмѣненія ихъ; вѣдь въ этомъ же и состоитъ раз-

витіе человѣка и составляетъ задачу его самодѣятельности. Только это не значитъ также, что всякія, въ особенности общественныя отношенія, человѣкъ можетъ измѣнять по произволу, признавать или не признавать по своему усмотрѣнію. Въ этомъ именно заключается заблужденіе индивидуализма. Индивидуализмъ того не разумѣетъ, что если къ нѣкоторымъ отношеніямъ нашимъ присоединяется сознаніе ихъ необходимости, то и это много значитъ въ видахъ осуществленія свободы. Будь всегда вѣренъ себѣ, а для этого стремись къ полной независимости, къ освобожденію себя отъ всѣхъ видовъ рабства,—и матеріальнаго, и духовнаго. Вотъ завѣтъ индивидуализма. Но чтобы быть самимъ собою, для этого необходимо развить и усовершенствовать, насколько возможно, себя самого, эту именно самость, свою личность; хорошо быть вѣрнымъ себѣ, хорошо это и для того, кто этому правилу слѣдуетъ, и для другихъ, но только если такой человѣкъ стоитъ чего-нибудь. Развитіе же и усовершеніе себя безъ содѣйствія въ этомъ разнообразныхъ общественныхъ отношеній невозможно. Поэтому индивидуализмъ, съ пренебреженіемъ относящійся къ обществу и связямъ общественнымъ, къ обязанностямъ общественнымъ ничего положительнаго, что заслуживало бы признанія и хоть сколько нибудь примиряло бы съ нимъ, не заключаетъ въ себѣ, и если переходитъ отъ словъ къ дѣлу, то становится силой разрушительной, могущей привести лишь къ дикости, первобытной грубости и варварству. Дѣйствительно, анархизмъ родственъ индивидуализму, будучи его крайнимъ послѣдствіемъ, въ которомъ индивидуализмъ, вмѣсто того, чтобы быть только теоретическимъ выраженіемъ недовольства, оппозиціи, превращается въ самодовлѣющій практическій принципъ. Индивидуализмъ требуетъ, правда, независимости и самодовлѣнія для личности, (личность ставитъ выше общества), но для личности сдѣлавшейся цѣнною, достигшею извѣстнаго общепризнаваемаго совершенства и могущей по-

этому въ своемъ родѣ служить образцомъ для другихъ (сверхчеловѣкъ). Но того же желаютъ и къ тому же стремятся и лица ничего нестоющія, или не достигшія настоящей общественной цѣнности и стремятся къ тому способами, соотвѣтственными ихъ грубости, дикости или незрѣлости.

Стремленіе къ полной индивидуальной независимости и пренебреженіе къ требованіямъ и необходимымъ условіямъ общественной жизни можетъ опираться лишь на томъ ложномъ представленіи, на которое выше указано, что общественность есть нѣчто прибавочное и какъ бы навязанное для самодовлѣющей природы отдѣльнаго лица. Такое представленіе, конечно, ложное въ сущности, дѣлается однако понятнымъ послѣ того, что выше сказано о необходимыхъ отношеніяхъ человѣка, что хотя отношенія эти и необходимы, но вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ и должны быть для него во многомъ и существенномъ предметомъ свободнаго самоопредѣленія. Похвалы, обыкновенно расточаемыя общественности, отождествляемой иногда съ нравственностію, какъ высшему достоинству человѣка и наиболѣе цѣнному качеству, сами по себѣ свидѣтельствуютъ о присущемъ естественному общему смыслу убѣжденіи, что общественность есть свойство, которое можетъ быть свободно принимаемо и отвергаемо, подлежитъ оцѣнкѣ,—т. е. одобренію и порицанію. Важно поэтому рѣшить вопросъ,—что считать лучшею, наиболѣе справедливою мѣрою для вѣрной оцѣнки этого рода достоинствъ, вообще—проявленій общественности.

Можно разсматривать и оцѣнивать явленія общественности съ точки зрѣнія *количественной или качественной*, или же съ той и другой вмѣстѣ. Съ количественной точки зрѣнія чѣмъ обширнѣе область интересовъ и чѣмъ большее количество лицъ объемлется извѣстнымъ общественнымъ отношеніемъ, или дѣятельностію, тѣмъ большее значеніе имѣетъ и тѣмъ цѣннѣе таковое общественное явленіе и такого рода дѣятельность. Разсуждая такимъ образомъ приходятъ къ

тому заключенію, что *космополитизмъ* есть высшее и наиболѣе цѣнное достоинство общественныхъ стремленій и дѣйствій. Ибо въ отношеніи количественномъ человѣчество, вмѣстѣ взятое, превосходитъ всякую иную менѣе ограниченную группу человѣческихъ индивидовъ. На этомъ основаніи— гуманность, благожелательное отношеніе ко всякимъ безразлично людямъ признается высшимъ достоинствомъ общественнаго дѣятеля: практически гуманность выражается въ томъ требованіи, невыполнимомъ, конечно, чтобы никто и никогда не былъ обиженъ, и замѣчательно, что самые жестокіе обидчики требуютъ гуманнаго къ себѣ отношенія. Съ той же количественной точки зрѣнія признается справедливымъ, чтобы въ рѣшеніи дѣлъ общественныхъ мнѣніе относительнаго большинства предпочитать голосу меньшинства, а тѣмъ болѣе отдѣльнаго лица. Космополитизмъ—это наиболѣе рѣшительное выраженіе односторонне количественной точки зрѣнія въ оцѣнкѣ явленій общественности,—въ практическомъ примѣненіи оказывается явною нелѣпостію, а вѣдь когда вопросъ поставленъ объ оцѣнкѣ явленій общественности, то въ этомъ случаѣ нужна мѣрка именно практическая. Человѣчество не можетъ быть объектомъ дѣятельности; въ практической жизни ничто меня не связываетъ съ человѣчествомъ и, наоборотъ, все связываетъ меня съ извѣстною ограниченною группою человѣчества. Посему человѣчество не есть реальная, конкретная сила, а только представляемая; поэтому на космополитическомъ принципѣ можетъ основываться не практическая реальная дѣятельность, а развѣ только мечтательный, фантастическій проектъ таковой. Соціализмъ дѣйствительно ничего не представляетъ собою, какъ только утопическія мечтанія о будущемъ состояніи человѣчества. Исходя изъ того предположенія, что справедливое должно быть таковымъ для всѣхъ людей безъ различія, соціализмъ стремится на этомъ космополитическомъ принципѣ основать практическую жизнь, не разумѣя того, что

одинъ и тотъ же принципъ не можетъ быть одинаково повсюду осуществляемъ, такъ какъ осуществленіе принципа зависитъ отъ реальныхъ условій, которыя повсюду различны, и стало быть иное дѣло принципъ, а иное—осуществленіе его. Вотъ почему соціализмъ, какъ и анархизмъ или индивидуализмъ, является въ практической жизни направленіемъ разрушительнымъ. Кто желаетъ служить интересамъ цѣлаго человѣчества, тому ничего не остается какъ съ пренебреженіемъ, вполнѣ безразлично относиться къ интересамъ всякой ограниченной группы. Но это невозможно, а потому кто выставляетъ, въ качествѣ принципа общественной дѣятельности, космополитизмъ, тотъ говоритъ такъ или по недоразумѣнію, недомыслію, или же съ намѣреніемъ ввести другихъ въ обманъ относительно дѣйствительныхъ своихъ мнѣній и стремленій. Указываютъ иногда на дѣятельность ученыхъ и художниковъ, какъ на имѣющую будто бы по существу характеръ космополитическій. На самомъ же дѣлѣ, поскольку эта дѣятельность состоитъ прежде всего въ изученіи науки или искусства, она имѣетъ характеръ индивидуалистическій, а поскольку является производительной, то она обнимаетъ главнымъ образомъ ближайшій къ дѣятелю общественный кругъ или ту ограниченную группу человѣчества, къ которой дѣятель принадлежитъ по рожденію и воспитанію, и съ которой связываетъ его единство языка, обычаевъ, преданій, образа жизни, вообще единство національнаго духа.

Съ точки зрѣнія качественной различно оцѣниваютъ общественную дѣятельность, смотря по тому, обнимаетъ ли она интересы по преимуществу матеріальные или же духовные. Съ этой точки зрѣнія различаютъ, напр., дѣятельность политическую, область интересовъ гражданскаго общества, а съ другой—дѣятельность и задачи Церкви. Серьезно было выражаемо мнѣніе даже въ наши дни (Достоевскій, Соловьевъ), что Церковь, какъ область высшихъ интересовъ—духовныхъ,

должна господствовать надъ государствомъ, какъ областью интересовъ мірскихъ, низшихъ по достоинству. Но матеріальныя средства необходимы и для того, чтобы царство духа могло даже существовать, а еще болѣе необходимы, если это царство стремится къ тому, чтобы процвѣтать и господствовать. Но относительно матеріальныхъ средствъ, какъ состоящихъ во власти государства, Церковь по необходимости всегда была и есть зависима отъ государства, почему и нуждается въ его покровительствѣ. Если же Церковь стала бы домогаться полной независимости отъ государства въ отношеніи матеріальныхъ средствъ, то пришлось бы ей самой сдѣлаться государствомъ, что и произошло въ католичествѣ, или пришлось бы снизойти въ рядъ частныхъ обществъ, но частныя общества всѣ подчинены власти государственной. Господство для Церкви въ обществахъ достижимо однимъ только путемъ, путемъ чуждаго всякой принудительности вліянія на умы и сердца. Принудительное же воздѣйствіе на общество съ цѣлью достичь господства духовныхъ интересовъ надъ мірскими, практиковавшееся, напр., въ средніе вѣка, привело только къ тому, что религіозная вѣра все больше теряетъ свой авторитетъ и общественное значеніе; царствомъ духа признается не столько Церковь, сколько отрѣшившіяся отъ ея власти и вліянія сферы науки и искусства, а съ тѣмъ вмѣстѣ матеріальные интересы пріобрѣтаютъ все большее и большее господство надъ умами, признаются самыми важными, а въ соціализмѣ, напр., такъ распространенномъ въ настоящее время, все вниманіе, всѣ помышленія и заботы обращены единственно на вопросъ о распространеніи въ обществѣ матеріальныхъ благъ. Соціализмъ отрицаетъ Церковь, отрицаетъ и государство, поскольку оно имѣетъ связь съ религіозной вѣрою. Всѣ почти Европейскія государства суть христіанскія, поэтому отрицаніе религіозной вѣры практически выражается тѣмъ, что признается равноправность съ христіанствомъ всѣхъ иныхъ

вѣроисповѣданій: рѣшительно преобладающее, по численности своей, большинство христіанъ сравнивается въ своихъ правахъ съ незначительнымъ меньшинствомъ иныхъ вѣроисповѣданій. Вообще оцѣнка дѣятельности общественной и интересовъ общественныхъ, съ точки зрѣнія качественнаго раздѣленія благъ на матеріальныя и духовныя, представляется настолько не твердою и возбуждающею сомнѣнія, что, напр., хотя въ прежнее время признавалось безспорнымъ высшее достоинство и значеніе умственной дѣятельности, проявляемой въ наукѣ и искусствѣ, теперь производительность, а слѣдовательно и цѣнность, умственнаго труда многими признается лишь въ ограниченной мѣрѣ, а собственно и безспорно производительнымъ и наиболѣе цѣннымъ считается трудъ физическій, мускульный; выражается это въ господствующемъ нынѣ увлеченіи—всякими видами спорта. Словомъ въ оцѣнкѣ дѣятельности общественной въ качественномъ отношеніи всегда возможны произволъ и тенденціозность.

Болѣе удовлетворительною надо признать такую мѣру для оцѣнки достоинства общественной дѣятельности, которая была бы и количественной и вмѣстѣ качественной. Таковъ принципъ національности. Въ количественномъ отношеніи этотъ принципъ обнимаетъ твердо обозначенную самой природой и утвержденную исторіей въ своемъ значеніи группу человѣчества, именуемую народомъ, народностію; въ качественномъ отношеніи важность этого принципа состоитъ въ томъ, что, на основаніи его, со всею справедливостію, безъ всякаго односторонняго униженія и предпочтенія, оцѣниваются всѣ блага человѣческой жизни какъ умственныя, такъ и матеріальныя. Преимущество принципа національности не только въ томъ, что онъ чуждъ односторонности и исключительности, а еще въ томъ, что принципъ этотъ отличается практичностію и обоснованностію на исторіи, а не на какихъ-либо произвольныхъ теоріяхъ. Здѣсь мы снова

должны указать на важное рѣшающее значеніе историческаго процесса. Процессъ этотъ представляетъ собою непрерывный, длящійся вѣка и тысячелѣтія, рядъ воздѣйствій на нѣкоторую болѣе или менѣе обширную человѣческую группу и со стороны природы, и со стороны выдающихся разновременныхъ дѣятелей изъ этой группы, со стороны общественныхъ учрежденій существовавшихъ и существующихъ въ этой группѣ, и со стороны другихъ таковыхъ же группъ. Можетъ ли что другое сравниться въ прочности и твердой обоснованности съ тѣмъ, что выработано и постепенно произведено этимъ длиннымъ рядомъ многочисленныхъ воздѣйствій? Есть, однако, сомнѣніе и относительно благонадежности принципа національности. Въ новое время дѣйствительно принципъ этотъ все болѣе беретъ верхъ надъ всѣми иными и является господствующимъ въ жизни. Но много хлопотъ и безпокойствъ причиняется столкновеніемъ мелкихъ національностей,—утратившихъ самостоятельность, или желающихъ имѣть таковую съ болѣе крупными и обладающими политическою самостоятельностію. И въ этомъ случаѣ рѣшающее значеніе принадлежитъ исторіи. Если исторія лишила какую-либо національность самостоятельнаго политическаго существованія, то въ настоящее время никого въ этомъ винить нельзя, и по необходимости приходится такой національности примириться со своимъ зависимымъ положеніемъ. Притомъ же для мелкихъ національностей принадлежность къ государственнымъ величинамъ крупнымъ даже предпочтительнѣе сомнительной самостоятельности, тѣмъ болѣе, если въ отношеніи религіи, расы, языка разность между зависимыми и господствующею національностями далеко не доходитъ до такой разнородности, какую представляетъ, напр., различіе турецкой національности отъ бывшихъ въ подчиненіи ей славянскихъ народностей, хотя нѣкоторые славяне, принадлежащіе теперь къ подданнымъ австрійской монархіи, пови-

димому, даже съ турецкимъ правительствомъ лучше уживались, нежели въ настоящее время съ правительствомъ австрійскимъ.

Отрицая Церковь и государство, соціализмъ равнымъ образомъ отрицаетъ и принципъ національности, такъ что въ отношеніи всѣхъ важнѣйшихъ коренныхъ началъ общественности, соціализмъ оказывается направленіемъ чисто отрицательнымъ, и таковъ же характеръ, повидимому, противоположнаго соціализму, анархизма. Какъ всегда, и въ этомъ случаѣ крайности сходятся, такъ что въ практическихъ своихъ проявленіяхъ крайности эти почти не различаются. Страннымъ представляется то, что названныя направленія, будучи противообщественными, какъ отрицательныя, въ теоріи, а въ практическомъ примѣненіи разрушительныя, исходятъ несомнѣнно изъ началъ общественности, давно уже заявленныхъ и повсюду просвѣщенными людьми признаваемыхъ началами общечеловѣческими, слѣдоват., для всѣхъ народовъ обязательными. Начала эти суть *свобода, равенство и братство.* Индивидуализмъ и анархизмъ выражаютъ стремленіе къ свободѣ, а соціализмъ исходитъ изъ началъ равенства и братства и заявляетъ эти начала въ качествѣ задачъ, подлежащихъ осуществленію. Дѣло въ томъ, что анархизмъ и соціализмъ являютъ собою опыты прямолинейнаго осуществленія названныхъ началъ и оттого оказываются на дѣлѣ совершеннымъ отрицаніемъ и уничтоженіемъ тѣхъ же самыхъ началъ. Анархизмъ, устраняя всякія ограниченія свободы, служащія вмѣстѣ съ тѣмъ гарантіями ея закономѣрности и, слѣд., дѣйствительности, превращаетъ свободу въ своеволіе, ничѣмъ неограниченный произволъ и насиліе. Также соціализмъ, дѣйствуя принудительно, посредствомъ союзовъ и стачекъ, оказывается на дѣлѣ, вмѣсто желаемаго братства и равенства, самымъ нестерпимымъ и безцеремоннымъ, грубымъ деспотизмомъ.

II.

Что составляетъ главную идею соціологіи—науки объ обществѣ. Законы природы и законы жизни общественной. Соціальная физика и соціальная психологія.

Изъ указанныхъ выше отношеній человѣка къ Богу, къ природѣ физической и къ обществу, соціологія первое отношеніе оставляетъ безъ вниманія, какъ дѣло личное, довольствуясь указаніемъ на необходимость лишить это отношеніе общественнаго значенія; отсюда—игнорированіе исторіи, въ которой доселѣ религіозный элементъ имѣлъ столь важное значеніе. Второе отношеніе—къ природѣ признается прототипомъ и нормою для послѣдняго, т. е. для отношенія къ обществу, составляющаго предметъ и задачу соціологіи. Изученіе явленій природы привело къ познанію законовъ ея, а познаніе законовъ природы дало человѣку надъ нею власть: пользуясь своимъ знаніемъ законовъ природы, человѣкъ заставилъ служить ему силы природы, а чрезъ то получилась возможность для него до размѣровъ неожиданныхъ увеличивать свое благосостояніе. Подобнымъ же образомъ, разсуждаютъ соціологи, необходимо изучать и законы общественной жизни для того, чтобы, пользуясь пріобрѣтеннымъ знаніемъ этихъ законовъ, возможно было созидать самый совершенный общественный порядокъ и достигать такого общественнаго благоустройства, при которомъ всѣ члены общества были бы довольны и счастливы, о чемъ давно уже мечтаетъ человѣчество, но чего не въ силахъ было достигнуть, ибо недоставало знанія о правильномъ къ тому пути. Политики, разсуждаетъ Контъ,—основатель соціологіи, сочиняютъ проекты реформъ, но обыкновенно проекты эти оказываются негодными, что и неудивительно: недостаетъ политикамъ точнаго знанія о законахъ общественнаго устройства и прогресса; обществомъ они, т. е. политики, управляютъ произвольно и наугадъ, а не на основаніи точныхъ

знаній, какъ бы слѣдовало. И для устраненія революцій на будущее время лучшее средство—точное знаніе законовъ общественной жизни

Но возможна ли точная наука объ обществѣ, такая же наука, какъ, напр., физика,—наука о природѣ? Контъ имѣлъ въ виду создать именно такую науку объ обществѣ, которую онъ и назвалъ поэтому общественной физикой. Природу можно изучать саму по себѣ, внѣ всякаго отношенія ея къ человѣку, а равно и независимо отъ субъективнаго личнаго отношенія къ ней человѣка, т. е. *объективно*. По мѣрѣ того какъ познаются законы природы, человѣкъ пользуется этимъ знаніемъ для своихъ надобностей: въ этомъ случаѣ на первый планъ выступаетъ уже практическое отношеніе человѣка къ природѣ. Изученіе законовъ и силъ или явленій природы—это одно дѣло, одна задача, а пользованіе добытыми чрезъ такое изученіе знаніями, приложеніе ихъ къ дѣлу въ жизни практической,—это совсѣмъ иное дѣло, иная задача. Первая часть научнаго труда имѣетъ характеръ чисто объективный, а при исполненіи второй части необходимо участіе субъективнаго элемента, ибо пользованіе законами и силами природы можетъ быть цѣлесообразное и нецѣлесообразное, вредное и полезное, заслуживающее одобренія или порицанія. Тутъ уже мы имѣемъ дѣло съ областью произвола, который точнымъ знаніемъ нисколько не исключается. Но общественная жизнь и есть именно такая область явленій, которую никакъ нельзя отдѣлить отъ субъективнаго элемента, чтобы возможно было чисто объективное изученіе ея; напротивъ, субъективный элементъ и связанный съ нимъ произволъ въ этой области совершенно неустранимъ, составляетъ, такъ сказать, ея сущность. Вѣдь это явленія человѣческой жизни, а потому и невозможно отдѣлить ихъ отъ отношенія къ нимъ человѣка. Изучающій эти явленія не можетъ изъ дѣла изученія совершенно исключить субъективныя свои отношенія къ изучаемымъ имъ явленіямъ,—свои

настроенія, желанія и чувства: однимъ явленіямъ невольно сочувствуетъ, другимъ не сочувствуетъ, а это отражается и на изображеніи ихъ: одни одобряетъ, другія порицаетъ, одни представляются ему желательными, другія нежелательными. Получается вслѣдствіе этого въ соціологіи вотъ что: кому что нравится и желательно, то и считается общественнымъ закономъ, а если что-либо отрицается и противъ чего ведется борьба, въ такомъ случаѣ самое это отрицаніе и борьба возводятся въ законъ общественной жизни; то же и о законахъ прогресса: что отрицаютъ и считаютъ нежелательнымъ, то признается уже отжившимъ свое время,—напр., религіозная вѣра, а на что есть мода и чему сочувствуютъ, то считается необходимымъ и вполнѣ законнымъ явленіемъ настоящаго времени, хотя бы это было явленіе безобразное и нелѣпое. Пояснимъ сказанное примѣрами. *Тардъ*, извѣстный французскій соціологъ, былъ человѣкъ мирный, спокойный и общительный; ему нравилось все, способствующее единенію, спокойствію, мирному теченію жизни; такое значеніе имѣетъ единство нравовъ, обычаевъ, какъ можно большее согласіе людей въ чувствахъ и поступкахъ. И вотъ онъ считаетъ основнымъ закономъ общественной жизни—подражаніе. Подражаніе онъ усматриваетъ въ томъ, что всѣ члены даннаго общества придерживаются тѣхъ же обычаевъ, согласно принимаютъ и соблюдаютъ тотъ же порядокъ ежедневнаго быта и поведенія; всякій старается дѣлать то же, что дѣлаютъ другіе, и поступать въ извѣстныхъ случаяхъ такъ же, какъ поступаютъ другіе при тѣхъ же обстоятельствахъ. Можно ли назвать это подражаніемъ? Подражаніемъ называется обыкновенно совсѣмъ иное: если человѣкъ усвояетъ отъ другого и воспроизводитъ что-либо необычное и мало ему пригодное, такъ что, поступая такимъ образомъ, невольно обращаетъ на себя вниманіе лицъ, его окружающихъ, то это называется подражаніемъ. Поэтому, подражаетъ тотъ, кто желаетъ сдѣлать себя чрезъ то замѣтнымъ, заслужить похвалу,

и потому подражаніе всегда дѣлается по желанію, тогда какъ общепринятое исполняется нерѣдко противъ желанія. Слѣдованіе общепринятымъ обычаямъ и формамъ жизни есть дѣло прежде всего привычки, нажитой гораздо ранѣе того времени, когда человѣкъ могъ и желалъ бы подражать, а главное, въ противность подражателямъ, исполняя общепринятое, человѣкъ дѣлаетъ себя чрезъ то незамѣтнымъ для постороннихъ, да и нѣтъ надобности придумывать и создавать то, что уже давно придумано и сдѣлано. Слѣдовательно, удобство, выгода, нежеланіе терять даромъ времени заставляютъ каждаго повторять много такого, что дѣлаютъ и всѣ другіе, и такъ именно, какъ принято дѣлать. Революція французская—это беззаконнѣйшее дѣло по исполненію, если не по своей задачѣ, дѣло разрушенія, насилія и произвола, также въ соціологическихъ теоріяхъ обращена въ необходимый законъ общественной жизни. Въ чемъ состояла французская революція? Въ томъ, что высшее дворянство и духовенство лишились своего преобладающаго положенія въ обществѣ, а мѣсто ихъ занято третьимъ сословіемъ—буржуазіей; произошла, слѣдовательно, борьба сословій, общественныхъ классовъ, и вотъ теперь классовая борьба признается необходимымъ закономъ общественной жизни. Передовымъ классомъ считаются теперь рабочіе—четвертое сословіе и ему, говорятъ, очередь выступать въ роли правящаго класса. Конечно, буржуазія не уступитъ безъ боя рабочему классу своего мѣста; необходима, слѣдовательно, опять революція, но такъ и должно быть, ибо это необходимый законъ. Въ обществѣ всегда есть недовольство; поэтому, всегда найдутся также и лица, жаждущія революціи, а еще больше такихъ, которые не желаютъ мѣшать всему, что явно и тайно дѣлается для того, чтобы приготовить наступленіе столь великаго событія. Тутъ дѣйствительно мы имѣемъ дѣло съ подражаніемъ, ибо за образецъ принята французская революція. Но если подражаніе это и признать, слѣдуя

Тарду, закономъ, то во всякомъ случаѣ это такой законъ, который не трудно было бы обойти и отмѣнить, и если этого не случилось, то по недогадливости тѣхъ, кто могъ это сдѣлать. Рабочій классъ до послѣдняго времени, можно сказать, занималъ всѣ умы нашей интеллигенціи, довольно напомнить о вліяніи марксизма;—общество будущаго рисуется въ воображеніи многихъ соціологовъ, а тѣмъ болѣе представителей рабочаго класса, въ видѣ общества, республики рабочихъ. Рабочіе—это классъ общества, служащій преимущественно дѣлу заводской и фабричной промышленности,—дѣлу товарнаго производства, а изученіемъ законовъ этого производства и торговли занимается политическая экономія. Вотъ почему соціологи занимаются главнымъ образомъ вопросами экономическими, а законы экономическіе считаются основными и, пожалуй, единственными законами общественной жизни. И тутъ центръ тяжести заключается въ борьбѣ, именно въ борьбѣ между представителями, съ одной стороны, труда, а съ другой—капитала; если добавить къ тому ученіе Дарвина о борьбѣ за существованіе, какъ основномъ біологическомъ законѣ, то и получится идея всеобщей борьбы въ качествѣ и біологическаго и соціологическаго закона. И вотъ дѣйствительно все вовлекается въ борьбу; борьба охватываетъ всѣ классы, и даже разные возрасты. Законы соціологическіе—не дѣйствительные, а мнимые законы, но вліяніе ихъ не мнимое, къ сожалѣнію, а самое реальное, не такое, каково вліяніе проектовъ, сочиняемыхъ политиками, тѣхъ проектовъ, которые Контъ рѣшилъ замѣнить точнымъ знаніемъ законовъ общественной жизни. Дѣло въ томъ, что мнимые соціологическіе законы въ глазахъ мало образованныхъ невѣжественныхъ людей, число которыхъ быстро умножается, получили значеніе дѣйствительныхъ законовъ научно установленныхъ; авторитетъ науки сообщаетъ ложнымъ теоріямъ въ жизни практической такую же дѣйствительную силу, какою обладаютъ суевѣрія подъ покровомъ авторитета религіознаго.

Выше разъяснено, что изученіе явленій общественной жизни не можетъ быть вполнѣ объективнымъ. И самый предметъ соціологіи таковъ, что субъективные элементы, составляютъ важнѣйшую и необходимую его сторону, да и въ дѣлѣ изслѣдованія этого предмета невозможно разграничить субъективные элементы самаго изслѣдователя отъ объективнаго содержанія въ этого рода изслѣдованіи. Вотъ почему давно уже многіе соціологи пришли къ тому заключенію, что необходимъ въ соціологіи методъ не *объективный*, а *субъективный*, разумѣя подъ этимъ названіемъ собственно психологическій анализъ явленій общественной жизни, и на этомъ основаніи считаютъ для соціологіи болѣе приличествующимъ названіе соціальной *психологіи*, а не *физики*.

Когда говорится о соціальной психологіи, то не слѣдуетъ разумѣть здѣсь психологію разныхъ народныхъ характеровъ, психологическихъ расовыхъ разностей, изученіе нравовъ, обычаевъ, вѣрованій, бытовыхъ представленій, заключающихся въ словахъ языка народнаго: все это цѣликомъ можетъ входить въ исторію народовъ; есть кромѣ того особая область языкознанія, этнографія, антропологія. Что же собственно приходится на долю соціологіи, понимаемой въ смыслѣ общественной психологіи? Не надо забывать, что задачу соціологіи составляютъ общечеловѣческіе законы жизни общественной; слѣдовательно, все, относящееся къ отдѣльнымъ народамъ, можетъ служить лишь матеріаломъ для соціологическихъ теорій и выводовъ. Немного остается для соціологіи. Ничего, по крайней мѣрѣ, еще не дала значительнаго соціальная психологія. Нельзя принимать за нѣчто важное, напр., психологію толпы. Толпа не общество. Да и возможна ли соціальная психологія, какъ особая наука? Нельзя раздѣлять психологію на индивидуальную и общественную, какъ невозможно отдѣлить отъ индивидуума отношеній общественныхъ. Научное сознаніе отдѣльнаго чело-

вѣка не есть вѣдь индивидуальное, а общее. Можно раздѣлять явленія психическія на индивидуальныя и общественныя, но тѣ и другіе составляютъ матеріалъ одной и той же науки, психологіи. Психіатрія также берется рѣшать соціологическіе вопросы. Но психіатрія изучаетъ не здоровыхъ, а больныхъ людей. Поэтому свои наблюденія надъ больными она прилагаетъ къ здоровымъ, къ цѣлому обществу. Такой способъ рѣшенія вопросовъ, имѣющихъ практическую важность, только сбиваетъ съ толку людей. Больныхъ людей надо лѣчить, но психіатрія безсильна сдѣлать что-либо для дѣйствительно одержимыхъ душевными недугами; гдѣ же ей справиться съ явленіями болѣе или менѣе распространенными въ обществѣ, каковы нерѣдко повторяющіяся явленія общественнаго безпокойства, тревоги, смуты, взрыва накопившихся чувствъ, страстей, затемняющихъ здравый смыслъ. Какая польза отъ того, что мы назовемъ, напр., крестовые походы или революціонные неистовства психозомъ или нервозомъ. Подобныя названія ничего не объясняютъ. Отчего въ средніе вѣка психозы отличались религіознымъ характеромъ, а теперь отличаются политическимъ характеромъ? И почему революціонный психозъ захватилъ преимущественно учащихся, а также отчасти рабочій классъ? Какъ извѣстно, всякая эпидемія заражаетъ преимущественно слабые поврежденные организмы. Посему мы должны сказать, что умственное и нравственное состояніе у тѣхъ, кто заражается революціоннымъ психозомъ ненормально. А можетъ ли психіатрія объяснить, въ чемъ же состоитъ эта умственная и нравственная ненормальность у людей, одержимыхъ революціоннымъ психозомъ, и каковы признаки нормальнаго состоянія умственнаго и нравственнаго? Не рѣшивъ этихъ вопросовъ, нельзя разсуждать объ общественныхъ психозахъ: можно развѣ вскользь, мимоходомъ, между дѣломъ, обмолвиться подобнымъ

словомъ, чтобы выразить наше неодобреніе, несочувствіе, досаду, пожалуй, сожалѣніе относительно крайне непріятнаго и бѣдственнаго общественнаго явленія, но нельзя придазать подобнымъ рѣчамъ строго научнаго значенія, хотя, при нашей умственной бѣдности, всякія пустыя рѣчи могутъ считаться научными.

Итакъ, задача, поставленная для соціологіи—найти законы общественной жизни, законы устройства и прогресса общественнаго,—эта задача не выполнима, что и неудивительно, такъ какъ она взята изъ науки о внѣшней природѣ безъ всякаго вниманія къ отличительнымъ свойствамъ самаго предмета соціологіи. Предполагалось, что методъ, употребляемый въ естествознаніи, примѣнимъ и въ соціологіи. Но это не такъ. Естествоиспытатель можетъ выводить законъ на основаніи анализа и изученія единичнаго явленія; въ соціологіи даже собраніе множества фактическихъ однородныхъ свѣдѣній не даетъ права добываемое этимъ способомъ обобщеніе считать непреложнымъ закономъ при существованіи въ обществѣ постояннаго взаимодѣйствія между фактами различныхъ порядковъ. Предразсудокъ же о существованіи необходимыхъ законовъ общественной жизни и доступности таковыхъ научному познанію ведетъ къ тому, что, напр., отрицается свободная воля у человѣка; криминальная антропологія старается доказать, что преступникъ совершаетъ злое дѣяніе не по свободной волѣ, а потому, что наслѣдовалъ врожденную склонность къ совершенію преступныхъ дѣяній, хотя, напр., въ революціонную эпоху является вдругъ множество преступниковъ; ужели природа такъ предусмотрительно заготовляетъ ихъ ко времени революціи. Еще худшее послѣдствіе соціологическихъ предразсудковъ и заблужденій, которые получаютъ значеніе догматовъ въ мнѣніи невѣжественныхъ людей, заключается въ томъ, что увлеченіе соціологіей заставляетъ пренебрегать изученіемъ исто-

ріи. Наши школьники спѣшатъ познакомиться съ соціологическими теоріями, считая это для себя болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ усвоеніе учебныхъ предметовъ. Повременная печать очень много занимается соціологическими теоріями, придавая этому дѣлу и воспитательное и образовательное значеніе.

III.

Начала общественной жизни общечеловѣческія и національныя. Политическая и соціальная формы примѣненія въ практической жизни началъ общечеловѣческихъ. Видоизмѣненіе началъ общечеловѣческихъ подъ вліяніемъ началъ національныхъ.

Вмѣсто искомыхъ соціологіей законовъ общественной жизни имѣются въ дѣйствительности общіе основные принципы жизни общественной. Принципы эти такъ-же необходимы, какъ необходимы законы природы, но необходимость первыхъ есть субъективная, а не объективная; необходимы они для человѣка и потому дѣйствіе ихъ въ жизни не иначе происходитъ какъ чрезъ посредство сознанія и воли человѣческой, но сознаванье таковыхъ началъ можетъ быть лишь инстинктивное, или же ясное и отчетливое, а отъ этого много зависитъ способъ осуществленія и выраженія ихъ въ жизни практической. Надо различать прежде всего правительственную (политическую) и затѣмъ соціальную форму проведенія въ жизнь началъ признаваемыхъ общечеловѣческими, т. е. началъ наиболѣе общихъ, одинаковыхъ для всѣхъ безъ различія народовъ.

Таковыми началами признаются, какъ извѣстно, *свобода, равенство, и братство*. Начала эти провозглашенныя въ эпоху французской революціи, положены въ основу принятой повсюду въ Европѣ такъ называемой конституціонной (т. е. учрежденной самимъ обществомъ, а не созданной исторіей) государственной формы правленія, именуемой также *право-*

вымъ порядкомъ, ибо свобода равенство и братство суть права, долженствующія принадлежать всѣмъ гражданамъ государства безъ различія. Конечно самое большое неравенство по положенію въ государствѣ,—неравенство политическое состоитъ въ раздѣленіи членовъ государственной группы на лицъ составляющихъ правительство и лицъ управляемыхъ. И вотъ это важнѣйшее раздѣленіе, противорѣчащее идеѣ равенства, а также идеѣ свободы (правящіе свободнѣе управляемыхъ) устраняется тѣмъ, что общество гражданъ управляется чрезъ своихъ уполномоченныхъ, довѣренныхъ лицъ, имъ самимъ избираемыхъ изъ своей среды, всякій разъ какъ окажется въ томъ надобность, наприм. по истеченіи установленнаго срока отъ одного избранія до другого. Такой образъ правленія, чрезъ уполномоченныхъ общества, долженъ имѣть очевидно тотъ смыслъ, что общество само чрезъ себя управляется, будучи вмѣстѣ и своимъ правительствомъ (въ липѣ избранныхъ) и управляемымъ. Такъ характеризуется конституціонная форма правленія въ теоріи (Руссо), но не такою оказываются на дѣлѣ. Современное государство—это не такая малая община, гдѣ почти всѣ хорошо знаютъ другъ друга и потому могутъ дать себѣ въ томъ отчетъ, кого избираютъ, кому довѣряютъ свои интересы и всегда въ состояніи контролировать несложныя дѣйствія своихъ уполномоченныхъ. Всему свѣту извѣстно, что не всегда избираютъ людей достойнѣйшихъ, лучшихъ, да это и невозможно: при политическомъ самоуправленіи общество неминуемо дѣлится на партіи; каждая партія выставтяетъ своихъ кандидатовъ—тѣхъ конечно, которые съумѣютъ такъ или иначе въ свою пользу набрать какъ можно больше голосовъ и затѣмъ происходитъ соперничество между партіями, причемъ въ выборѣ средствъ не стѣсняются, ибо для каждой партіи важно во что бы то стало одолѣть другія партіи и провести своего кандидата въ члены избираемаго вновь правительства. Понятно, что

такимъ образомъ самая ожесточенная иногда борьба партій партій изъ общества переходитъ и въ правительственную среду. Этимъ крайне замедляется иногда ходъ правительственныхъ дѣлъ, такъ что въ случаѣ рѣшенія важнаго всѣхъ интересующаго вопроса, приходится обществу гадать о томъ, какъ отнесутся къ дѣлу представители разныхъ партій, какой видъ приметъ голосованіе, на какой сторонѣ окажется большинство. Общество втягивается такимъ образомъ въ эквилибристику партій, и оттого приходится ему часто переживать лихорадочное безпокойство, дѣлающее невозможнымъ для многихъ правильный творческій трудъ; образуется огромный классъ политикановъ постоянно мечущихся какъ бы въ состояніи горячечнаго бреда; многіе изъ этихъ господъ обращаютъ въ свою спеціальность технику избранія правительственныхъ членовъ; при этомъ оцѣнка людей радикально извращается: ни знанія, ни таланты, ни безупречность поведенія, ничто не имѣетъ такой важности, какъ принадлежность къ той или иной партіи; люди дѣлятся не на умныхъ и глупыхъ, не на честныхъ и безчестныхъ, а на консерваторовъ и либераловъ разныхъ категорій и оттѣнковъ. Съ тѣхъ поръ какъ конституціонный образъ правленія сдѣлался общепринятымъ въ Европѣ, науки и искусства замѣтно приходятъ въ упадокъ: ни въ одной области собственно духовнаго творчества уже не является великихъ талантовъ; люди съ выдающимися дарованіями какъ напр. Ницше смотрятъ съ презрѣніемъ на современное человѣчество; низменные вкусы и стремленія все болѣе пріобрѣтаютъ господство надъ умами. Кому нравится безтолковая и безплодная сутолка, составляющая фонъ современной жизни, тѣ рады были бы какъ либо оправдать эту жизнь и возвеличить ея цѣну, но ничего не въ состояніи измыслить достойнаго вниманія. Въ качествѣ идеала ничего лучшаго не придумано, какъ только любовь къ жизни, жизнерадостность, но надо знать, что разумѣется подъ названіемъ

жизни. Спокойный мирный трудъ, тихое равномѣрное, безъ переворотовъ и потрясеній, теченіе жизни это смерть, а вотъ когда много шума, безпокойства, волненій, всякихъ не ожиданостей, то это называется самою интенсивною, настоящею жизнью.

Выше сказано уже о соціализмѣ и анархизмѣ, какъ особенно характерныхъ явленіяхъ современной жизни, но представленная выше характеристика этихъ явленій не полна и требуетъ дополненія. Если разсматривать самихъ по себѣ и соціализмъ и анархизмъ, то эти явленія представляются совсѣмъ безсмысленными и непонятными. Люди хотятъ насиліемъ установить братство и свободу,—не есть ли это явная ложь и нелѣпость. Но какъ симптомы современнаго политическаго строя западныхъ государствъ, названныя явленія очень понятны и заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Они служатъ особенно яркимъ свидѣтельствомъ обманутыхъ надеждъ, свидѣтельствомъ того, что правовой порядокъ не даетъ вовсе того, чего отъ него ожидали, недаетъ ни свободы, ни равенства и братства. Соціалисты такъ говорятъ обществу: вы дали намъ политическое равноправіе, но братство, которое вы сулили, оказалось на дѣлѣ пустымъ словомъ, таково же и равенство; пользоваться политическимъ правомъ, т. е. участвовать въ управленіи государствомъ, мы не можемъ; интересовъ нашихъ никто знать не хочетъ; мы порабощены, изнываемъ въ неволѣ, трудимся не на себя, а на другихъ; станемъ же другимъ способомъ, а не чрезъ правительственный механизмъ въ теперешнемъ его видѣ, осуществлять обѣщанныя права равенства и братства,—не *политическимъ* а *соціальнымъ* путемъ, не чрезъ преобразованіе, правительственной нормы, а чрезъ переустройство общества: пусть будутъ первые послѣдними, а послѣдніе первыми. И анархисты, ревнующіе о свободѣ, тоже говорятъ: вы дали намъ свободу умереть съ голода; какая-же это свобода, когда кру-

гомъ себя повсюду видимъ представителей власти! Долой тирановъ!

Изъ того, что происходитъ теперь у насъ, всякій видитъ, что мы уже успѣли обзавестись партіями, какія только есть въ Европейскихъ государствахъ. Есть у насъ конституціоналисты,—партія правоваго порядка, но есть также соціалисты и анархисты, настоящіе революціонеры,—жаждущіе не перемѣны только государственнаго строя, но совершеннаго уничтоженія государства, дабы на развалинахъ его основать соціально-демократическую республику, чтобы получилось настоящее, а не мнимое равенство и братство. О чемъ на Западѣ только въ книгахъ пишутъ, то самое у насъ уже хотятъ осуществить, хотятъ основать ни больше, нименьше какъ общечеловѣческое, чуждое всякаго національизма, братство. Вотъ какъ мы далеко шагнули; прогрессъ точно идетъ у насъ гигантскими шагами. Многіе уже теперь говорятъ, что пожалуй Европѣ прійдется позавидовать намъ; до сихъ поръ мы учились у нея, а теперь прійдется ей идти къ намъ въ науку.

Пока у насъ формировалались партіи втихомолку и оставались подъ спудомъ, не проявляя себя открыто, до тѣхъ поръ конституціоналисты мирволили соціалистамъ и анархистамъ-революціонерамъ, не возражали ни противъ политическихъ убійствъ, ни противъ революціонной пропаганды, полагая конечно, что такимъ образомъ подготовлялась у насъ почва для насажденія правового порядка. Хорошъ этотъ порядокъ, требующій неприкосновенности личности и всякихъ свободъ, если подготовительнымъ средствомъ къ нему могли считаться убійства изъ-за угла и извращеніе здраваго смысла у людей. Только теперь, когда настала пора дѣйствовать открыто, наша партія правового порядка спѣшитъ отшатнуться отъ революціонеровъ и положить грань между собою и ими. Но это нисколько не освобождаетъ конституціоналистовъ отъ взятой ими на себя добровольно тяжкой вины: вѣдь что

дѣлалось и въ особенности что теперь дѣлается революціонерами,—должно быть на совѣсти приверженцевъ правового порядка. Надо имъ подумать о томъ, какую силу именно чрезъ ихъ поддержку получили наши революціонеры, которые конечно не могли-бы натворить столько бѣдъ, если-бы не было у нихъ до сихъ поръ такого огромнаго количества вліятельныхъ хотя и молчаливыхъ союзниковъ и пособниковъ. Революціонеры вправѣ были говорить, что на ихъ сторонѣ вся мыслящая Россія.

До сихъ поръ партія правового порядка не отдѣляла себя отъ революціонеровъ, реперь же она больше не желаетъ оставаться въ сообществѣ съ ними, объявивъ что есть очень важный пунктъ, разобщающій ее съ революціонерами. Этотъ важный пунктъ есть *цѣлость государства.*

Цѣлость государства—это уже не общечеловѣческое начало, а принципъ *національной* политики. Принципомъ этимъ повелительно требуется заботиться не о благѣ всякихъ человѣковъ безразлично, а о благѣ собственно Русскаго народа, создавшаго Русское Государство. Конечно, благополучіе Русскаго народа должно простираться и на людей не русскихъ, но принадлежащихъ къ русскому государству, однако-жъ посколько эти люди желаютъ оставаться подданными русскаго государства.

Нѣтъ сомнѣнія, что означенный принципъ національности долженъ быть поставленъ въ политикѣ Русскаго Государства на первомъ мѣстѣ. Итакъ ясно, что для русскихъ людей не только нельзя примириться съ идеями и стремленіями революціонеровъ-соціалистовъ и анархистовъ, но надобно подумать и о томъ, пріемлемы ли принципы конституціонализма. Вѣдь принципы эти суть общечеловѣческіе, и образъ правленія, основанный на этихъ принципахъ, долженъ быть космополитическимъ, а не національнымъ, почему и считается какъ бы обязательнымъ для всѣхъ народовъ. Принципъ національный есть историческій и образъ государ-

ства національнаго не теоретически, чисто умственнымъ путемъ создается,—какъ созданъ конституціонный образъ правленія, а при содѣйствіи физіологическихъ и психическихъ свойствъ народнаго характера, почему и отличается національный типъ государства жизненностію, практичностію. Итакъ вопросъ о совмѣстимости или несовмѣстимости общечеловѣческихъ началъ съ принципомъ національности въ устройствѣ государства—очень важный вопросъ, на который слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Чтобы оріентироваться по этому вопросу, предварительно его рѣшенія, укажемъ сначала на тѣ данныя, какія относительно этого вопроса представляетъ государственная жизнь на Западѣ Европы. Въ эпоху великой французской революціи французы не помышляли о принципѣ національности, ибо національсть—начало историческое, а извѣстно, что французская философія 18 в. имѣла характеръ космополитическій и значенія исторіи не понимала, была лишена историческаго смысла, поэтому и революція французская была отрицаніемъ исторіи. Какъ извѣстно Руссо признавалъ доисторическое состояніе человѣчества, такъ называемое натуральное, невиннымъ и счастливымъ, а исторія представлялась ему какъ разстройство первобытнаго блаженнаго состоянія, „въ видѣ постепеннаго ухудшенія нравовъ“. Притомъ же французы въ то время считали себя народомъ передовымъ, стоящимъ во главѣ другихъ,—просвѣтителемъ и руководителемъ для другихъ народовъ Европы. Оправдывалось такое самомнѣніе французовъ тѣмъ, что дѣйствительно все французское было тогда повсюду въ почетѣ, а затѣмъ завоеванія и побѣды Наполеона также утверждали французовъ въ той мысли, что они не для себя существуютъ, а для всего человѣчества, что быть французомъ значитъ быть человѣкомъ просто, вообще, а не только представителемъ нѣкоторой группы человѣчества отличной отъ другихъ, ибо вездѣ онъ у себя дома и все французское повсюду принимается какъ должное. Теперь же

это самомнѣніе французовъ далеко уже не оправдывается дѣйствительностію; благоразумные французы это понимаютъ, ибо есть уже и у нихъ партія націоналистовъ, однакожъ только партія. Иной политики держались нѣмцы. Еще во время наполеоновскихъ войнъ возникли у нихъ патріотическія общества, которыя дѣйствительно много способствовали возбужденію и укрѣпленію патріотизма и національнаго самосознанія. Философъ Фихте обращался къ нѣмецкому народу съ патріотически рѣчами; поэты старались пробудить воинственный духъ у нѣмцевъ. Гегель находилъ въ Прусскомъ государствѣ завершеніе міроисторическаго процесса, нѣмецкіе историки-философы въ основу христіанской эпохи всемірной исторіи полагали германское начало личности. И вотъ не смотря на конституціонный образъ правленія, не смотря на распространеніе соціализма, у нѣмцевъ—безспорно образованнѣйшаго и трудолюбивѣйшаго народа Европы, достигшаго объединенія политическаго уже въ новѣйшее время, патріотизмъ такъ силенъ, что гдѣ бы ни пришлось имъ жить, вездѣ остаются нѣмцами и не довольствуются тѣмъ, чтобы сохранить цѣлость своего государства; у французовъ они отвоевали двѣ провинціи; австрійскіе нѣмцы считаютъ себя принадлежащими къ германской имперіи, славянъ австрійскихъ нѣмцы также подчинили своему культурному вліянію, а теперь, какъ увѣряютъ, они простираютъ свои виды на Балканскій полуостровъ, гдѣ впрочемъ и безъ того ихъ вліяніе сильно и прочно, а между тѣмъ еще въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія нѣмецкій писатель, іудейскаго впрочемъ происхожденія, Гейне сильно негодовалъ и издѣвался надъ нѣмцами за то, что они не спѣшили во всемъ подражать французамъ; кстати замѣтимъ, что очень стараются о распространеніи у насъ сочиненій этого писателя—поклонника французской свободы. Признакомъ значительнаго упадка французскаго могущества въ смыслѣ политическомъ можно считать дружеское расположеніе къ нимъ Англичанъ

въ настоящее время. Политика Англичанъ, какъ извѣстно, такова, что всегда они ищутъ дружбы со слабыми государствами противъ сильныхъ, чтобы, при посторонней помощи, было удобнѣе, безъ потерь и убытковъ, достигать своихъ цѣлей; союзники англичанъ всегда были орудіями ихъ политики и покорными ихъ слугами; понятно, что такая роль годится только для слабыхъ или невѣжественныхъ народовъ. Такъ Турція, вовредъ себѣ, долгое время была въ дружбѣ съ Англіей, Китайцы тоже друзья Англичанъ; Японія тоже заключила союзъ съ Англіей противъ Россіи и была для нее очень полезна,—конечно, больше чѣмъ англичане для Японцевъ; въ свое время Россія тоже, по невѣжеству своему, въ угоду Англіи спасала Европу отъ Наполеона; тогда Франція была сильна и могла вредить Англіи. Теперь, когда Россія разгромлена войной и революціей, Англичане не прочь заключить дружбу съ Русскими противъ нѣмцевъ, которыхъ они опасаются. Итакъ разсчетливый и зоркій патріотизмъ Англичанъ также не подлежитъ сомнѣнію. Только у французовъ, да у насъ космополитизмъ въ почетѣ и предпочитается націонализму. Но Французовъ обязываетъ къ тому давно ими взятая на себя роль передоваго народа, предавшаго себя въ жертву политическихъ экспериментовъ. Можно сказать, что сама исторія навязала имъ такую несомнѣнно бѣдственную для нихъ и неблагодарную роль. Космополитическіе принципы, въ ущербъ національнымъ интересамъ, нигдѣ съ такою рѣшительностію не проводятся какъ у французовъ. Но слѣдуя этимъ принципамъ, они могутъ только отрицать и разрушать, а создать что-либо не въ состояніи. Какая же надобность намъ идти по этому пути? Это можетъ быть желательно и полезно для иностранцевъ, принадлежащихъ къ Русскому государству, которые сами вовсе не хотятъ быть космополитами, а только намъ усиленно внушаютъ такое направленіе политики.

Наша партія правового порядка объявляетъ, что она долгомъ считаетъ и притомъ первымъ долгомъ—стоять за цѣлость государства. Но какимъ образомъ, при такомъ національномъ принципѣ, можно еще оставаться приверженцемъ конституціонализма, для котораго основаніемъ служатъ начала общечеловѣческія, и который слѣдовательно по существу имѣетъ характеръ космополитическій. Вѣдь въ хартіи намъ данной,—которая считается объявленіемъ конституціи, у насъ сказано о неприкосновенности личности и о свободѣ, но ничего не сказано о неприкосновенности и цѣлости Государства. Скажутъ, что конституціонный строй государственной жизни у Нѣмцевъ и Англичанъ не исключаетъ собой патріотизма и не вредитъ цѣлости государства. Но, чтобы разъяснить, это совмѣщеніе конституціонализма съ патріотизмомъ у другихъ народовъ, надо обратить вниманіе на различныя условія, обезпечивающія цѣлость государства. Условія эти таковы: незыблемость границъ и недоступность ихъ для иноземнаго вторженія, однородность населенія, высота образованія и культуры, проникнутой національнымъ духомъ, наконецъ единство верховной власти. Наилучшимъ образомъ обезпечиваются границы государства островнымъ положеніемъ территоріи, чему примѣромъ служитъ Англія. Вслѣдствіе недоступности ея границъ для иноземнаго вторженія и морского могущества, Англія—можетъ не опасаться за свою цѣлость, а потому раздоры партій происходящіе внутри государства, тамъ не угрожаютъ цѣлости государства. У Французовъ при необезпеченности границъ есть другое условіе, благопріятное для цѣлости государства, именно—однородность населенія, а высота образованія и культуры, проникнутой національнымъ духомъ—послѣднее условіе особенно важно,—приходится на долю Нѣмцевъ; высоко образованіе и у французовъ, но только господствомъ національнаго духа не отличается. Ни однимъ изъ этихъ благопріятныхъ для цѣлости государства условій мы не мо-

жемъ похвалиться. Необезпеченность границъ—вотъ что было всегда слабою стороною нашего государства; это, какъ извѣстно, во всѣ времена способствовало проявленію центробѣжныхъ силъ, скопленію противогосударственныхъ элементовъ (вольница) на окраинахъ даже въ то время, когда населеніе было болѣе однородно; теперь же вездѣ пограничныя части государства населены инородцами; населеніе теперь менѣе однородно, оно является такимъ только въ центральной части. Слабость культуры у насъ, отсутствіе въ просвѣщеніи національнаго духа—вещи общеизвѣстныя. Остается у насъ одно только условіе благопріятное для цѣлости государства—крѣпкая и единая, сосредоточенная въ одномъ лицѣ верховная власть. И вотъ существующія у насъ центробѣжныя силы обрушились на это самое важное начало, обезпечивающее цѣлость государства: частные интересы, интересы партійные, не у всѣхъ реальные, а у многихъ фантастическіе, внушенные разными доктринами, возобладали надъ важнѣйшей жизненной идеей государственнаго блага, государственной цѣлости. Россія не даромъ столь долгое время и такъ мучительно трудилась надъ образованіемъ и утвержденіемъ единой и самодержавной верховной власти. Жизнь сама давала постоянно чувствовать, что это у насъ важнѣйшая его потребность.—И столь долго, съ такими муками созидавшееся коренное учрежденіе ужели теперь потерпитъ ущербъ, когда цѣлости государства не только менѣе, но пожалуй болѣе чѣмъ прежде, угрожаетъ опасностей; особенно же важно то, что это опасности внутреннія, а не внѣшнія. Прежде Стеньки Разины, Пугачевы выходили только изъ среды крестьянства. Теперь же подобные имъ представители центробѣжной силы въ значительномъ числѣ принадлежатъ къ образованнымъ классамъ общества. Вольница изъ простонародья имѣетъ теперь своихъ представителей преимущественно въ городскомъ населеніи въ лицѣ босяковъ, воспѣтыхъ г. Горькимъ и возбудившихъ къ себѣ въ такъ называемомъ

обществѣ значительный къ себѣ интересъ и даже симпатію. Русское правительство имѣло предъ собою важную задачу— собиранія Руси и эту задачу благополучно выполнило, остается охранять и беречь достигнутое. Но настала пора для другой болѣе важной задачи—внутренняго собиранія Руси. Единство и цѣлость государства есть, но не достаетъ единства и цѣлости національнаго самосознанія. До сихъ поръ въ трудныя минуты исторической жизни насъ спасалъ патріотизмъ, а въ только что пережитую войну патріотизма въ должной мѣрѣ не оказалось. Доселѣ патріотизмъ у насъ опирался на непосредственномъ чувствѣ; теперь требуется для него иная опора, опора мысли ясно и отчетливо себя сознающей и бодрствующей, дабы не впасть въ соблазнъ.

Партія правового порядка самымъ важнымъ пунктомъ своей программы объявляетъ цѣлость государства, но остается не разъясненнымъ и не понятнымъ, какъ и чѣмъ, при господствѣ правового порядка, можетъ быть обезпечена цѣлость государства. Политическая равноправность народностей, населяющихъ Россію, сравненіе ихъ въ правахъ политическихъ съ господствующимъ населеніемъ пусть будетъ состоять даже въ томъ, что всѣ разнородныя группы населенія будутъ посылать въ Думу своихъ выборныхъ. Многіе не безъ основанія предвидятъ, что если Дума будетъ не совѣщательнымъ органомъ самодержавнаго царя, а верховнымъ, рѣшающимъ представительнымъ учрежденіемъ, какъ понимаетъ ее партія правового порядка, то равноправность легко можетъ, при слабоволіи и податливости на всякія либеральныя идеи русскихъ людей, превратиться въ господство надъ русскимъ народомъ чуждой ему національности. Этимъ нарушена будетъ внутренняя цѣльность государственной жизни, что едва ли не хуже, чѣмъ нарушеніе территоріальной цѣльности, а съ другой стороны равноправность всѣхъ народностей русскаго государства можетъ повести, при извѣстномъ пониманіи ея, къ современному от-

торженію окраинныхъ частей государства. Правда революціонеры увѣряютъ, что политическая автономія инородцевъ (у русскихъ Дума, а у другихъ народовъ соотвѣтственное ей законодательное собраніе) не опасна для цѣлости государства, напротивъ крѣпче сплотитъ союзъ этихъ народностей съ господствующимъ населеніемъ, но революціонерамъ ничего не стоитъ увѣрять въ этомъ, такъ какъ узкій, по ихъ мнѣнію, націонализмъ заслуживаетъ презрѣнія, и начала общечеловѣческія не потерпятъ ущерба, а могутъ только выиграть, пріобрѣсти полное господство отъ распаденія государства на части.

Партія правового порядка противополагаетъ государство правовое государству полицейскому. Послѣднее управляетъ чрезъ бюрократію, опирающуюся на авторитетъ царя, а правовое государство управляетъ чрезъ уполномоченныхъ отъ народа и общества. Полицейское государство налагаетъ *обязанности* на правительственныхъ лицъ и управляемыхъ. Главные недостатки бюрократическаго строя—стремленіе къ однообразію, къ установленію одинаковаго повсюду порядка, отсюда формализмъ, а съ другой стороны —произволъ органовъ власти, безцеремонно и деспотически относящихся къ управляемымъ. Но недостатки правового строя гораздо болѣе значительны и если эти недостатки не замѣтны въ другихъ странахъ, то вѣдь тамъ недостаки восполняются высокимъ уровнемъ образованія и культуры, важнымъ значеніемъ общественнаго мнѣнія, а также нравовъ и обычаевъ по всюду одинаковыхъ и строго соблюдаемыхъ. Не достаетъ у насъ этихъ коррективовъ, и потому недостатки правового строя должны проявиться и уже проявляются полностію. Правовой порядокъ потому такъ и называется, что надѣляетъ всѣхъ правами; отсюда всѣ требуютъ правъ и хотятъ ими пользоваться, обязанности же забываются, или пренебрегаютъ; вмѣсто однообразія, распаденіе общества на необозримое множество отдѣльныхъ не согласованныхъ но

скорѣе враждующихъ между собою группъ; вмѣсто отдѣльныхъ случаевъ произвола административныхъ лицъ при бюрократическомъ строѣ,—произволъ становится общимъ правиломъ и обращается въ привилегію всѣхъ уже не властвующихъ, а подчиненыхъ. При бюрократическомъ строѣ—пусть и не совершенный, и во многомъ тягостный, порядокъ все таки существовалъ; теперь же полное отсутствіе какого бы то ни было порядка. Предполагается, что бюрократическій строй прекратилъ свое существованіе; правовой порядокъ долженъ его замѣнить (по силѣ манифеста 17 окт. сего года). Но не забудемъ что партія правового порядка доселѣ представляла собою оппозицію государству полицейскому, а вмѣстѣ съ этой партіей и соціалисты и анархисты тоже находились въ положеніи партіи оппозиціонной въ отношеніи къ правительству. Спрашивается, какая же партія должна теперь считать себя одержавшею побѣду надъ государствомъ полицейскимъ? Партія правового порядка, могутъ сказать революціонеры, бездѣйствовала и ограничивалась лишь молчаливымъ сочувствіемъ той активной борьбѣ, какую вели противъ правительства революціонеры. Итакъ революціонеры могутъ думать, что партія правового порядка хочетъ воспользоваться побѣдою, не ею, а ими одержанною. По крайней мѣрѣ, свободу печати, объявленную правительствомъ, революціонеры считаютъ по праву имъ принадлежащею, понимая эту свободу въ томъ смыслѣ, что они могутъ теперь открыто оповѣщать, повсюду распространять, и проводить свои революціонныя идеи; объявляя права на свободу печати и совѣсти, какъ долженствующія отнынѣ принадлежать всѣмъ гражданамъ, правительство не предполагало, что этимъ самымъ дозволяются всякія злоупотребленія и свободою печатнаго и устнаго слова, и свободою совѣсти, но правительство не потрудилось при этомъ взять во вниманіе точку зрѣнія революціонеровъ, для которыхъ не существуетъ никакихъ злоупотребленій свободнаго слова, ибо что есть зло-

употребленіе словомъ съ точки зрѣнія нормальнаго государственнаго порядка, въ томъ революціонеры и полагаютъ дозволенную свободу слова, какъ равно для религіознаго фанатика нападать на послѣдователей иной вѣры, преслѣдовать ихъ, издѣваться надъ ними,—это и значитъ пользоваться свободою совѣсти. Итакъ важнѣе было сначала установить обезпеченіе свободы слова противъ злоупотребленій ею, чѣмъ объявлять эту свободу; прежнее обезпеченіе закономѣрнаго пользованія свободою слова,—именно цензура и административное усмотрѣніе,—признано негоднымъ, а новаго обезпеченія не установлено; вотъ какимъ образомъ произошло превращеніе свободы слова въ свободу всяческихъ злоупотребленій словомъ. Иное дѣло свобода научнаго изслѣдованія, а также философскаго; этого рода свобода не нуждается въ огражденіи ея отъ возможныхъ злоупотребленій, ибо критика, составляющая необходимую принадлежность научнаго и философскаго изслѣдованія, сама служитъ коррективомъ, обезпечивающимъ закономѣрность пользованія этого рода свободою—но не слѣдуетъ смѣшивать свободу повременной печати со свободою научнаго изслѣдованія, или философскаго

Предъидущія замѣчанія о бюрократическомъ и правовомъ строѣ государства приводятъ къ тому заключенію, что одинаково необходимы какъ уполномоченные отъ верховной власти дѣятели, такъ равно и уполномоченные отъ народа и общества, но надъ тѣми и другими должна возвышаться единая самодержавная власть.

IV.

Есть ли государство какъ форма общежитія, историческая случайность, или же разумная необходимость? Соціализмъ противорѣчитъ человѣческой природѣ. Человѣческая воля и провидѣніе въ историческомъ процессѣ. Проявленіемъ воли человѣческой въ этомъ

процессъ влужитъ или отдѣльныя дѣйствія или дѣятельность планообразная. Послѣдняя должна быть въ согласіи съ національнымъ духомъ исторической жизни.

Государство создано исторіей, а не произволомъ человѣческимъ. Но достаточно ли этого, чтобы признать государственную форму человѣческаго бытія неприкосновенною, а всякія покушенія на разрушеніе государства считать дѣломъ безумнымъ и ни при какихъ условіяхъ недопустимымъ. Вѣдь исторія создаетъ не одно только доброе, но и дурное, что должно подлежать отмѣнѣ или исправленію. Не безъ участія же воли человѣческой исторія творитъ свое дѣло. Исторію дѣлаютъ люди, поэтому не вправѣ ли они распоряжаться тѣмъ что получилось какъ историческій продуктъ. Мало сказать, что государство есть фактъ историческій, необходимо еще оправдать этотъ фактъ. Ибо настоящее время есть время господства науки и разума. А потому спрашивается, есть ли государство фактъ вполнѣ разумный, а потому необходимый и не устранимый, или же случайный. Не можетъ ли человѣкъ устроить свою жизнь иначе какъ либо, помимо сложной формы государственности? Не разъ была выражаема знаменитыми писателями мысль о томъ, что состояніе человѣчества было лучше и совершеннѣе въ то время, которое предшествовало происхожденію государства.

Поставленный вопросъ рѣшается очень просто: взрослому человѣку всегда представляется дѣтство самымъ лучшимъ и счастливѣйшимъ временемъ жизни, однакожъ ни возвратиться къ пережитому дѣтскому состоянію для взрослаго человѣка невозможно, ни задержать ростъ человѣка на всю его жизнь на той же ступени дѣтства также невозможно. Жизнь маленькой общины проста и несложна; никакихъ изысканныхъ привычекъ, ни разнообразія способовъ къ удовлетворенію насущныхъ нуждъ не имѣется; различіе между богатыми и бѣдыми если и существуетъ, то незначительное, разница

между тѣми и другими въ образѣ жизни, въ способахъ удовлетворенія своихъ нуждъ относится къ вещамъ маловажнымъ. Но можетъ ли человѣкъ всегда довольствоваться столь простою и несложною жизнью? Какъ началось умственное, вообще духовное развитіе въ обществѣ человѣческомъ, исторія не разъясняетъ намъ этого. Однако археологія свидѣтельствуетъ, что еще въ древнѣйшую до-историческую эпоху жизнь человѣческая не оставалась въ состояніи неподвижности; это видно изъ того, что орудія, которыми человѣкъ пользовался и которыя онъ изготовлялъ, постепенно усовершались и разнообразились. Человѣкъ не можетъ, подобно животному, безконечно повторять все тѣ же способы удовлетворенія своихъ нуждъ, ни въ чемъ ихъ не измѣняя. А разъ началось умственное развитіе, то человѣчество уже не могло остановиться на какой либо изъ первоначальныхъ ступеней этого развитія. Стремленія человѣка къ наивозможной полнотѣ своего бытія, къ такому состоянію, которое давало бы полную возможность человѣку проявить всѣ нормальныя свойства своей природы, всѣ стремленія своего сложнаго существа отъ низшихъ до высшихъ, слѣдуетъ ли признать законнымъ и необходимымъ? Едва ли возможно сомнѣніе относительно этого. Если бы кто захотѣлъ положить предѣлъ человѣческимъ стремленіямъ, духовному развитію человѣка и потребовалъ, чтобы онъ никогда не смѣлъ переступать этого предѣла, то жизнь при этомъ условіи сдѣлалась бы невыносимой; смерть предпочелъ бы онъ такой жизни. А соціализмъ въ сущности этого требуетъ и къ этому стремится. Чтобы не было ни богатыхъ ни бѣдныхъ, для этого соціализмъ признаетъ необходимымъ назначить опредѣленную мѣру для потребностей и установить одинаковые для всѣхъ способы ихъ удовлетворенія. Соціализмъ желалъ бы такъ организовать общественную жизнь, чтобы никто не испытывалъ недостатка въ самомъ необходимомъ, но для этого понадобилось бы подчинить суро-

вымъ правиламъ и строжайшему контролю трудъ каждаго члена общества, распредѣленіе времени, образъ жизни, вообще все поведеніе цѣлаго общества и каждаго въ отдѣльности. Даже тѣ, которымъ, при иныхъ условіяхъ существованія, угрожала бы нищета, конечно, не согласились бы подчиниться такому порядку жизни.

Итакъ, разумнымъ и необходимымъ надо признать именно то, что мы находимъ въ закономѣрномъ ходѣ исторіи, конечно тамъ, гдѣ началось и непрерывно продолжается умственное и нравственное развитіе, а находимъ мы въ исторіи постоянное стремленіе человѣка къ исправленію недостатковъ своихъ и своей жизни, къ усовершенію съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ отношеніяхъ своей общественной жизни. Напротивъ, стремленіе, свойственное соціализму—возвратить общественную жизнь, исторически сложившуюся, къ нѣкоторому изъ первобытныхъ ея состояній, и, за невозможностію такого возвращенія назадъ естественнымъ путемъ (подобно тому, какъ напр., поѣздъ можетъ двигаться и впередъ и назадъ въ случаѣ надобности), стремленіе, на мѣсто естественнаго историческаго формированія жизни, установить искусственный порядокъ жизни, преобразовать исторически сложившійся образъ и порядокъ жизни въ самомъ основаніи ея, слѣдуетъ признать очевидно ложнымъ и противорѣчащимъ природѣ человѣка. Можно сказать на это, что если бы человѣкъ не исправлялъ бы постоянно историческаго хода жизни, то этотъ ходъ могъ бы окончиться гибелью: нельзя пассивно, сложа руки относиться ко всякимъ историческимъ случайностямъ, которыя могутъ быть полезны, но могутъ быть и зловредны для человѣка. Не долженъ ли человѣкъ управлять этими случайностями, вообще историческимъ ходомъ жизни? Вопросъ очевидно состоитъ въ томъ, какъ разграничить участіе въ строеніи человѣческой общественной жизни свободной воли человѣка отъ того, что этой волѣ не можетъ подлежать въ историческомъ ходѣ жизни и

ея закономѣрности. Вопросъ этотъ существуетъ съ незапамятныхъ поръ и всегда онъ различно рѣшался. Трудность его и состоитъ въ томъ, что онъ допускаетъ возможность различныхъ рѣшеній. Поэтому коснемся этого вопроса, на сколько требуется это ходомъ нашего разсужденія лишь посредствомъ примѣровъ и сравненій. Не безъ основанія сравниваютъ государство, т. е. общество въ стадіи его высшаго развитія, съ организмомъ. Насколько это сравненіе въ настоящемъ случаѣ допустимо, настолько же, въ такой же точно мѣрѣ, это же сравненіе допустимо и относительно любого народнаго языка. Языкъ тоже есть организмъ и, подобно государству, тоже образуется исторически, цѣлымъ народомъ, племенемъ, а не отдѣльными лицами. Пусть попробуетъ кто-либо создать живой языкъ? Очевидно, это невозможно. У насъ пытались не то, что создать языкъ, а только радикально измѣнить исторически сложившуюся орѳографію, и чтожъ? предпріятіе это, какъ оно задумано, въ практическихъ своихъ послѣдствіяхъ оказалось столь нелѣпымъ, что, по необѣодимости, пришлось эту мысль бросить. А между тѣмъ въ историческомъ процессѣ образованія языка, конечно, участвовали отдѣльныя лица. Въ чемъ же состояло и могло состоять это ихъ участіе? Въ томъ, что непосредственное живое чувство наталкивало какое-либо лице произнести напр., извѣстное слово иначе, чѣмъ какъ произносилось оно прежде, и если такая перемѣна оказывалась удачною, т. е. новый способъ говора былъ удобнѣе, лучше согласовался со строемъ языка, въ такомъ случаѣ новое всѣми принималось; отдѣльному лицу, такимъ образомъ, въ качествѣ сознательнаго и произвольнаго акта, принадлежитъ отдѣльный поступокъ, единичное какое-либо дѣло,—но соотношеніе этого дѣла со множествомъ дѣлъ, производимыхъ другими лицами въ общей ихъ сложности, а тѣмъ болѣе послѣдствія болѣе или менѣе отдаленныя всякаго предпріятія отдѣльнаго, всякаго поступка,—то и другое выпадаетъ почти совсѣмъ изъ пре-

дѣловъ человѣческаго расчета, т. е. изъ предѣловъ воли и сознанія отдѣльныхъ лицъ, и это то, выходящее за предѣлы личнаго сознанія въ дѣлахъ человѣческихъ, одни (вѣрующіе) относятъ къ волѣ Божіей (провидѣніе), другіе къ природѣ, понимая природу, какъ силу безсознательную въ человѣкѣ и какъ неопредѣлимую и невѣдомую силу вещей внѣ человѣка. Инстинктивное влеченіе въ душѣ народа цѣлаго, племени, творческая сила, скрывающаяся въ глубинѣ народной жизни, сказывается прежде всего въ созданіи языка, миѳовъ, легендъ: общее строеніе, основы языка—произведеніе народнаго духа, а затѣмъ отдѣльные перемѣны, служащіе къ усовершенію языка, къ развитію его, производятся болѣе сознательно и намѣренно отдѣльными лицами, а въ процессѣ образованія основъ языка, первыхъ его элементовъ, хотя конечно происходившаго тоже чрезъ отдѣльныхъ лицъ, гораздо менѣе было, надо полагать, сознательности и намѣренности. Равнымъ образомъ и въ строеніи жизни общественной первыя основы, начала ея устанавливались отнюдь не по плану какъ-либо напередъ придуманному отдѣльнымъ лицомъ, или нѣсколькими лицами, а инстинктивнымъ дѣйствіемъ народнаго духа, который былъ наталкиваемъ на то или иное предпріятіе и дѣйствіе пожалуй случайными обстоятельствами, но всегда такъ выходило, ето общее направленіе характеръ и послѣдствіе всей совокупности дѣйствій и предпріятій оказывались вовсе не случайными. Въ творческомъ духѣ народа проявляется воля Божія, провидѣніе. Въ этомъ смыслѣ говорится, что голосъ народа есть голосъ Божій. Отсюда можетъ быть выведено такое правило для общественныхъ дѣятелей. Если какая-либо, назрѣвшая въ жизни, нужда даетъ себя сильно чувствовать и нужда эта чувствуется, хотя бы человѣкъ относился къ жизни безъ предубѣжденій и предвзятыхъ теорій, то надо дѣлать все возможное для удовлетворенія этой именно сильно чувствуемой надобности. Такъ ли поступаютъ наши реформаторы

революціоннаго пошиба? Нѣтъ; начинаютъ они съ того, что все прежнее въ строеніи жизни отъ начала и до конца, отъ низу до верху все сплошь признаютъ негоднымъ, и требуютъ перестроить жизнь наново отъ самаго ея основанія, всегда у насъ затѣваются *коренныя* реформы. Но напрасно мы стали бы требовать отъ нашихъ реформаторовъ отчетливаго разъясненія какіе именно недостатки и нужды они усматриваютъ въ существующемъ строѣ жизни общественной. Вмѣсто основательной и отчетливой критики, раздаются одни безсвязные вопли, гнѣвъ, брань шумъ вмѣсто трезвыхъ словъ. Дѣло въ томъ, что если бы были указаны опредѣленно недостатки и вообще все то дурное, что чувствуется и ясно замѣчается въ существующемъ строѣ жизни, и на это получился бы отвѣтъ или предложеніе о принятіи мѣръ къ исправленію всего, что замѣчено и указано дурного и неисправнаго, то такой способъ реформированія жизни очень многихъ неудовлетворилъ бы, ибо не исправленій, не усовершенія жизни многіе жаждутъ, а полнаго переворота, совершенаго ея пересозданія, начиная отъ самаго ея фундамента. Такое стремленіе и требованіе можетъ исходить только отъ людей вполнѣ убѣжденныхъ въ томъ, что строеніе общественной жизни отъ начала до конца есть дѣло человѣческое, и только человѣческое, что ни въ какой и самомалѣйшей степени не участвуетъ въ томъ воля Божія, провидѣніе, дѣйствующее въ проявленіяхъ народнаго духа на протяженіи всей исторіи,—отъ тѣхъ людей, которые убѣждены въ томъ, что вся исторія народа и человѣчества есть сцѣпленіе случайностей, пока самъ человѣкъ не взялъ ее въ свои руки и не сталъ созидать ее по своимъ расчетамъ и планамъ. Иначе сказать, только убѣжденные атеисты, не вѣрующіе могутъ думать, что людямъ просвѣщеннымъ (яко бы познавшимъ не только законы природы, но и законы жизни человѣческой) по праву принадлежитъ полная абсолютная власть надъ исторіей народа, надъ строеніемъ жизни обще-

ственной созданномъ исторіей. И дѣйствительно—соціалисты и анархисты—по необходимости должны быть атеисты; такова роль, взятая ими на себя. И если къ удивленію въ ряду хотя не самихъ революціонеровъ, но по крайней мѣрѣ сочувствующихъ имъ и поддерживающихъ стремленія революціонеровъ, видимъ тѣхъ, которые призваны проповѣдывать и поддерживать вѣру въ Бога и Провидѣніе, то это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, какъ велико можетъ быть недомысліе, заблужденіе и ослѣпленіе когда кто-либо принимается за дѣло, котораго не разумѣетъ, и возлагаетъ на себя обязанности, къ исполненію которыхъ не призванъ и не былъ подготовленъ. А вѣдь у насъ теперь въ качествѣ реформаторовъ выступаютъ юноши не учившіеся, мало учившіеся и даже вовсе не учившіеся.

Изъ сказаннаго выше объ участіи человѣческой воли въ историческомъ процессѣ не слѣдуетъ выводить заключенія, будто мы признаемъ невозможною дѣятельность отдѣльныхъ лицъ—планомѣрную и расчитанную на достиженіе обширныхъ цѣлей. Сказанное выше имѣетъ отношеніе лишь къ условіямъ успѣшности и благотворности, или неуспѣшности и безплодности таковой дѣятельности. Выдвигаютъ теперь принципы общечеловѣческіе, космополитическіе. Но этого рода принципы могутъ быть достаточными лишь для устроенія частныхъ и временныхъ обществъ для цѣлей спеціальныхъ: могутъ напр., собираться для рѣшенія какихъ-либо вопросовъ ученые изъ всѣхъ странъ, дипломаты, пожалуй представители обществъ торговыхъ, ремесленныхъ и под. Такого рода общества могутъ имѣть характеръ интернаціональный космополитическій. Дѣятельность же, простирающаяся на все общество и весь народъ, обнимающая всѣ интересы народной и общественной жизни, какова дѣятельность правительственная, должна опираться на началахъ національныхъ, установленныхъ исторіей, а потому съ уваженіемъ и признаніемъ, а не пренебреженіемъ должна относиться къ за-

вѣтамъ исторіи. У насъ, напр., правительство, смотря на Западъ и видя тамъ блестящее состояніе промышленности, которая развилась тамъ постепенно исторически, предприняло мѣры къ созданію такого же блестящаго состоянія промышленности фабрично-заводской, пренебрегши интересами свойственной нашей странѣ промышленности сельско-хозяйственной. И что жъ получилось въ результатѣ? Фабрики и заводы приготовили большой контингентъ забастовщиковъ, а сельское хозяйство въ упадкѣ. И не только практическая, но и чисто теоретическая научная дѣятельность должна имѣть для себя твердую основу въ національномъ самосознаніи, иначе не можетъ успѣшно развиваться и можетъ имѣть лишь характеръ подражательный, что мы и видимъ на дѣлѣ. Наша интеллигенція въ значительной своей части главною своею задачею считала подготовить у насъ революцію, сформировать партіи соціалистовъ и анархистовъ, что и было ею выполнено съ успѣхомъ, но она не задавалась вопросомъ нужно ли намъ все это, требуется ли что-либо подобное нашей исторіей. Существенную потребность у насъ составляетъ образованіе общаго философскаго міровоззрѣнія, иначе сказать интеллектуальной вѣры въ духѣ народнаго характера, народной жизни и вѣрованій народныхъ. Если спросятъ, почему же государственная жизнь, почему развитіе промышленности и науки, созданіе міросозерцанія философскаго въ духѣ національномъ, почему все это не совершается такъ же стройно послѣдовательно, безъ потрясеній и переворотовъ, какъ это мы видимъ въ исторіи образованія языковъ, и можно ли поэтому сравнивать другіе виды человѣческой дѣятельности съ процессомъ образованія языка, то подобное недоумѣніе легко разрѣшается. Съ процессомъ образованія языка не связаны чисто эгоистическіе матеріальные интересы, какъ они связаны съ другими видами человѣческаго творчества. Нѣкто высказалъ вполнѣ вѣрное замѣчаніе, что если бы математическіе аксіомы имѣли тѣсную

связь съ матеріальными интересами жизни, то непремѣнно возникли бы споры и пререканія и о математическихъ аксіомахъ; одни признавали бы ихъ, другіе отвергали бы, были бы партіи на подобіе консерваторовъ и либераловъ. Все сказанное можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ.

I. Индивидъ не такъ изолированъ и самостоятеленъ, чтобы возможно было считать общество простою суммою отдѣльныхъ лицъ. Общественность важное имѣетъ значеніе для отдѣльнаго лица какъ среда обезпечивающая его существованіе и способствующая развитію его силъ. Поэтому общественность и общежительныя склонности не составляютъ такого свойства, которое человѣкъ по своему произволу могъ бы также и не имѣть вовсе. Общественность для человѣка есть необходимое условіе существованія его, слѣдовательно и общественныя отношенія для него необходимы и отъ индивидума хотя различимы въ теоріи, но практически отъ него не отдѣлимы. Отъ воли человѣка зависитъ только своимъ общественнымъ отношеніямъ придать такой или иной характеръ, устанавливать ихъ для себя въ такомъ или иномъ направленіи и духѣ, вслѣдствіе этого общественныя отношенія различно оцѣниваются, смотря потому, какая мѣра полагается въ основу оцѣнки таковыхъ отношеній. Посколько общественность въ основныхъ ея чертахъ есть созданіе исторіи, т. е. выработана и опредѣлена совокупнымъ трудомъ длиннаго ряда поколѣній, она имѣетъ независимое отъ произвола отдѣльныхъ лицъ, самостоятельное значеніе. Созданное исторіей не должно быть разрушаемо до основанія, а только должно подлежать исправленію, дополненію, частичному измѣненію, вообще же усовершенію въ цѣломъ.

II. Необходимыхъ, одинаковыхъ для всѣхъ народовъ законовъ общественности подобныхъ законамъ природы не существуетъ, а существуютъ принципы или нормы общественности: есть начала общечеловѣческія и начала національныя. Произвольныя обобщенія, выраженія желаній и стремленій

нѣкоторыхъ общественныхъ группъ, иногда же склонности и свойства лицъ, изучающихъ явленія общественной жизни служатъ скрытыми мотивами къ такому или иному опредѣленію законовъ этой жизни. Этимъ путемъ создаются лишь предразсудки—ложныя теоріи и взгляды, которые, распространяясь въ обществѣ, превращаются въ догматъ, слѣпо принимаемые на вѣру какъ истины добытыя и установленныя наукой. Поэтому неправильныя рѣшенія вопросовъ, касающихся общественной жизни, нельзя такъ легко исправить и измѣнить, какъ это возможно въ области вопросовъ чисто научныхъ—теоретическаго характера. Этимъ объясняется то, что свобода изслѣдованія чисто научнаго дѣйствительно способствуетъ развитію и усовершенію науки, но свобода публицистики печатной и изустной способствуетъ иногда лишь бо́льшему распространенію и укрѣпленію заблужденій.

III. Существуютъ не только общечеловѣческія, но и національныя начала общественности. Начала эти различимы только въ теоріи, а потому коль скоро дѣлается опытъ—основать государственный строй исключительно на началахъ общечеловѣческихъ, то такой опытъ является лишеннымъ дѣйствительнаго жизненнаго значенія, а отличается искусственностью, меные замѣтною тамъ, гдѣ національный характеръ общественнстн отъ низу до верху развился и окрѣпъ. Конституціонализмъ полагающій въ основу государственной жизни начала общечеловѣческія, приводитъ на практикѣ къ отрицательнымъ направленіямъ соціалвзма и анархизма. Конституціонализмъ противополагаетъ два типа государственнаго устройства, обозначаемые названіями государства полицейскаго и государства правового, при чемъ утверждается ихъ несовмѣстимость. Такое несомнѣнно ложное утвержденіе сообщается конституціонализму характеръ революціонный. Ибо въ управленіи государствомъ равно необходимо участіе какъ выборныхъ отъ народа и общества лицъ, такъ и уполномоченныхъ отъ верховной власти. Наши конституціоналисты

на первомъ мѣстѣ въ своей программѣ выставляютъ принципъ національности, какъ бы не догадываясь о томъ, что самъ конституціонализмъ въ основаніи своемъ направленъ противъ началъ національныхъ, каковыми у насъ служатъ самодержавіе, православіе и народность.

IV. Государство какъ высшая форма общественной жизни не есть историческая случайность, а разумная необходимость, основаніе которой заключается въ природѣ человѣка, почему ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ подлежать отмѣнѣ и замѣнѣ какимъ-либо иного рода устройствомъ общежитія. Разрушеніе государственной формы общежитія было бы противоестественнымъ и враждебнымъ вѣрѣ въ провидѣніе, руководящее судьбами царствъ и народовъ возвращеніемъ человѣчества въ первобытное, давно пережитое и даже худшее всякаго первобытнаго,—ибо насильственное состояніе. Свободная воля человѣка и его личный разумъ безъ вреда, напротивъ съ пользою для органическаго и стройнаго развитія жизни общественной, могутъ проявляться либо въ отдѣльныхъ поступкахъ, сообразныхъ съ данными условіями и обстоятельствами жизненнаго строя, либо въ дѣятельности систематической и планомѣрной, но при условіи, чтобы таковая дѣятельность исходила изъ началъ національныхъ и на нихъ опиралась, будетъ-ли это дѣятельность практическая, или чисто умственная.

